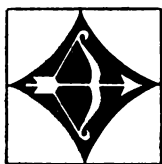

НИКОПАЙ ТОМАН
**ЕСЛИ ДАЖЕ
ПРИДЕТСЯ
ПОГИБНУТЬ...**

Томан Н. В.

Т56 Если даже придется погибнуть... Повести. М., «Молодая гвардия», 1973.

240 с., с илл. («Стрела»). 65 000 экз. 52 к.

В книге помещены две повести: «Если даже придется погибнуть...» и «Сильнее страха». Первая повесть рассказывает о том, как инспектор милиции, опираясь на помощь заводских дружинников, ведет поиски и задерживает опасного преступника.

Вторая повесть также посвящена работникам органов МВД. Столкнувшись с преступлением, они помогают одному из подростков освободиться от влияния рецидивиста, вовлекшего его в свои преступные дела, а затем разоблачают уголовника, пытающегося сформировать из молодых ребят группу правонарушителей.

7—3—2

192—73

P2

НИКОЛАЙ ТОМАН

**ЕСЛИ ДАЖЕ
ПРИДЕТСЯ
ПОГИБНУТЬ...**

П О В Е С Т И

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1973

T56
P2

7—3—2
192—73

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

Дежурная по штабу заводской народной дружины Валентина Куницына удивленно смотрит на покрасневшее, мокрое от пота лицо Анатолия Ямщикова.

— Ты жив и невредим?.. — произносит она наконец, не сводя с Анатолия восторженного взгляда.

— Как видишь.

— Но ведь их было трое...

— А ты откуда знаешь?

— Марина позвонила...

— Какая Марина?

— Грачева.

— Ей-то откуда известно, что их было трое?

— Сначала она действительно не знала, но, когда ты схватился с ними, позвонила во второй раз из телефона-автомата.

— Как во второй? Выходит, что и первый звонок был ее? Почему же ты сразу не сказала?

— Какое это имело значение? — пожимает плечами Валентина. — Да ты и не дал мне договорить, выскочил из штаба как сумасшедший. И вообще...

— Что вообще?

— Очень нервным стал.

— Зато те, кто по главным улицам патрулируют, слишком уж спокойные. И происшествий никаких, и у людей, особенно у знакомых девочек, на виду. А в темных переулках, где захмелевшие юнцы бесчинствуют, что-то я их ни разу не видел...

— Ну зачем ты так обо всех, Толя? Скажи лучше, кого имеешь в виду?

— Твоего Серегина хотя бы.

— Это ты о сегодняшнем случае? Но ведь когда позвонила Марина, он уже кончил дежурство...

— А я не кончил?

— И ты кончил.

— И тоже, стало быть, имел право отказаться?

— А Серегин разве отказался?

— Формально не отказался, но не забыл напомнить, что он сегодня уже...

— Зато ты сорвался как угорелый. Как же ты все-таки с ними один?

— Может быть, и не очень деликатно, но дал им понять, что с дружинниками не шутят. Теперь-то могу я наконец пойти домой?

— Ты давно уже мог.

— Это Серегин мог! — снова вспыхивает Анатолий. — А я не мог... Ну да ладно, будь здорова!

— А ты не изувечил их, Толя? — встревоженно хватает его за руку Валентина. — Ты ведь когда разгорячишься...

— Что значит разгорячишься? Я, если хочешь знать, был разъярен! Эта сволочь на прохожих с бутылками, как с гранатами. Один из них и меня тоже поллитровкой по голове... Вот ему-то я и заехал по всем правилам профессионального бокса.

— Они действительно юнцы?

— Двое — пожалуй. А третий, тот, что бутылкой меня, далеко не юнец. И, между прочим, пригрозил: «Погоди, милицейский холуй, мы с Тузом с тобой еще рассчитаемся!» Припоминается мне, что кличку эту — Туз я уже слышал где-то...

— Так ведь это кличка бандита, бежавшего из исправительно-трудовой колонии особого режима! Забыл разве, что нам о нем рассказывала инспектор райотдела милиции Татьяна Петровна Грунина?

— Видно, все-таки как следует огрели меня бутылкой — совсем память отшибло, — смеется Анатолий, ощупывая голову руками. — Выходит, что этот Туз, где-то тут, в нашем районе?

— Нам потому и рассказали 'о нем... А тебе нужно бы к врачу. Дай-ка я посмотрю, что там у тебя такое...

— Э, да ничего серьезного! — отмахивается от Валентины Анатолий. — Я успел присесть, и бутылка лишь задела меня слегка. Даже шишки пока нет... Ну я пошел! Будь здорова!

В голове Анатолия, однако, все еще шумит от удара, и шишка уже нащупывается. Но сильнее боли возмущение скотским поведением одуревших от водки парней. Они озверело бросались на прохожих. Как же было их не проучить? И он проучил. Да и можно ли

было по-другому, если он один, а их трое? К тому же у того, которого он сбил с ног, была, видимо, финка, только он не успел ею воспользоваться...

Сначала, правда, Анатолий попытался было вразумить пьяных парней словами, призвать к порядку, почти не сомневаясь, однако, что все это явно впустую, но так полагалось, и он не хотел отступать от правила.

А вот Олег Рудаков нашел бы, пожалуй, способ, как обойтись без драки. Он спокойнее, рассудительнее, у него железная система, которая держит его как корсет...

О том, что жестко продуманная система поведения и строгое следование этой системе держат человека в равновесии, как корсет дряблое тело, Анатолий узнал из книги учителя одной из ленинградских вечерних школ Владимира Ярмачева «Время нашей зрелости». Он взял ее у Олега на несколько дней и выписал понравившиеся ему мысли.

«Мне нужны были правила, — писал в своей книге учитель, — они держали меня как корсет. Нарушая их, я страдал».

Наверное, страдает и Олег, нарушая свою систему поведения. Пригодился бы и ему, Ямщикову, такой корсет для обуздания своего темперамента, но по душе ему пришлось не столько это сравнение, сколько восклицание Ярмачева: «Ждать счастья — надеяться, что лодку к берегу волной прибьет. Греби, сукин сын!»

Да, да, нужно грести, и изо всех сил... Но лодку к берегу волной если и прибьет, то скорее всего не к тому. Грести тоже ведь нужно, зная к какому. И тут, пожалуй, нужна не столько жесткая система поведения, сколько твердые убеждения. Они подталкивают или сдерживают не хуже любой системы. Во всяком случае, так кажется Ямщикову.

«А позвонила в штаб дружины, значит, Марина Грачева? — возвращаются мысли его к только что пережитому. — Вот кого нужно было бы в дружинники, хотя ее брат и отбывает наказание в исправительно-трудовой...»

И тотчас же образ Марины почти зримо возникает перед глазами Анатолия. Загорелое открытое лицо, густые черные, очень подвижные брови и копна темно-каштановых волос, будто все время развеваемых ветром. Да и вся она в непрерывном движении. Анатолий

не помнит случая, чтобы она сидела задумавшись, не шевелила бы руками, не вскидывала бы головы при разговоре. Все ее интересовало, до всего было дело, во все хотела вмешаться, всем помочь. Школьные подруги о ней говорят: «Нет у нас прямее и честнее ее никого!» Да и сам Анатолий ни разу в этом не усомнился. Но как же выросла она такой рядом с преступным братом? У нее ведь, кроме него, — никого. Отец с матерью умерли, когда она была совсем маленькой.

Где же, однако, была Марина, когда он схватился с хулиганами? Случилось ведь в скверике это, и вроде вокруг ни души. Дикие вопли пьяниц вынуждали прохожих обходить его подальше.

И вдруг вспоминается, крикнул кто-то: «Что же вы, негодяи, трое на одного?»

Конечно же, это могла быть только Марина! Анатолий не обратил тогда внимания на этот крик (было не до того) и не узнал ее голоса, но теперь ни секунды не сомневается, что это была она. В темноте, пожалуй, и Марина не разглядела, на кого набросились эти подонки, главное — их было трое против одного, значит, нужно было снова бежать к телефону, звонить в штаб дружины, просить подмоги. А в первый раз она, конечно, позвонила, как только увидела, что пьяные хулиганы пристают к прохожим.

Тренер Анатолия всегда хвалил его за чувство дистанции в бою. Считал, что у него выработаны точные двигательные рефлексы на пространственные раздражители и даже будто бы хорошо развиты «пространственно-различительные функции психофизиологических анализаторов». И еще что-то о вестибулярном аппарате. Да, вестибулярный аппарат у него неплох. Это Анатолий и сам чувствует, а во всем остальном сомневается. Скорее всего срабатывают инстинкт и интуиция.

Он, правда, внимательно прислушивается ко всем советам своего наставника и на тренировках аккуратно им следует. Но как только начинается не тренировочный, а настоящий бой, начисто все забывает и действует механически. Твердо помнит он лишь одно — свое явное преимущество в бою на длинных дистанциях.

Все это очень пригодилось ему сегодня в схватке с пьяными хулиганами. Сначала он хотел было покончить с ними, как говорится, миром и сказал как можно дружелюбнее:

— Ну вот что, юные герои, пошумели — и давайте-ка по домам!

Но в ответ на его мирное предложение один из них разразился грязной бранью, а другой замахнулся бутылкой, и, если бы Анатолий не владел такими приемами защиты, как «уход», «уклон» и «нырок вниз с приседанием», худо бы ему пришлось.

Взывать к благоразумию было уже бессмысленно. Мгновенно приняв боевую стойку, он нанес серию прямых ударов левой по корпусу ближайшего к нему противника, а затем свой неотвратимый, посылающий в нокдаун удар правой. Тот, кто замахнулся на него бутылкой, тяжело рухнул на тротуар. А Анатолий снова вернулся в боевую стойку и, не дав двум другим своим противникам опомниться, отбросил в сторону того, который был ближе к нему, знаменитым «свингом» — ударом с размаху с дальней дистанции выпрямленной рукой. А так как третий хулиган, нетвердо державшийся на ногах, неловко наклонился в сторону Анатолия, создав тем самым почти классическую ситуацию для удара снизу, Ямщиков не замедлил этим воспользоваться.

Вот тут-то старший из хулиганов, все еще лежавший на земле, и полез за финкой, но либо там ее не оказалось, либо он раздумал ею воспользоваться, — рука его так и застряла в кармане. А Анатолий поспешил закрепить свою победу грозным окриком:

— Эй вы, скоты, забирайте-ка своего атамана — и марш по домам!

— Поднимите же меня, заразы! — закричал и тот, что лежал на земле. Он, видимо, и в самом деле был у них за главного.

Парни поспешно склонились над ним.

Тут он и крикнул:

— Погоди, милицейский холуй, мы с Тузом еще с тобой рассчитаемся.

Анатолий не обратил тогда внимания на эти слова — разбитому наголову противнику ничего ведь и не оставалось, как отводить душу угрозами. Это уж потом, в разговоре с Валею Куницыной, вспомнил он, что Туз — беглый рецидивист, которого разыскивает милиция. Старший из нападавших был, видимо, как-то с ним связан. Жаль, что в темноте не удалось как следует его рассмотреть.

Победа далась Анатолию, однако, нелегко. Она отняла много сил, и он мечтал теперь лишь об одном — добраться поскорее до дома, подставить под холодные жесткие струи душа все еще разгоряченное тело — и в постель!

2

Старший инспектор районного отдела внутренних дел Татьяна Грунина очень спешит. От метро до места ее работы теперь уже недалеко — всего пять минут ходьбы, но и времени в обрез, а ей сегодня нужно быть ровно в девять. Она так торопится, что на нее начинают обращать внимание прохожие.

Но вот наконец и подъезд райотдела! Она распахивает тяжелую дверь и, минуя вестибюль с книжным киоском, поднимается на третий этаж. Теперь по коридору поскорее в свою комнату. Хорошо хоть, что не видно никого из знакомых — не нужно тратить время на приветствия и разговоры. Лишь у дверей начальника паспортного стола ее внимание привлекает небольшая очередь посетителей — человек пять-шесть. Проходя мимо, Грунина невольно задерживает взгляд на средних лет мужчине в выгоревшей военной гимнастерке. Где-то она уже видела его... Рыжий, плечистый, широколицый, с мясистым носом. Очень знакомая физиономия!

Хоть ей сейчас и не до воспоминаний, Татьяна, однако, все еще силится припомнить, где же видела она этого человека? Одно лишь ясно — в обстоятельствах необычных. И вдруг ее осеняет — Грачев!

Да, это он, слесарь Павел Грачев, осужденный за тайное изготовление крестиков в заводском цехе, которые кто-то из его сообщников сбывал служителям культа одной из подмосковных церквей. Дело это вел другой инспектор, а Грунина ездила к Грачеву в исправительно-трудовую колонию и допрашивала его там как свидетеля по совершенно иному поводу.

Когда же это было? Год назад, кажется... Да, около года. Он тогда уже отсидел большую половину своего срока. А теперь, значит, освобожден и собирается, наверное, прописаться по прежнему месту жительства? Проживал он, помнится, по Конюховской улице...

Кто же там у него остался? Сестра как будто... Да, сестра-школьница, мать и отец умерли вскоре после войны.

Досадуя на себя, Татьяна встряхивает головой — не время сейчас думать об этом! Нужно идти к начальнику с докладом. Он поручил ей провести опрос своих подчиненных и теперь ждет результатов ее работы. Похоже, что собирается выступать на предстоящем соещании в городском Управлении внутренних дел.

Давно бы пора разобраться, на что уходит рабочее время инспекторов. Получается ведь, что почти десять процентов его расходуется на писанину. Разве не могли бы выполнять все это технические работники или сами же инспекторы с помощью так называемой «малой механизации» управленческого труда?..

Размышления Татьяны прерывает звонок. Она поспешно снимает трубку. Это начальник.

— Слушаю вас, Евгений Николаевич. Да, все готово. Иду!

Собрав в папку отпечатанные на машинке страницы своего доклада и записи, сделанные от руки, которые могут ей пригодиться, Грунина спешит в кабинет начальника. Проходя мимо дверей паспортного стола, снова бросает взгляд на Грачева. На этот раз, кажется, и он обращает на нее внимание. Случайно или узнал?

— Вы все хорошеете, Танечка, — встречает ее Евгений Николаевич Лазарев банальной фразой.

Грунина едва заметно хмурится — не любит она комплиментов, да и Танечкой называть себя никому не разрешает. Евгений Николаевич знает это и лишь наедине с нею позволяет себе такую вольность.

— И не надо дуться, — все еще улыбается Евгений Николаевич. («С чего это у него такое хорошее настроение?») — Я ведь не из ловеласов, однако вам всегда почему-то хочется сказать что-нибудь приятное.

— Но ведь вы же знаете, Евгений Николаевич...

— Да, да, знаю, что вы терпеть этого не можете, но что поделаешь — само срывается с языка. У вас только поэтому испортилось настроение?

— Есть и иные причины.

— Ну тогда докладывайте все по порядку.

— О результате моих бесед с коллегами прочтите лучше сами, это займет меньше времени, — протягивает свой доклад Лазареву Татьяна.

«Ну и характер», — без особого раздражения думает о ней Евгений Николаевич. Но, в общем-то, характер ее начальнику нравится. Одному из своих коллег, сокрушавшемуся по поводу норова Груниной, он даже заметил как-то: «А ведь это, дорогой мой, и не норов вовсе, а система самообороны, способ сохранения собственного достоинства. Она серьезный и к тому же талантливый оперативный работник, а мы рассыпаемся перед ней в комплиментах, будто перед примадонной...»

Вспомнился подполковнику Лазареву и другой разговор. Он произошел спустя примерно год после того, как Грунина пришла в его отдел. К тому времени он имел возможность оценить и характер ее, и деловые качества. Ничто уже не составляло для него загадки, все было ясно, поэтому он не задал ей вопроса: почему пошла она на оперативную работу в органы дознания, а не в следственный аппарат. Спросил ее о другом:

— А скажите, Татьяна Петровна, как родители отнеслись к вашему решению работать инспектором?

— Это вы потому, что работа в органах дознания — неженское вроде дело? — усмехнулась Татьяна.

— Не совсем. Работа следователя тоже ведь не очень женская...

— Однако интеллигентнее вроде, — досказала за него Татьяна.

— Я этого не считаю... — попытался возразить ей Лазарев, но она снова перебила его:

— Мои родители тоже этого не считали. Их беспокоило другое, особенно маму — справлюсь ли я с этим «не очень женским делом»? Но мне даже отвечать ей не пришлось. За меня ответил отец. «Как вот я представляю себе работу теперешних органов дознания, — сказал он маме. — Для них, по-моему, важна не столько мускулатура, сколько хорошая голова. Я бы даже сказал — спокойная, трезвая голова, умеющая быстро все схватить, взвесить и рассудить. Так ведь все это у нашей Тани есть. А схватываться с преступниками врукопашную ей вряд ли придется. Ты же читаешь иногда Жоржа Сименона, запомнил ли тебе хоть один случай, когда его прославленный комиссар Мегрэ стрелял в кого-нибудь?» — «Но ведь пистолет-то ей, наверное, выдадут?» — перебила отца мама. «Выдадут, но лишь на всякий пожарный случай, как говорится», — рассмеялся папа.

Вспомнив теперь этот давний разговор, подполковник Лазарев невольно улыбается, прикрывая лицо страничками доклада Груниной. Торопливо прочитав сжато изложенные соображения Татьяны, он сдержанно хвалит ее и спрашивает:

— О применении на допросах диктофона почему не упомянули?

— Вы сами высказали об этом много интересных мыслей, и я полагала...

— Э, какие там интересные мысли! — пренебрежительно машет рукой Лазарев. — Эти мысли, как говорится, витают в воздухе. Ну да ладно, это я сам потом добавлю. Теперь о причине вашего плохого настроения...

— А точнее, озабоченности, — поправляет его Татьяна. — Вы помните дело об избиении Глафиры Бурляевой?

— Дознание по которому производили вы? Но ведь оно завершено и муж Бурляевой осужден.

— И все же я, как вам известно, не была убеждена, что последнее избиение, в результате которого Бурляева попала в психиатрическую больницу, — дело рук ее мужа. Да, он бил Глафиру, это засвидетельствовано ее соседями по квартире, но так зверски избить он ее все-таки не мог.

— Опять вы за свое...

— Да, я опять за свое, Евгений Николаевич! Называйте это как угодно, хоть чистой интуицией, но я убеждена, что избил Глафиру не Бурляев, а кто-то другой.

— В его присутствии?

— Да, скорее всего в его присутствии.

— Почему же тогда Бурляев взял всю вину на себя?

— Потому, видимо, что того, кто избивал в этот вечер его жену, и он, и сама Глафира, и некоторые другие свидетели до смерти боятся.

— А кого вы имеете в виду под другими свидетелями?

— Их соседа Павла Грачева, например.

— Того самого Грачева, допрашивать которого вы ездили в исправительно-трудовую колонию? Но, насколько мне помнится, он показал, что был в тот день пьян и не слышал, что творилось у Бурляевых.

— Все это действительно записано в протоколе допроса. Однако он не отрицал, что часто слышал, как

Бурляев «учил свою супругу уму-разуму». Но ведь пьян-то он бывал почти ежедневно, так почему же прежде слышал, а когда избиение соседки носило совсем уж зверский характер и она, видимо, кричала или стояла громче прежнего, не слышал ничего?

— Вы не допускаете разве, что в тот вечер был он пьян более обыкновенного?

— Вот этого-то как раз и не было! — энергично возражает Татьяна. — Именно потому, что Грачев был пьян постоянно, соседка по их общей квартире, открывавшая ему входную дверь, обратила внимание, что был он в тот вечер совершенно трезв. Я ведь вам, Евгений Николаевич, все это уже докладывала в свое время...

— Да, да, докладывали, припоминаю. Помнится даже, что приехали вы от Грачева с убежденностью, будто ему известен подлинный виновник увечья Глафиры Бурляевой.

— Я вам еще сказала, что Грачев не просто мелкий предприниматель, делавший из заводских материалов крестики для верующих, он законченный, убежденный стяжатель со своей отвратительной стяжательской философией.

— Будем надеяться в таком случае, что Грачев не так скоро вернется...

— Он уже вернулся, Евгений Николаевич! Я только что видела его в очереди к начальнику нашего паспортного стола.

— Так вот, значит, в чем причина вашей сегодняшней озабоченности?

— Да, в этом. Он ведь не только снова будет жить в нашем районе, но и вернется, наверное, на тот же завод.

— Ну, во-первых, это еще неизвестно. А, во-вторых, не вижу в этом ничего страшного. Он работал на экспериментальном? Так там у них лучшая в районе народная дружина и комсомольский оперативный отряд. Они не выпустят его из своего поля зрения...

— Я не очень уверена в этом, Евгений Николаевич. Едва ли Грачев внушит кому-нибудь подозрение. Такой усыпит бдительность и более опытных людей. Когда я ездила в колонию, начальник ее отзывался о нем, как о самом дисциплинированном и трудолюбивом.

— Кстати, какая репутация была у него на заводе до ареста?

— Он и на заводе числился чуть ли не в передовиках. А вот убеждения у него...

— Каким, однако, образом стали они вам известны? — иронически усмехается Лазарев. — Насколько мне помнится, в колонии вы с ним беседовали не более полчаса.

— Совершенно верно, но Грачев позволил себе в эти короткие полчаса «раскрыться», откинуть, так сказать, забрало и высказать свое «кредо».

— Смел, стало быть.

— Скорее нагл.

— Знаете почему? Внешность ваша спровоцировала его на такую откровенность. Вы ведь в штатском были? Ну вот он и решил пооткровенничать с интересной женщиной, да еще и посоветовал, наверное, с вашими внешними данными попытать счастья в кино. Угадал?

— Что-то в этом роде, — смущенно улыбается Татьяна. — Но опасность возвращения Грачева на завод нельзя недооценивать. Я по-прежнему убеждена, что он как-то связан с тем, кто изувечил жену его соседа.

— Дело Грачева вел, кажется, Биленко?

— Да, Биленко. Но что сейчас говорить об этом. Он теперь в Киевском управлении министерства внутренних дел. К тому же формально к нему вроде и не придерешься...

— Вы считаете, что придаться было к чему?

— К сожалению, я познакомилась с делом Грачева уже после того, как он был осужден. Но мне кажется, Биленко не должен был верить его заявлению, будто изготовленные им крестики сбывал он через служителей церкви, фамилии которых не мог назвать. Скорее всего занимался этим кто-то из его сообщников. И если теперь Грачева снова примут на тот же завод...

— Да почему вы решили, что на тот же! — с едва заметным раздражением восклицает подполковник. — Я позвоню сейчас начальнику паспортного стола, и мы узнаем...

— Именно об этом я и хотела вас попросить.

Лазарев снимает трубку внутреннего телефона и то-ропливо набирает нужный номер.

— Товарищ Бирюков? Здравствуйте, Иван Иванович! Это Лазарев. У вас там на приеме должен быть

некто Грачев... Уже был! Ну и как вы решили вопрос с его пропиской?.. Понятно. А работать он где же собирается? Так-так... Спасибо за справку.

Положив трубку, Евгений Николаевич смущенно улыбается.

— Вы как в воду глядели, Татьяна Петровна. Грачев, оказывается, прекрасно вел себя в заключении и вернулся в Москву с отличной характеристикой и ходатайством исправительно-трудовой колонии о зачислении его на прежнее место работы...

— И сердобольные администраторы завода, конечно, согласились принять его в свою семью, — нетерпеливо перебивает его Татьяна. — Но ведь он там снова...

— Почему же снова?

— Да потому, Евгений Николаевич, что таких, как Грачев, никакая колония не исправит. В связи с этим нужно бы подумать и о тех, кто будет с ним работать. Предупредить, предостеречь...

— Вы же шефствуете над народной дружиной этого завода. Вам, как говорится, и карты в руки. Предупредите прежде всего штаб заводской дружины.

— О том, что к ним возвращается Грачев, их и без меня, наверное, уже поставили в известность. Я хотела бы предостеречь тех, кто будет с ним рядом. Он слесарь-инструментальщик, значит, снова вернется в инструментальный цех, а там много молодежи, пришедшей на завод уже после ареста Грачева.

— А члены штаба заводской дружины Рудаков и Ямщиков разве не инструментальщики?

— Инструментальщики, и мне бы хотелось именно у них побывать сегодня во время обеденного перерыва.

— Боюсь, что это не удастся. Я хочу поручить вам дело Тимохина, занимающегося спекуляцией автопокрышками. Его нужно сегодня же допросить. А Рудакову или Ямщикову вы можете позвонить или встретиться с ними завтра.

3

Позвонить Рудакову Татьяне удастся только в конце рабочего дня, да и то не ему лично, а комсоргу цеха. И лишь минут десять спустя звонит ей уже сам Рудаков:

— Здравствуйте, Татьяна Петровна! Это Рудаков...

— Вы очень нужны мне, Олег! — обрадованно восклицает Татьяна. — Только это, как говорится, не телефонный разговор... Где бы нам с вами встретиться?

— Могу к вам в райотдел...

— Я говорю с вами не из райотдела и больше там сегодня не буду... Приезжайте-ка тогда лучше ко мне домой!

— С удовольствием! Надо бы только заехать переодеться...

— Я ведь вас не на ужин приглашаю, а по делу, и притом очень серьезному, — смеется Татьяна.

— Давайте адрес, приеду к вам сразу же после работы.

Рудаков, однако, заезжает все-таки домой. На нем теперь новый, ладно сидящий черный костюм, хотя на улице и сейчас еще около двадцати пяти. Скорее всего и сорочка была с галстуком — он, наверное, в кармане пиджака, который заметно топорщится. Да и сам Олег чувствует себя у Татьяны неловко, скованно как-то — впервые ведь.

— Вы бы сняли пиджак, — предлагает Татьяна.

— Да, пожалуй...

Он вешает пиджак на спинку стула, а Татьяна решает нелегкий для себя вопрос: как сесть — рядом с ним или напротив?

Конечно, естественнее было бы напротив, но эти дурацкие мини-юбки ужасно все осложняют. Сидишь все время со сжатыми коленками, и твой собеседник смотрит только на твое лицо, не решаясь опустить глаза. Чертовски все глупо! Наверное, средневековые дамы в своих замысловатых костюмах чувствовали себя гораздо естественнее и свободнее...

Но ничего не поделаешь, нужно садиться напротив Олега: так удобнее вести беседу. Не за письменный же стол, стоящий у окна? Это уж будет не дружеский разговор, а «прием по делу».

— Помните вы слесаря-инструментальщика Грачева? — после небольшой заминки спрашивает Олега Татьяна.

— Которого посадили?

— Да, того самого. Ну так он уже вернулся. Скоро снова явится к вам на завод и; видимо, в ваш инструментальный цех.

— Это-то обязательно.

— Я все-таки уверена, что Грачев попросится именно в ваш цех. Он и в исправительно-трудовой колонии инструментальщиком работал. Мало того — квалификацию свою там повысил.

— И как таких на квалифицированную работу ставят! — возмущается Олег. — Я бы их всех на заготовку леса в какие-нибудь дебри...

— У него был иной режим, да и не в этом сейчас дело. Главное — боюсь, что он там ничему не научился, если не считать слесарного мастерства. Теперь только поосторожнее будет. Но это тоже не самое главное. Подозреваю я, что связан он с более крупным хищником. С таким, который ни перед чем не остановится. Вы имейте это в виду, но пока, кроме комсорга цеха, никого о моих соображениях в известность не ставьте. Даже Ямшикову не сообщайте.

— Вы думаете, что ему это...

— Нет, нет, я ничего такого о нем не думаю! — поспешно перебивает его Татьяна. — Просто в этом нет пока нужды. Но вы за Грачевым посматривайте. Не сомневаюсь, что он постарается сблизиться с теми, кто ему потом сможет пригодиться. С Мавриным, например.

— А вы Маврину, значит, не доверяете?

— Просто Маврин может ему показаться подходящим.

— Я за Вадима Маврина ручаюсь! Он только с виду простачок и его вроде на любое дело можно подбить. Но, во-первых, он уже проучен, а во-вторых, и это я считаю главным, очень любит одну девушку и очень дорожит ее уважением.

— Знаю, знаю я эту девушку! — смеется Татьяна. — Варя Кречетова из технического отдела — угадала? Знаю и то, что это она из него человека сделала. Но ведь Грачев-то этого не знает, да и не поверит... Не в состоянии поверить, что такое вообще возможно.

— Варя сейчас уже на втором курсе заочного института. Она и Маврина заставила закончить вечернюю школу. Он тоже собирается в заочный.

— Знаю я и это, — улыбается Татьяна, дивясь непривычному для Олега тону голоса. На заводе он всегда громкоголос, энергичен, даже, пожалуй, властен, а тут у нее сдержан, мягок и даже робок, пожалуй, хотя этого она от него никак не ожидала.

С нею он, правда, всегда вежлив и почтителен, но в споре так повышает голос, что потом сам же просит извинения. И все-таки он кажется ей совсем мальчишкой, хотя она всего лишь на три года старше его.

— Знаю я еще и то, — продолжает Татьяна, — что Варя Кречетова не давала покоя Вадиму до тех пор, пока он не добился права быть принятым в вашу бригаду. И не из-за того вовсе, что у вас там самые высокие зарплаты.

— Да, бригада наша славится не столько зарплатами, сколько строгими правилами, — довольно улыбается Олег. — Мы не называем их какими-то высокими словами, а просто считаем эти правила совершенно необходимыми для настоящего рабочего человека. Хотя ребята у нас, сами знаете, совсем не святые, но мы пока довольно успешно противостоим всяческому соблазнам...

— Я полагаю, что труднее всех у вас Анатолию, — перебивает Олега Татьяна, вызывая в своей памяти образ рослого красавца Ямщикова.

— Да, он горяч и вспыльчив, — соглашается Олег.

— И не только это. По-моему, он подвержен соблазнам больше, пожалуй, чем все вы, вместе взятые, и я очень боюсь, как бы он однажды...

— А я за него как за себя ручаюсь!.. — теперь так же громко, как и на заводе, восклицает Олег.

Но в это время в комнату Татьяны заглядывает ее мать, очень еще молодая на вид и такая же красивая, как дочь.

— Может быть, вы чаю выпьете, молодые люди? — спрашивает она.

— В самом деле, Олег, почему бы нам не выпить чаю в компании с моими родителями? Они у меня люди гостеприимные и простые.

Олег знает, что отец Груниной доктор технических наук, а мать преподает в художественном институте имени Сурикова. Пить с ними чай он, конечно, не рассчитывал. Отказываться, однако, неудобно, и Олег встает, хватаясь за пиджак.

— Зачем он вам? — смеется Татьяна. — Чай ведь горячий, наверное?

— Нет, нет, — протестует Олег. — Без пиджака я не пойду.

— Считаете, что не совсем прилично? — все еще

улыбается Татьяна. — Ну и рабочий класс пошел! Ладно уж, идите в пиджаке, только без галстука. Он ведь у вас в кармане, правда?

— Да, пришлось снять, — смущенно признается Олег. — Повязал не очень удачно...

За чаем вопреки опасениям Татьяны Олег чувствует себя гораздо свободнее, чем во время разговоров в ее комнате. Он толково отвечает на расспросы, делится впечатлениями о недавно прочитанной книге Жана Ренуара о своем отце, знаменитом художнике Огюсте Ренуаре.

— А вы знаете, — говорит Олегу отец Татьяны. — Я ведь тоже начинал когда-то с профессии слесаря-лекальщика. Работал и учился, так что мы с вами почти коллеги. Сейчас, правда, я уже не занимаюсь инструментальным делом, но слесарей-лекальщиков высоко ценю. Вы к тому же учитесь в каком-то институте? Не в станкостроительном ли?

— Нет, папа, — отвечает за Олега Татьяна. — Он на заочном отделении философского факультета.

— Философского? — удивленно поднимает брови Грунин. — Хотя, в общем-то, это и не удивительно — у слесарей-лекальщиков я давно подметил философский склад ума.

— Как у часовщиков, — посмеивается Олег. — Тонкий ручной труд вообще предрасполагает к философскому осмыслению действительности.

— А вы на ручной работе? — спрашивает Грунин.

— Слесаря, по-моему, вообще только на ручной, — замечает Татьяна.

— Плохо ты знаешь современное слесарное дело, — усмехнулся отец. — У них теперь разнообразные плоскошлифовальные, оптические профилишлифовальные и координатно-расточные станки. Даже такие тончайшие приборы, как измерительные плитки, знаменитые «плитки Иогансона», которые долгое время вся Европа делала вручную, теперь изготавливаются на станках. История этих плиток — целая поэма с драматическими эпизодами...

— Ты нам как-то рассказывал о них, папа, — перебивает отца Татьяна. — Это те самые прямоугольные стальные брусочки, которыми измеряют особо точные изделия, да? История этих плиток показалась мне не столько поэмой, сколько своеобразным техническим детективом — все ведь было сплошной тайной.

— Да, тайн у «плиток Иогансона» хватало! Шведский инженер Иогансон скрывал их секрет не только от посторонних, но и от своих рабочих. Лишь несколько специалистов, которым он вынужден был довериться, знали весь процесс их изготовления в целом...

— Но ведь и у нас научились их делать, — снова перебивает отца Татьяна.

— Да, научились. Первым стал их изготавливать русский слесарь Николай Васильевич Кушников. А станок для механического их производства изобрел другой слесарь — Дмитрий Семенов. Делать их вручную теперь, наверное, мало кто умеет.

— У нас на заводе только Ямщиков да я, — с почти нескрываемой гордостью произносит Олег. — Вообще-то, их у нас главным образом ремонтируют.

— Притиркой и доводкой?

— Да, абразивно-притирочными материалами.

— Знаменитой пастой ГОИ! — восклицает Грунин, которому приятно вспомнить свою молодость и те годы, когда он работал инструментальщиком. — А ты знаешь, что такое ГОИ? — обращается он к дочери.

— Я знаю, что такое ГАИ, — смеется Татьяна.

— А ГОИ — это притирочная паста, составленная по рецепту академика Гребенщикова в Государственном оптическом институте для зеркальной доводки металлов. Отсюда и ГОИ. Вы, наверное, выводите с плиток только забоины и коррозию? — спрашивает Олега Грунин.

— Лично я восстанавливаю их параллельность и снижение номинальных размеров.

— О, это ювелирная работа!

— Я видела его в цехе однажды. В белом халате, как в хирургической клинике, — замечает Татьяна.

— Ты не шути, — бросает на нее строгий взгляд отец. — Это, может быть, еще и потоньше хирургии. У них там не должно быть ни единой пылинки, а температура ровно плюс двадцать по Цельсию. Ни на полградуса меньше или больше. Обрабатываемые детали они проверяют с помощью микроскопов.

— Универсальными микроскопами, — уточняет Олег. — И еще оптиметрами. Но более точно — методом интерференции света. Точность обработки у нас ведь до микрона, до тысячных долей миллиметра... Я засиделся у вас, однако! — спохватывается вдруг

Рудаков, вставая из-за стола. — Извините, пожалуйста...

— Очень рад знакомству с вами, — крепко пожимает ему руку Грунин.

— Заходите почаще, — приглашает его мать Татьяны.

— Спасибо!

— Я пройду с ним немного, — говорит Татьяна родителям.

4

— Ну, как вам показались мои старики? — спрашивает Татьяна Олега, как только они выходят на улицу.

— Классные старики, как сказал бы Маврин.

— А вы?

— Очень симпатичные.

— Особенно папа?

— Почему же? И мама тоже...

— Ну ее-то вы пока не в состоянии оценить. Она почти весь вечер помалкивала, присматриваясь к вам. Думаю, однако, что вы ей понравились.

— Если я скажу вам, что чувствую себя сейчас очень счастливым, вы мне, наверное, не поверите, — робко произносит Олег.

Татьяне хочется уточнить: «отчего?», но она не задает ему этого вопроса.

— А знаете, кто у нас сегодня был? — после небольшой паузы спрашивает ее Рудаков. — Пронский! Виталий Сергеевич. Отрекомендовался вашим хорошим знакомым.

— Так и сказал: «хороший знакомый»? — переспрашивает Татьяна.

— Примерно так. Почему вы этому удивились?

— Не ожидала, что он так себя отрекомендует. Да и вообще, зачем было говорить о знакомстве со мной? Какое это имеет значение?

— Большое. К нам сейчас проявляют интерес многие, и мы стали зазнаваться, — усмехается Олег. — Ямщиков шепнул мне даже: «Если бы не Татьяны Петровны знакомый, послал бы я его...» Вы же знаете, какой у него характер.

— Ну а то, что он хорошим моим знакомым отре-

комендовался, разве не показалось вам странным? Не вам лично, а Толе Ямщикову, например?

— Я-то ничего странного в этом не увидел, но Анатолий почему-то решил, что он ваш ухажер. Чего молчите — угадал, значит?

— Какой там ухажер! — смеется Татьяна. — Просто старый знакомый. Вернее, школьный товарищ, вместе в средней школе учились. Ну и что же он от вас хотел?

— Говорит, что много хорошего слышал от вас о нашем общественном конструкторском бюро. С ваших слов ему известно, что мы собираемся соорудить для заводского штаба нашей народной дружины свою систему непрерывного оперативного планирования, кратко именуемую СНОПом. Приоритет создания такой системы принадлежит, как вы знаете, штабу первого оперативного отряда дружинников Первомайского района Москвы. «Вы что, — спросил нас Пронский, — точную копию ее собираетесь сделать?» — «Зачем же копию, — отвечаю, — есть и свои идеи. Сделаем наш СНОП полностью автоматическим». Потом он стал расспрашивать, как у нас обстоит дело со специалистами по электронике. Мы объяснили, что завербовали недавно в наше конструкторское бюро инженера-электроника. «Так зачем же вам тогда на это, в общем-то, примитивное дело силы тратить? — удивился Пронский. — У меня есть проект посерьезнее...»

— И предложил сконструировать электронную ищейку? — нетерпеливо перебивает Олега Татьяна.

— Да, что-то вроде механического пса из романа знаменитого американского фантаста Брэдбери «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту».

— Ну та жуткая собака не столько ищейка, сколько убийца, — невольно вздрагивает Татьяна. — И потом это же чистейшая химера!

— А нашим ребятам идея Пронского понравилась.

— Они, наверное, не читали романа Брэдбери...

— В том-то и дело, что читали. И знаете, кто больше всех загорелся этой идеей? Толя Ямщиков!

— Вот уж не ожидала!

— Я, признаться, тоже удивился, но и обрадовался за него. Он у нас неумейный, а эта идея его надолго займет.

— Но ведь нереально же все! О желании сконструи-

ровать такую собаку Виталий мне давно уже говорил, но я лично считаю подобный замысел типичной идефикс.

— Ребят моих, однако, Пронский каким-то образом убедил...

— А вас?

— Откровенно говоря, я лично не очень в это верю, но Ямщиков и даже наш инженер-электроник прямо-таки зажглись. Почему бы, в самом деле, не попробовать? Тем более что и сам Пронский показался нам очень сведущим в кибернетике. Он ведь кандидат наук.

— Да, Виталий талантлив, — почему-то задумчиво замечает Татьяна. — Папа говорит, что он далеко пойдет. Ну вот мы с вами уже пришли к станции метро. Вам отсюда без пересадок почти до самого вашего дома. До свидания, Олег! — протягивает она руку Рудакову. — Теперь я буду у вас не так скоро — начальство поручило мне одно срочное дело, а вы не забывайте того, что я вам сообщила о Грачеве.

— Об этом вы не беспокойтесь!

Вернувшись домой, Татьяна, не отвечая на вопросы родителей, идет к телефону. Торопливо набирает номер Пронского и облегченно вздыхает, услышав его голос.

— Ты себе представить не можешь, как я рада, что застала тебя дома, Виталий! — восклицает она.

— С чего это вдруг такая радость? — удивляется Пронский. — Никогда прежде не радовалась так.

— Это потому, что никогда еще не была на тебя так зла.

— Ну знаешь ли...

— Сейчас и ты узнаешь. Чего это ты вздумал морочить голову инструментальщикам бредовой идеей кибернетической ищейки?

— Ну, во-первых, идея не такая уж бредовая. А во-вторых, с этими вундеркиндами ее, конечно, не осуществить. Так что все это впустую...

— Это почему же?

— Сероваты они для этого. Особенно удручающее впечатление произвел на меня Ямщиков. Ни одного кибернетического термина не мог выговорить. Да и в русских словах у него такие удареньица!..

Услышав это, Татьяна начинает так хохотать, что прибегает из кухни мать. Отбросив газету, испуганно вскакивает с дивана отец. А Татьяна, не обращая на них внимания, весело кричит в трубку:

— Он же тебя разыгрывал, неужели не догадался? Ямщиков, оказывается, ни одного термина не смог грамотно произнести! Да ведь он окончил среднюю школу, в которой преподавание велось на английском языке... Когда они с Рудаковым были в Швеции на выставке наших измерительных инструментов, так их там за инженеров принимали. Ямщиков давал объяснения по-английски, а Рудаков неплохо владеет немецким. И потом они там не только демонстрировали наши измерительные инструменты и приборы, но и объясняли их устройство с помощью математических расчетов и формул. И не думай, что это они сами мне сообщили, об этом директор их завода рассказал. К тому же не то в «Комсомольской правде», не то в «Московском комсомольце» целая статья была напечатана об их поездке в Швецию.

— Ну опять ты их начала...

— Ничего я не начала! Они действительно такие, а вот ты не смог в них разобраться. Да и вообще зачем было голову им морочить.

— Почему же морочить? Я им это всерьез. И кто знает, может быть...

— По-моему, ты все это зря затеял.

— У тебя просто нет воображения, и ты не можешь себе представить...

— Да и не в этом вовсе дело! Отвлекаешь ты ребят от их реальных задач. Они райкому комсомола слово дали, что соорудят у себя на заводе систему непрерывного оперативного планирования, которая облегчит им получение информации и автоматизирует анализ оперативной обстановки.

— Я им помогу сделать и это...

— Имей тогда в виду — это в первую очередь! И будь здоров, как говорится.

— И это все?

— А что же еще?

— Нужно ведь серьезно поговорить...

— Я уезжаю завтра утром в срочную командировку и надолго. Приеду — позвоню. Родителям привет!

Татьяна с облегченным вздохом кладет трубку.

— Что ты сегодня с ним так? — укоризненно замечает мать.

— Я с ним так всегда, — усмехается Татьяна. — Он уже привык. А вот вы скажите-ка мне лучше, какое впечатление на вас произвел Олег Рудаков?

— Не знаю, — уклончиво отвечает мать. — Не разобралась пока...

— Мне показалось, что он тебе понравился.

— Как же я могу о нем судить, если ни о чем серьезном не успела поговорить? Это папа весь вечер с ним философствовал, вот у него и спрашивай. Да, кстати, почему же это он на философский поступил? Зачем ему это?

— Я знаю одного слесаря, который уже окончил философский.

— И по-прежнему на заводе слесарит?

— По-прежнему.

— Ну, знаешь ли, не очень мне это понятно.

— А что же тут непонятного? — вступает в разговор отец. — Захотелось, значит, всерьез осмыслить мир, в котором живет. Именно о таком образованном, широко мыслящем рабочем классе мечтали Маркс и Ленин.

5

Долго не может заснуть в эту ночь Татьяна. Надо бы продумать тактику допроса свидетелей по делу о спекуляции автопокрышками, а из головы не выходят воспоминания о прошлогодней поездке в исправительно-трудовую колонию к Грачеву...

Было это в полдень, во время обеденного перерыва в том цехе, где Грачев работал. В комнату, предоставленную Груниной начальником колонии для допроса, Грачев вошел очень спокойно. На нем была синяя, застиранная, но не грязная спецовка. Руки тоже были чистые, будто он не слесарем работал, а администратором. Смотрел нагло, самоуверенно.

— Здравствуйте, гражданин инспектор, — сказал почти весело. И тут же добавил: — Извините — старший инспектор. Так ведь, кажется? Велено вот явиться к вам на допрос. Грачев я, Павел Макарович. Разрешите присесть?

Она кивнула ему на стул перед столиком, за которым сидела. Усевшись, Грачев бесцеремонно стал разглядывать ее, дивясь чему-то.

— Сколько же можно допрашивать меня? — спросил он, прежде чем Татьяна успела сообщить ему, с какой целью вызвала его. — Я уже получил свое и отбываю положенное, так что же вы меня снова? Это не по закону...

— У меня разговор с вами будет не о том, за что вы осуждены, — прервала его Грунина. — Я к вам по делу об избииении Глафиры Бурляевой.

Лицо Грачева оставалось таким же спокойным, хотя Татьяна внимательно наблюдала за ним. Он лишь переспросил:

— Это вы мою соседку по квартире имеете в виду? Ну так тут я совсем ни при чем. Даже в свидетели негод. В тот день, когда Глафиру «поучал» ее супруг, я хоть и находился дома, но был, как говорится, во хмелю и не очень прислушивался, что там у них творилось. Тем более что такие потасовки случались у Бурляевых чуть ли не каждый день.

— И вы ни разу не вмешались?

— А чего мне лезть в чужую жизнь? Да и за дело, в общем-то, лупцевал Глафиру ее супруг. Глупая она баба...

— Но в тот день он не просто избил Глафиру, а изувечил. Ее ведь с сотрясением мозга в больницу доставили, а потом она около года в психиатрическом отделении пролежала. От таких побоев Бурляева, наверно, не только кричала, а прямо-таки вопила. Как же вы могли?..

— А что я, — впервые слегка повысил голос Грачев, — всеобщий заступник, что ли? Дружинник или еще какой-нибудь деятель? Супруг-то ее, сами знаете, какой верзила! Пришиб бы заодно с ней и меня...

— Ну хорошо, допускаю, что вы трусили, но почему же не позвали кого-нибудь на помощь? Или в милицию позвонили бы...

— Скажете тоже — в милицию! Да я и сам этой милиции боялся, как черт лаdana. Бизнес мой с крестиками для православных засеки уже к тому времени... Да и вообще непонятно мне, к чему вы это дело опять ворошите? Семен Бурляев получил ведь свое, чистосердечно во всем признавшись.

— У нас нет теперь уверенности в его чистосердечии. Похоже, что взял он на себя вину другого.

— То есть как это другого? Уж не я ли тогда жену изуродовал?

— Нет, не вы, но тот, кто это сделал, вам, видимо, известен. Не один Семен Бурляев был в тот вечер в их комнате, и вы не могли этого не знать.

— Как же я мог через стенку-то увидеть, кто там еще?

— Увидеть действительно не могли. А услышать?

— Он мог и молча... И потом — почему он, а не Семен?

— Так вы, значит, слышали все-таки, что там был еще кто-то?

— Ничего я не слышал, и вы меня в это, гражданочка... извиняюсь, гражданин старший инспектор, не впутывайте.

Голос его не был уже таким спокойным. В глазах — тревога.

— Не слышать его, однако, вы никак не могли. Он орал так, что услышала даже тугая на ухо старушка — соседка ваша, Евдокия Фадеевна, живущая в противоположном конце коридора. Она, правда, не разобрала слов, но уверяет, что голос был не Семена. Пыталась даже зайти к Бурляевым, но едва приоткрыла дверь, как выскочил Семен и пригрозил пришибить ее, если она тотчас же не уйдет к себе в комнату. А тот, кто избивал Глафиру, так бесцеремонно вел себя потому, что вас нисколько не опасался. Был совершенно уверен, что вы его не выдадите. О том, что ваша сестра-школьница находилась в то время в деревне у бабушки, ему, конечно, тоже было известно.

— Так чего же вы все это теперь только?.. — не без удивления спросил взявший наконец себя в руки Грачев. — Почему тогда ни меня, ни Евдокию Фадеевну не допросили об этом таинственном человеке?

— А потому, гражданин Грачев, что не было у нас тогда сомнений, что это дело рук Бурляева. Да и вы подтвердили, что именно он «занимался в тот вечер воспитанием своей законной супруги». Это подлинные ваши слова из протокола допроса. Евдокия Фадеевна и тогда говорила, будто слышала еще чей-то голос в их комнате, но добавила при этом, что «скорее всего обозналась». И только после того, как Глафира Бурляева

вышла из психиатрической больницы и одной из своих приятельниц проговорила, что изувечил ее не Семен, а некий Леха, мы решили, что вы поможете нам в этом разобраться.

— Нет, не помогу, гражданин старший инспектор. Рад бы, да не могу, так как никакого Лехи не знаю и никаких других голосов, кроме голоса Семена Бурляева, из-за соседской стенки не слышал. А теперь, насколько мне известно, я имею право просить предоставить мне возможность записать мои показания собственноручно. Так-то оно будет вернее. Если мне не изменяет память, то такое право предоставляется свидетелю статьей сто шестидесятой Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

— Вам память не изменяет, гражданин Грачев, и вы этим правом можете воспользоваться.

Заполнив вводную часть протокола, Татьяна написала: «В соответствии с просьбой свидетеля ему предоставлено право записать свои показания собственноручно».

Потом она протянула протокол Грачеву, и он аккуратным почерком, без единой грамматической ошибки и довольно толково изложил свои показания. А когда и он и Грунина подписали протокол, Грачев, обретя прежнюю наглость, спросил:

— Можно мне теперь один вопросик уже, как говорится, не для протокола?

— Да, пожалуйста, — разрешила Татьяна. Ей стало даже интересно, о чем будет говорить этот тип.

— Надеюсь также, что никаких звукозаписывающих устройств у вас нет? Об этом вы ведь должны были поставить меня в известность в соответствии со статьей сто сорок первой все того же кодекса.

— Можете не беспокоиться, таких устройств у меня с собой нет, — невольно улыбнулась Татьяна.

— Я и не беспокоюсь. Просто при наличии таковых дополнительного разговора у нас бы не состоялось. Зачем, скажите вы мне, пожалуйста, с вашими-то внешними данными понадобилось вам в милицейские инспектора? Вам надо бы в театр, там бы такую даже безо всякого таланта приняли и зрители бы за это режиссера не осудили. Не часто ведь такую красавицу не то что на сцене, но и в кино доводится увидеть.

Нужно было бы закончить с ним на этом разговор, но Татьяна спокойно спросила:

— Ну а если у меня талант именно оперативного работника милиции и полное отсутствие артистического?

— Не обижайтесь, пожалуйста, — ухмыльнулся Грачев. — Что-то я этого не заметил. Но даже если и есть, на кой вам черт все это? Не дамская ведь работа. Если Глафиру Бурляеву действительно не супруг изувечил, а еще какой-то тип, которого будто бы и я, и сам Бурляев до смерти боимся, то, узнав, что вы им заинтересовались, может же он и вас?.. И тогда вся ваша красота...

— Если вы со мной об этом только хотели поговорить, — резко оборвала его Татьяна, — то будем считать беседу нашу законченной.

— Кстати, и на работу пора. Бывайте здоровеньки, гражданин старший инспектор! Желаю вам удачи в не легкой вашей работе. Боюсь только, что вы еще пожалеете, что не послушались моего совета.

6

Дня через два после встречи Олега с Груниной Рудакова вызывает к себе начальник цеха:

— Мастер ваш, Балашов, заболел, и, видимо, надолго. Вчера вечером отвезли в больницу.

— Опять радикулит? — спрашивает Олег, уже догадываясь, чем завершится этот разговор.

— Опять.

— А мне, значит, снова за него?..

— Снова.

Начальник немногословен в отличие от заболевшего мастера. Да и чего зря говорить, когда и без того все ясно.

— Так ведь у меня своя работа, Илья Ильич, — делает робкую попытку отбиться от заместительства Олег. — Я новое приспособление налаживаю...

— Можете вы это кому-нибудь другому поручить?

Пока Рудаков размышляет, кому бы можно было доверить начатую им наладку сложного контрольно-проверочного приспособления собственной конструкции, начальник заключает разговор:

— В крайнем случае будете не замещать, а совмещать. И вот еще что: Балашов дал пробную работу

новому инструментальщику. Понаблюдайте за ним.

— Ясно, Илья Ильич. Не такой он, кстати, новый для нас. Работал тут до того, как в тюрьму угодил.

— Да, но прежде по четвертому разряду, а теперь претендует на пятый.

— Вот мы и посмотрим, как его там подучили, — усмехается Рудаков.

— Только не очень придирайтесь.

— Потребую лишь то, что положено, но безо всяких поблажек.

— Ну это само собой.

Рудаков встретился с Грачевым еще накануне. Посмотрел на него с равнодушным видом, кивнул небрежно и прошел мимо. Но Грачев сам его остановил.

— Делаешь вид, будто не узнал меня, Рудаков? Презираешь, наверное?

— Зачем же презирать? Не вижу для этого оснований. Но и в восторг не прихожу — ты ведь не с войны и даже не с военной службы вернулся.

— Я свой грех нелегким трудом искупил, — укоризненно промолвил Грачев. — И не только лиха там хватил, но и уму-разуму набрался.

— Это мы еще посмотрим, набрался ты там ума или не набрался, — спокойно ответил Рудаков.

Сегодня Олег уже по-другому присматривается к Грачеву. Павел склонился над чугунной разметочной плитой, на которой вчера еще установил тщательно зачищенную заготовку с окрашенной медным купоросом поверхностью. Пока успел нанести на нее только базовые и координатные линии с помощью штангенрейсмуса.

— Чего смотришь? — оборачивается он к Рудакову. — Может, в свою бригаду хочешь взять?

— На это пока не рассчитывай. А смотрю потому, что мастер заболел и начальник цеха велел мне принять от тебя пробную работу. Что-то не вижу, однако, чтобы дело у тебя спорилось. В чем загвоздка?

— У вас как, вся разметка вручную?

— Что значит «у вас»? Ты что, в гости к нам пришел или на постоянную работу? Похоже, что ты не утруждал себя в колонии графическими построениями и математическими расчетами, делал все без разметки.

— Как же можно совсем без разметки? Но у нас были и счетно-решающие приспособления, которые ускоряли...

— Это и у нас имеется, однако при сдаче экзамена на разряд ими не пользуются. Сам знаешь, разметка требует высокой квалификации и математических познаний, вот и покажи, на что способен. Разметь углы не с помощью угломеров и угломерных плиток, а обыкновенной чертилкой и штангенциркулем. Метод, каким это делается, называется, как ты и сам должен знать, тригонометрическим построением через функции углов тангенс альфа и синус альфа. Способ этот, между прочим, самый надежный. Какое, кстати, у тебя образование?

— Десять классов.

— А ушел от нас с восьмиклассным? Выходит, что тебя там не только лекальному делу, но и грамоте обучили.

Рудакову очень хочется добавить: «А вот сделали ли человеком?» Но он пересиливает себя и заключает разговор:

— Вот и давай вкалывай по всем правилам лекальной науки. Наши инструментальщики ненамного грамотней тебя, но все владеют методом тригонометрического построения. К тому же это всего лишь плоскостная разметка, а нам приходится делать еще и пространственную. Она посложнее.

— Так вы же в институтах учитесь...

— Я учусь в гуманитарном, а там этому не обучают. К сожалению, лучший наш лекальщик Ямщиков пока вообще нигде не учится.

— Да неужели? — удивляется Грачев, уже успевший познакомиться с Анатолием. — А я его за профессора принял. Думал, не иначе, как на последнем курсе какого-нибудь станкоинструментального...

— Он у нас сам до всего доходит. Вундеркинд. Ну давай трудись, время идет...

«Видать, серьезный малый, — невесело думает Грачев, провожая уходящего Рудакова недобрый взглядом. — С таким нелегко будет поладить... Пожалуй, и разметку не удастся сделать так скоро, как думал. Нужно еще вспомнить, как это делается без специальных приспособлений».

Как назло, не выходит у него из головы вчерашний разговор с сестренкой. Совсем уже взрослой стала. На днях аттестат зрелости получит.

— Ну и куда же ты после школы? — спросил он ее.

— В институт мне не сдать, — тяжело вздохнула Марина. — Десятилетку и то с трудом кончила. Может быть, и не осилила бы, если бы не сердобольность учителей. Сиротой ведь меня считают. Я и в самом деле сирота. Старенькая бабушка не в счет, а ты и подавно...

— Да и нечего тебе в институт, — попытался подбодрить сестру старший брат. — И без тебя образованных хватает. Ты лучше на какие-нибудь курсы продавцов. Есть, говорят, даже трехмесячные для тех, кто со средним образованием.

— Такая работа не по мне! — отрезала девушка.

— Ну и дуреха, — беззлобно обругал ее Грачев. Он не был сентиментален, но по-своему любил сестру, оставшуюся на его руках совсем ребенком после смерти родителей. — Устроилась бы в какой-нибудь универсам, всегда бы в модном ходила.

— Чтобы потом ты со своим Лехой заставили меня какими-нибудь аферами заниматься? — зло глянула на него Марина. — Думаешь, я все еще маленькая и ничего не понимаю? Сам у Лехи в лапах, так и меня хочешь?..

— Да ты что?.. — повысил было голос Грачев, но Марина не дала ему продолжать.

— Сам же рассказывал, будто это он тебя крестики изготавливать надоумил. Знаю и то, что обирал он тебя. Слышала раз, как ты схватился с ним из-за этого. Поздней ночью это было, и вы думали, я сплю. А я проснулась, потому что вы, нажравшись водки, чуть ли не на весь дом орали. Надо бы тебе тогда дать ему по морде и вышвырнуть из нашей комнаты, а ты вдруг хвост поджал. Что он, сильнее тебя, что ли? Вон ты какой здоровенный! Я ведь самым сильным тебя всегда считала...

— Дурочка ты еще, — неожиданно ласково произнес Грачев. — Сила-то не в одних мускулах только. Он мог и ножом...

— Так позвал бы меня, соседа Бурляева. Мы бы его мигом... Перестал бы ты тогда крестиками промышлять и в тюрьму бы не угодил.

— Ах, какая ты все же дурочка еще, несмотря на аттестат зрелости! — сокрушенно покачал головой Грачев. — Бурляева бы она позвала! А ты знаешь, кем ему тот Бурляев доводится? Э, да что с тобой...

— Но теперь-то ты поумнел? Решил наконец человеком стать?

— Как не поумнеть, — усмехнулся Грачев. — Двух-годичные исправительно-трудовые спецкурсы с отличием прошел.

— Вот бы и Лехе твоему такие курсы...

— Он не то что курсы, институты прошел в такого рода заведениях.

— Ну смотри же, Павел, если ты и теперь снова!.. — гневно воскликнула Марина.

— Ладно, ладно, успокойся. Ничего я с ним снова не собираюсь. А ты-то куда же, если не в институт или в торговое училище?

— На завод.

— Вот тебе и раз! С полным средним и на завод учеником слесаря?

— Так и у тебя ведь теперь среднее. Да и на заводе твоём почти все со средним. Многие даже в институтах учатся. Особенно те, что в инструментальном цехе.

— А кого ты там знаешь? — насторожился Грачев.

— Да многих. Рудакова, например, Толю Ямщикова, Валю Куницыну. Они же заботились обо мне, когда тебя посадили. Комсорг их цеха тоже очень хороший парень. Но лучше всех Олег. Вот уж действительно настоящий человек!..

— Да ты не влюбилась ли в него?

— Если честно тебе признаться, то мне Толя очень нравится... Только ты не подумай, что у меня с ним что-нибудь такое...

— А я и не думаю. Тебе тоже думать об этом рановато.

— За меня можешь не беспокоиться. Лучше слово дай, что не будешь больше с этим бандюгой Лехой иметь дело, чтобы я могла жить спокойно.

Грачев не сразу ей ответил, а она упорно не сводила с него требовательного взгляда.

— Ладно, постараюсь, — произнес он наконец с тяжелым вздохом.

Грачев, конечно, кривил душой. С Лехой он по-прежнему встречался, но теперь уже не у себя дома, как раньше, а на квартире у Лехи.

— К тебе я больше заходить не буду, — заявил ему Леха. — Это опасно.

— Да, пожалуй, — понимающе кивнул Грачев, ко-

тогого это очень устраивало — от Марины всего ведь можно было ожидать, характер-то у нее отцовский. — О том, что Глафира вернулась из психиатрической, знаешь уже?

— Знаю.

— Она хоть и не совсем еще в себе, но мало ли что...

— Решенный вопрос, — слегка повысил голос Ле-ха, — и хватит об этом! Ну а ты, значит, опять на тот же завод? Это хорошо. Там инструментальщики высоко-го класса. Постарайся сойтись с ними поближе. Развед-дай, кто чем дышит, кто на что падок. Обрати внимание на Вадима Маврина. При случае передай ему привет от Туза. Батюшка еще есть там у них, бывший поп. Чудеса, да и только. Нашел же куда податься из такого доходного места, как церковный приход! Знаешь, сколь-ко они там зашибают?

— Да он вовсе и не батюшкой был, а кандидатом богословских наук, богословом, стало быть. У нас в ин-струментальном цехе только в шутку называют его Па-тером, но относятся, в общем-то, уважительно. И, пред-ставляешь, у этого бывшего служителя культа — талант слесаря-инструментальщика! Уже по четвертому разряду вкалывает. Мечтает стать настоящим лекаль-щиком, хотя учится на заочном отделении философского факультета.

— Черт те что, а не завод! Ну а ты к Петеру этому...

— К Патеру, — поправил Леху Грачев.

— Больно грамотным стал! — стукнул Леха кулаком по столу, но тут же взял себя в руки и продолжал спо-койно: — Ты к этому Патеру тоже присмотрись, может, потом пригодится. А сеструху свою постарайся в торго-вую сеть или в ресторан какой-нибудь определить. Ви-дел я ее недавно. Была задрипанной девчонкой, а теперь смотри какой красоткой стала! Неплохой подсадной уточкой смогла бы нам послужить. Разделяешь мои соображения на этот счет?

— Глупа она еще... — уклончиво отозвался Грачев.

— Ничего, у нее все еще впереди — поумнеет. А те-перь давай вздрогнем по чарочке. Давненько мы с то-бой этим делом не занимались.

— От этого уволь, — сделал протестующий жест Грачев. — Завтра мне пробу сдавать на пятый разряд, а работенку они мне почти ювелирную дали. С дрожа-щими после выпивки руками, сам понимаешь, какая бу-

дет у меня точность. А нужна микронная. Имеешь представление, что это такое?

— Так на кой же черт тогда тебе хорошие заработки и весь наш бизнес, если выпить как следует нет возможности! — злобно плюнул Леха, но принуждать Грачева не стал — ему безразлично было, на какой разряд сдаст Павел работу.

— И вот что еще поймей в виду, — заметил ему на прощание Леха, — не вздумай от меня отколоться или самостоятельность обрести. Тебя там в колонии хоть и подучили кое-чему, однако без меня ты все еще щенок незрячий.

«Ну это мы еще посмотрим, кто из нас зрячий, а кто незрячий», — без особого раздражения подумал Грачев, а вслух сказал:

— Это ты зря обо мне так, Леха! Не понимаю я разве, чем тебе обязан. До той школы, какую ты прошел, мне еще далеко, так что мне век в твоих учениках быть.

— То-то же, — самодовольно усмехнулся Леха, звонко хлопнув Грачева по плечу. — Заставлять тебя, однако, не буду. Раз водка может разряду твоему мешать, не пей. А я выпью за твою удачу.

7

На следующий день после встречи с Рудаковым, как только Грунина приходит в свой отдел, начальник ее Евгений Николаевич Лазарев протягивает ей две странички школьной тетради в клеточку, вырванные в месте их скрепления, так, что они представляют собой как бы один большой лист. На нем аккуратно наклеены вырезанные из газеты буквы:

«Дорогие товарищи!

Сообщите, пожалуйста, в Москву, что Глафиру Бурляеву избил до полусмерти не муж ее, Степан Бурляев, который за это отбывает наказание, а двоюродный брат Глафиры, уголовник по кличке Туз, бежавший из заключения.

Красный следопыт».

— Прислали это в областное управление внутренних дел из Корягинского районного отделения милиции

Московской области, — поясняет подполковник Лазарев.

— Розыгрыш тут, видимо, исключается, — задумчиво произносит Грунина, возвращая письмо. — Думаю, что «красному следопыту» известен подлинный виновник избиения Бурляевой.

— Работники корягинской милиции полагают, что сигнализировать об этом мог кто-нибудь из членов семьи Кадушкиных, к которым Глафира приезжала недавно в гости.

— А они никого из Кадушкиных не допрашивали пока? — тревожится Грунина.

— Решили прежде получить указания от областного управления.

— Будем считать, что это не из-за перестраховки. Понимают, наверное, что неосторожным вмешательством могут все дело испортить, — заключает Грунина.

— В областном управлении тоже так рассудили. И так как им известна ваша, Татьяна Петровна, точка зрения, что изувечил Бурляеву не ее муж, принято решение послать в Корягино вас.

— Но ведь на мне дело Тимохина...

— Передайте его Гущину. И хорошо бы выехать в Корягино сегодня же.

— Я готова, товарищ подполковник.

— Да, и вот еще что имейте в виду: фамилия рецидивиста, носящего кличку Туз, — Каюров. А Бурляева — родная сестра проживающей в Корягине Марфы Елизаровны Кадушкиной.

Начальник Корягинского отделения милиции, капитан Нилов, еще очень молод. На вид ему не более двадцати пяти. Красивый, интеллигентный, с ромбиком юридического института на кителе.

«Только бы ухаживать не начал...» — почему-то подумала Татьяна, увидев его в первый раз.

Но капитан сдержан, корректен, строго официален.

— У нас, к сожалению, нет пока гостиницы, Татьяна Петровна, и вас устроят в отдельной комнате Дома колхозника. Там чисто и хорошая столовая. Вы, наверное, отдохнете с дороги?..

— Я не устала, товарищ капитан. И если у вас есть свободное время...

— Я к вашим услугам, — встает и слегка наклоняет голову Нилов.

Татьяна невольно улыбается — очень уж у него театрально это получилось. Капитан тоже немного смущен.

— Расскажите мне поподробнее о семье Кадушкиных, товарищ капитан, — просит Татьяна.

— Пока вот лишь что удалось узнать: глава семьи — Марфа Елизаровна Кадушкина — вдова. Муж ее умер три года назад. Работал на железной дороге. Сама Кадушкина заведует хозяйством местной средней школы. Живет с матерью, получающей пенсию за мужа, погибшего на фронте. Дети Кадушкиной учатся в той же школе, где она завхозом. Старший сын Вася в десятом классе, средний Петя — в восьмом, дочь Оля в шестом. Предполагаем, что письмо мог написать старший сын Василий. Он комсомолец, отличник.

— А как учатся остальные?

— С переменным успехом, как говорится. Оля вообще «твердая троечница» по местной школьной терминологии. Сведения эти мы, конечно, не у них лично получили...

— Ну это само собой, — улыбается Грунина. — С чего же мы начнем?

— Вся надежда на ваш опыт, Татьяна Петровна, — уклончиво отвечает Нилов.

— Позвольте мне дать вам совет, товарищ старший инспектор, — неожиданно обращается к Груниной старшина Пивнев, присутствующий при ее разговоре с Ниловым, — он выполняет какое-то задание капитана в противоположном конце его кабинета за столом, заваленным папками.

— Пожалуйста, товарищ старшина.

— И вы, товарищ старший инспектор, и товарищ капитан — люди молодые, своих ребят школьного возраста у вас еще, конечно, нет. А у меня их четверо, так что есть и родительский и кое-какой педагогический, так сказать, опыт. Вы понаблюдайте, во что ребята на улице играют, и вам сразу станет ясно, что недавно шло в кино...

— Но ведь Василий Кадушкин в десятом классе и давно уже в такие игры не играет, — усмехается Нилов.

— А я это лишь для примера ребячьей впечатли-

тельности. В данном же случае могло быть влияние какого-нибудь детектива. Прочли в книжке, что письма можно писать с помощью букв, вырезанных из газеты, вот и воспользовались подобным методом.

— Что вы думаете, вполне возможно, — соглашается Татьяна.

— Способ этот и без детектива давно всем известен, — снова усмехается капитан Нилов, с трудом сдерживая желание добавить: «Тоже мне, Шерлок Холмс!..»

— Это точно, — соглашается с ним старшина. — Такой способ известен, может быть, и всем, но не школьникам. Шестикласснице Оле, например, едва ли было это известно. Во всяком случае, хорошо бы узнать, не появилось ли в последнее время какой-нибудь детективной повести с описанием такого способа переписки... Я попробую ребят своих расспросить, хотя они у меня больше фантастикой увлекаются.

Не очень надеясь, что разговор старшины с его детьми позволит напасть на след «красного следопыта», Грунина решает сама зайти в районную библиотеку и побеседовать с ее работниками.

Заведующая, узнав, что Грунину интересуется детский читальный зал, вызывает молоденькую, со вздернутым носом библиотекарушу и представляет ее Татьяне:

— Это Зоя Петушкова. Она вам расскажет не только то, что в ее зале читают ребята, но и как читают. С нею даже самые неразговорчивые и застенчивые находят, как у нас, взрослых, говорится, общий язык. Тоже ведь своего рода талант.

— Скажете тоже — талант! — смеется Петушкова. — Да таким талантом каждый добросовестный библиотекарь обладает. Кто на таком деле, как наше, не случайно, конечно, а по призванию. Вы допускаете, что и в нашем деле может быть призвание или?..

— Допускаю, допускаю, Зочка! — спешит успокоить ее Татьяна. — Мало того — считаю, что призвание в такой профессии, как ваша, просто необходимо.

— Вот именно! А то ведь наши читатели одни только детективы станут читать.

— Вы, значит, против детективов?

— Зачем же против? Я и сама их с удовольствием читаю. Но ведь детектив детективу рознь. Книги разные бывают — одна лучше, другая — хуже. А ребята, если

им не объяснить их достоинства и недостатки, готовы все подряд...

— Есть у вас такие, которые «все подряд», даже если им и объяснить?

— А как же! Вот Оля Кадушкина, например. А ведь она троечница, и ей надо совсем другие книги читать. Но я ее держу на строгом пайке, да и вообще бы ни одного детектива не дала, если б не успехи ее по русскому языку и литературе. По этим предметам у нее не только четверки, но и пятерки теперь бывают.

Поинтересовавшись, что же именно читает «троечница», Грунина прощается с Зоей Петушковой и заведующей районной библиотекой.

8

Очень не хотелось Анатолию идти на день рождения своего отца, но мать чуть ли не со слезами на глазах просила обязательно прийти. Будет, конечно, как всегда, «избранное общество» — сослуживцы отца по научно-исследовательскому институту: инженеры-физики и несколько кандидатов наук. Докторов отец не решается приглашать. Он и с кандидатами-то ведет себя подобострастно, противно даже смотреть. И откуда это у него? Сын потомственного рабочего (дед тоже ведь слесарничал когда-то), кончил институт, стал инженером. Все вполне естественно, откуда же у него теперь пренебрежение к рабочей специальности? Почему и сына своего решил ориентировать только на институт? Неважно даже в какой.

Под его давлением Анатолий подал заявление на физико-технический факультет Московского университета, но там был большой конкурс, а он готовился к экзаменам без особого усердия. В общем, не набрал нужного количества баллов. Подумаешь — трагедия! А родители — почти в трауре. Мать даже рыдала, отец же настаивал, чтобы Анатолий попытал счастья еще в одном институте, уже не в техническом, а в медицинском, потому что там среди экзаменаторов был знакомый доцент. Это окончательно вывело Анатолия из терпения.

— Всё! — решительно заявил он родителям. —

Поступаю в профтехническое училище, чтобы продолжить династию слесарей, начатую моим прадедом.

— Фамилия-то наша извозничья, — зло пошутил тогда отец, — и тебе бы лучше уж в шоферы-таксисты.

— Эх, Толя, Толя!.. — причитала мать. — У тебя же такие блестящие способности к точным наукам!..

— С блестящими способностями не проваливаются на экзаменах. А что касается точных наук, то я пойду в слесари-лекальщики, эта специальность тоже требует микронной точности.

Но ушел из дому Анатолий только после того, как они устроили скандал сестре его Генриетте за то, что она хотела выйти замуж за рабочего парня, хотя у этого рабочего шестой разряд: культурный, развитой парень, знавший и умевший больше, чем отец Анатолия.

Когда рыдающая мать сказала своей любимой дочери: «Как ты не можешь понять, детка, что он тебе не пара?», — Анатолий решительно заявил:

— Ну вот что, дорогие родители! Завтра я от вас съезжаю, чтобы не компрометировать своей плебейской профессией.

С матерью после этого было нечто вроде обморока, отец тоже, конечно, расстроился, но Анатолий выдержал характер и на следующее утро переехал к деду, пенсионеру, живущему в отдельной квартире в другом конце города.

...А сегодня все-таки нужно идти на день рождения отца, тем более что это его пятидесятилетие. Но что подарить? Может быть, часы? Нет, лучше магнитофон, тем более что он заграничный, а папа к таким вещам неравнодушен.

Хотелось прийти пораньше, чтобы поздравить до прихода гостей, но пришлось задержаться в своем конструкторском бюро. Комсорг цеха, узнав, что инструментальщики (их общественное конструкторское бюро так и называется — инструментальным в отличие от других ОКБ завода) замышляют построить «электронного сыщика», стал было их отчитывать:

— Что же это вы, ребята? А со СНОПом как же? Обещали ведь райкому комсомола. Что за манера — хвататься за новые идеи, не завершив того, что уже начали. Несерьезно это, честное слово!

— Да ты постой, не горячись, — остановил его Олег Рудаков. — Мы, во-первых, не электронного Шерлока

Холмса будем конструировать, а всего лишь собаку-ищейку.

— С ее более узким, чем у Шерлока Холмса, профилем и интеллектом, — добавил Ямщиков. — Она будет только «вынюхивать» правонарушителей, не применяя при этом дедуктивного метода, в котором был так силен Холмс.

— И не будет играть на скрипке, — усмехнулся Маврин. — А это намного упростит конструкцию.

— Ты смотри, каким этот парень остроумным стал! — удивленно обернулся в сторону Маврина комс-орг.

— А я всегда остроумным был, — прикинулся протачком Вадим. — Это у меня с самого детства, на нервной почве.

— Культурки только прежде не хватало, — притворно вздохнул Ямщиков. — Зато теперь...

— Хватит вам, однако, острить, — нахмурился комс-орг. — Ответьте-ка лучше, как у вас обстоит дело со СНОПом? Это тревожит меня сейчас больше всего.

— Мы тебя разве когда-нибудь подводили? — спокойно спросил его Олег. — Не собираемся и теперь все бросить, чтобы сооружать кибер-ищейку. Тем более что не знаем еще, как к этому подступиться... А со СНОПом нам все ясно, и мы нашу комсомольскую организацию не подведем.

Потом у членов ОКБ возник довольно бурный спор из-за названия будущей конструкции. Ямщиков предложил наречь ее Кибернетическим Мухтаром, или, сокращенно, Кимух.

— Тогда уж лучше Мукомэ, — подал голос Маврин.

— Это что еще такое? — удивился друг его Гурген Друян.

— «Мухтар, ко мне!» — пояснил Вадим. — Шифр вполне надежный и в случае, если ничего у нас не получится, никто и знать не будет, что мы затевали.

— Ну, знаешь ли, Вадим, не ожидал я этого от тебя! — возмущенно воскликнул Гурген. — Зачем же тогда браться, если не надеемся? Я за одну ночь вчера прочел «Четыреста пятьдесят один по Фаренгейту». Ну и собачка там! Жуть! Рыщет по городу со своим жалом и, кого надо, неотвратимо настигает... Вот бы и нам что-нибудь такое соорудить, но без жала. Пусть только штаны рвет. Настроим ее на запах алкоголя

определенной концентрации, при которой нормальный человек не вполне вменяем и потому опасен для окружающих, а она его — хватать за штаны!

— По-моему, это совсем неинтересно, — разочарованно произнес Ямщиков. — Хватать пьяниц, — это не бог весть какая проблема, тем более что такой «Мухтар» будет рвать штаны без разбора — и заядлому алкоголику, и тому, кто перебрал случайно, по неопытности.

Вот так они и проспорили до восьми часов, а Анатолию нужно было еще домой забежать за подарком отцу.

Дверь ему открывает мать.

— Наконец-то! — радостно восклицает она. — Все в сборе, а тебя все нет. Давно уже пора к столу.

— Так-таки меня только и ждали?

— Ну еще Сергей Сергеевич задерживается...

— А вот теперь понятно, почему не сели за стол, — добродушно смеется Анатолий. — Где же, однако, юбиляр?

— Проходи в его кабинет, он там гостей занимает.

— Тогда я не буду ему мешать, поздравлю попозже, а то еще спросит кто-нибудь, кем я работаю, и ему придется при всем вашем бомонде объявить, что я...

— Ох, какой ты злопамятный, Толя! — сокрушенно вздыхает мать.

— Вот подарочек потом ему передашь, — сует ей Анатолий магнитофон.

— Это тот самый, что ты из ФРГ привез? И не жалко его тебе? Иди, иди тогда поскорее к отцу, знаешь, как он рад будет!

— Мне или подарку? — не может сдержаться Анатолий, но мать пропускает это мимо ушей, подталкивая сына в кабинет отца.

— Андрюша! — кричит она мужу. — Вот и Толя наконец пришел! Посмотри, какой он подарок тебе принес.

Магнитофон водружается на письменный стол и сразу же становится предметом всеобщего внимания.

— Ого! — восклицает кто-то из знатоков электроники. — Западногерманский «Грюндиг». В коммисионном вы его?..

— Нет, в самой Западной Германии, — торопится ответить за сына мать. — В Бонне, кажется...

— В туристской поездке были?

— В командировке.

— Извините, а кто вы по специальности? — интересуется все тот же любопытный гость.

Анатолий видит его впервые. Наверное, кто-то из новых знакомых отца.

— Простой рабочий, как говорится, — с едва заметной усмешкой отвечает ему Анатолий. — Был там представителем нашего завода, демонстрировавшего на международной выставке советские измерительные инструменты и приборы для лекальных работ.

— Нельзя ли нам послушать ваш «Грюндиг»? — просит какая-то почтенная дама.

— Пожалуйста, — отвечает Анатолий, включая магнитофон. — Только тут не музыка, а мое обращение к юбиляру. Поздравляю тебя, папа! — пробирается он наконец к отцу и целует его в щеку. — Более развернутую поздравительную речь услышишь сейчас в магнитофонной записи.

И почти тотчас же из динамика магнитофона начинают вылетать чуть-чуть хрипловатые слова на английском языке. Все недоуменно смотрят друг на друга, а Ямщиков-старший счастливо улыбается.

— Позвольте мне перевести это? — просит знакомый Анатолию кандидат наук. — Как я понимаю, — обращается он к Анатолию, — это вы лично по-английски?

— Да, это я лично, — улыбается Анатолий.

— Дорогой юбиляр, — торопливо переводит кандидат наук, — прими в день твоего пятидесятилетия самые сердечные мои поздравления, пожелание успеха в работе и доброго здоровья. И спасибо тебе за то, что ты отдал меня в школу, в которой преподавание велось на английском языке. Как видишь, я не зря провел в ней десять лет.

Все дружно аплодируют, и теперь отец уже сам обнимает и целует сына.

— Спасибо, Толя, и за подарок, и за поздравление! Аполлон Алексеевич, — обращается он к специалисту по электронике, — выключите, пожалуйста, магнитофон. Он ведь на немецких батарейках, а их нелегко достать.

— Не волнуйся, папа, — успокаивает юбиляра Анатолий. — К нему подходят и наши.

— Тогда давайте послушаем, что там еще, — предлагает специалист по электронике.

— Ну это уж юбиляр потом сам, наедине, — несколько смущенно произносит Анатолий.

— Может быть, там что-нибудь интимное, тогда извините...

— Нет, нет, — успокаивает Аполлона Алексеевича Анатолий. — Если есть желание, то пожалуйста.

Из динамика магнитофона после небольшой паузы снова раздается голос Анатолия, теперь уже по-русски:

— Я знаю, папа, как ты хотел, чтобы я тоже пошел по твоим стопам и стал инженером, но я пошел по стопам моего деда и стал, как говорится, простым рабочим. Хотя выражение это — «простой рабочий» не люблю и целиком присоединяюсь к словам Сергея Антонова, слесаря электромеханического завода имени Владимира Ильича, Героя Социалистического Труда и члена Центрального Комитета нашей партии, который написал по этому поводу в своих мемуарах:

«Не люблю я выражений: «простой советский человек», «простой рабочий», «простой колхозник». Что значит «простой»? Неинтересный, несложный? К тому же никто почему-то не скажет: «простой конструктор», «простой советский ученый», «простой секретарь райкома». А о рабочем так иногда говорят, и вроде бы похвала тут какая-то есть, а, по-моему, нехорошо это...»

— Да, непростой, непростой нынче у нас рабочий, — вздыхает почему-то Аполлон Алексеевич. Но тут в кабинет буквально врывается мать и громко провозглашает:

— Наконец-то Сергей Сергеевич пожаловал! Прошу всех к столу!

Теперь только Анатолий вспоминает, что Сергей Сергеевич — заместитель директора того института, в котором работают его отец и, видимо, большинство его гостей. Воспользовавшись поднявшейся суетой, он садится в самом конце стола, рядом с кандидатом наук, переводившим его поздравления с английского.

— У вас отличное произношение, — говорит ему кандидат. — Наверное, и читаете много?

— В основном техническую литературу и фантастику. Да вот еще совсем недавно прочитал роман Норберта Винера «Искушитель».

Их беседа затянулась, но все так заняты, что им

никто не мешает. Гости произносят тосты в честь юбиляра, усердно пьют и закусывают, а Анатолий отпивает из своей рюмки лишь несколько глотков.

— Что же это вы совсем не пьете? Здоровье не позволяет? — удивляется кандидат наук.

— Работа не позволяет, — улыбается Анатолий. — Имеем ведь дело с микронами, а то и с их долями. С удовольствием посидел бы с вами еще, но, к сожалению, мне пора. Завтра на работу рано. До свидания!

— Я надеюсь, что мы еще встретимся, — дружески жмет руку Анатолия кандидат наук. — Вот вам мой телефон. Очень хотелось бы о многом потолковать.

— Вы ведь специалист по кибернетике? Может быть, Пронского знаете?

— Виталия?

— Да, Виталия Сергеевича.

— Мы с ним вместе аспирантуру кончали.

— Ну тогда я вам непременно позвоню.

9

Едва Грунина заходит в кабинет начальника Корягинского отделения милиции, как уже знакомый ей старшина Пивнев шумно вскакивает из-за своего стола и громко щелкает каблуками:

— Здравия желаю, товарищ старший инспектор! Если вы к капитану Нилову, то он выехал на фабрику имени Восьмого марта. Будет часа через полтора.

— Мне не нужен капитан. Я лично к вам, товарищ старшина.

— О, пожалуйста! — И снова щелчок каблуками. — Кстати, я узнал у своих ребят, в каком детективе описан способ...

— Спасибо, товарищ старшина, это мне теперь не требуется. Я уже знаю, кто прислал вам то анонимное письмо. Это, по-моему, Оля Кадушкина.

— Не может быть! Она же троечница, а письмо написано без единой ошибки.

— Ну, во-первых, письмо не такое длинное, чтобы сделать в нем много ошибок, — улыбается Грунина. — А во-вторых, по русскому языку и литературе у нее как раз хорошие отметки. Это мне сообщила библиотечарша. Она даже сказала: «Если бы не успехи по литера-

туре, я бы ей вообще не стала давать так много книг».

— О, я ее знаю, она строга!

— И еще просьба: не называйте меня старшим инспектором. У меня ведь такое же звание, как и у вашего начальника.

— Извините, пожалуйста, товарищ капитан!..

— А теперь вы вот в чем должны мне помочь, товарищ старшина: показать Олю Кадушкину, но так, чтобы...

— Понимаю, товарищ капитан! Сделаем все самым незаметным образом. Я, между прочим, живу почти рядом с Кадушкиными, и мои ребята дружат с Петей и Олей. А старший Кадушкин совсем уже взрослый, ему с моими неинтересно. Пошлю сейчас к ним мою дочку Елену и она приведет к вам Олю. Где бы вы хотели с нею встретиться? Можно было бы и у меня.

— Лучше все-таки где-нибудь в другом месте. Я проходила сегодня через ваш городской парк...

— Верно! Лучшего места и не придумаешь. У меня дома телефон, и я сейчас позвоню Елене, попрошу ее пойти куда-нибудь с Олей Кадушкиной через парк. У нас, кстати, куда бы ни идти, все равно парка этого не миновать. Подождите минуточку, товарищ капитан.

Пивнев садится за стол своего начальника и набирает нужный ему номер телефона.

— Это ты, Петя? А Лена где? А ну-ка дай мне ее... Чего это ты, Леночка, в такую жару дома сидишь? С Олей Кадушкиной давно виделась? А сегодня?.. В кино собираетесь? На какой же сеанс, если не секрет? На двенадцать? Но ведь сейчас четверть двенадцатого, а ходу туда всего пять минут, если вы в «Космос». Немного погуляете по парку? Ну и правильно, чего вам в такую погоду дома торчать.

— Видите, как все ладно складывается, товарищ капитан, — улыбаясь, обращается старшина к Татьяне. — Мы с вами тоже пойдем сейчас прогуляться по парку.

Через несколько минут они уже прохаживаются по тенистым аллеям, но не рядом, а на некотором расстоянии друг от друга. Старшина впереди, Татьяна метров на двадцать сзади. И почти тотчас же навстречу им появляются две девочки школьного возраста. Одна полная, чем-то напоминающая своего отца старшину, а вторая худенькая, небольшого роста, с гладко зачесанными

назад негустыми рыжеватыми волосами. Не требуется большой сообразительности, чтобы угадать, которая Оля.

— О папа! — радостно кричит толстушка, бросаясь к старшине. — Вот не ожидала тебя тут встретить!

— Здравствуй, Олечка! — здоровается Пивнев с подругой дочери. — Ты иди, Лена тебя догонит, мне нужно дать ей кое-какие поручения.

Ничего не подозревающая Оля не торопясь идет по аллее парка в сторону Груниной, присевшей на скамейку.

— Здравствуй, Оля, — негромко говорит Татьяна, как только девочка равняется с нею. — Подойди, пожалуйста, ко мне поближе и не бойся...

— А я и не боюсь, с чего это вы взяли! — задорно восклицает Оля, с удивлением рассматривая красивую молодую женщину, очень похожую на какую-то киноактрису.

— Ну тогда присядь со мной рядом.

Когда девочка садится, Татьяна благодарит ее:

— Спасибо тебе, Оля, за помощь, которую ты оказала милиции.

Лишь какое-то мгновение Оля недоумевает, но, сообразив, что не случайно, видимо, повстречался с ними Ленин папа — старшина милиции, — догадывается, кем может быть эта красивая женщина, и чуть слышно спрашивает:

— Вы, наверное, из Москвы?

— Да, я инспектор милиции и приехала сюда из-за твоего письма. Где бы мы с тобой могли встретиться и поговорить?

У Оли даже не возникает вопроса, как же эта красивая тетя узнала, что письмо написала именно она, Оля. Татьяна сразу как-то внушила ей доверие. Сыграло тут свою роль и присутствие Лениного папы, конечно.

— Я могу не пойти в кино, и мы сразу бы... — порывисто произносит она.

— Нет-нет, ты обязательно сходи в кино. Оно кончится в половине второго, наверное?

— Да, точно в половине второго, даже немножко раньше.

— Ну, так я ровно в половине второго буду ждать тебя на этой же самой скамейке.

Они встречаются снова в час тридцать пять.

— Извините, что немного опоздала, — оправдывается Оля. — Я могла бы и точно, но тогда нужно было бы идти очень быстро, а это...

— Ты умница, Олечка, — хвалит ее Татьяна. — Давай пройдем вон в ту боковую аллею. По ней, я заметила, почти никто не ходит. Лена что — пошла одна?

— Да, папа поручил ей сходить в универмаг.

— А теперь расскажи мне, Оля, как ты все это узнала, — просит Татьяна, как только они выходят на боковую аллею, еще более пустынную, чем центральная. — Я имею в виду то, что ты написала в своем письме...

— Я понимаю... А как, скажите, мне вас называть?

— Меня зовут Татьяной Петровной.

— Я понимаю, о чем вы это, Татьяна Петровна. О Тузе, да?

— О нем, Оля. Расскажи, пожалуйста, поподробнее, что ты о нем знаешь. Для нас это очень важно.

— Ничего почти. Я о нем узнала случайно, когда мама с бабушкой шушукались. Как только тетя Глаша к нам приехала, они все время шушукались о чем-то. Сначала я думала, что это они о тете Глаше, потому что мама считает ее чокнутой. Но бабушка говорит, что она совсем не чокнутая, а только до смерти запуганная братцем своим двоюродным Алешкой, вот этим самым Тузом.

— Как же ты это узнала, если они «шушукались»?

— Так ведь они шепотом днем только. А поздно вечером, когда думали, что я уже сплю, говорили громче, потому что спорили. Но я не спала. Это было, когда тетя Глаша уже уехала от нас. Особенно бабушка горячилась. Сердилась на маму, что она тетю Глашу чокнутой считает. «Ты, — говорила она маме, — не знаешь вовсе Лешку. Он, — говорит, — если и не убил в тот раз Глафиру, то теперь непременно убьет, как только дознается, что она нам обо всем рассказала». Разговор этот был у них еще до прихода к нам Туза...

— А он когда к вам приходил?

— Дня через два после того, как тетя Глаша уехала. Ночью это было. Мама даже побоялась открывать, а он бабушку попросил позвать, и та ему открыла. Когда вошел, сразу же велел свет потушить и спросил, кто еще дома. Вася с Петей у дяди Гриши тогда гостили. Это на майские праздники было. Обо мне мама сказала,

что я очень крепко сплю. Я и правда сплю крепко, но, когда надо...

— Ну и что же делал у вас Туз? — не дает Оле отвлекаться Татьяна.

— Стал расспрашивать, зачем Глафира приезжала. «Навестить и отдохнуть после болезни», — сказала ему бабушка. Он снова: «Не жаловалась ли на что? Не обвиняла ли кого?» А бабушка у нас хитрющая старушенция. «Какая, — говорит, — словам ее теперь вера? Рехнулась она совсем от побоев своего изверга супруга. Говорили же мы ей, не выходи за этого пьянчугу. Так нет, люблю, говорит, его... А теперь клянет последними словами. Да и вообще мелет черт те что...» — «Ну а обо мне, — спрашивает бабушку тот тип, — не говорила ли чего?..»

— Да ведь «тот тип», судя по всему, твой дядя, — перебивает Олю Татьяна.

— Не хочу признавать такого дядю! — с негодованием вскакивает со скамьи Оля. — Я бы такого сама в милицию отвела...

— Ну ладно, ладно, девочка, успокойся, пожалуйста.

— Нет, не успокоюсь! Я когда вырасту, непременно в следователи пойду, чтобы разоблачать таких — и в тюрьму! Для этого небось юридический институт нужно кончать? Вы не могли бы мне помочь туда поступить?

— Тебе еще четыре года в школе нужно проучиться, — улыбается Татьяна, проникаясь все большей симпатией к этой смышленной девочке. — А вот когда кончишь школу, постараюсь помочь, если только ты к тому времени не передумаешь...

— Да что вы, Татьяна Петровна! Вот если только к тому времени все преступники переведутся, но это, наверное, будет не очень скоро. Как вы думаете?

— Да, наверное, не так уж скоро, — соглашается с ней Татьяна. — Однако, для того, чтобы поступить в юридический институт, учиться нужно не на одни только тройки...

— Я это понимаю, Татьяна Петровна, и постараюсь...

— А теперь продолжим наш разговор. Ну и что же ответила бабушка на вопрос Туза?

— «А что такого могла о тебе говорить Глафира? — спросила его бабушка. — При ее помутненном разуме она тебя и не помнит, должно быть».

— И Туз этому поверил?

— «Ну ладно, — сказал, — дорогие родичи. Выгораживаете вы ее или на самом деле все так, у меня нет сейчас времени разбираться, поймите, однако, в виду, — взболтнет если кто, что я у вас был, худо всем вам будет»... И сразу же ушел, ни с кем не попрощавшись.

— Ты видела его?

— Когда он вошел, то свет у нас еще горел. Мама его зажгла, как только услышала стук в окно. Мы ведь в собственном домике живем. Дедушка сам его срубил перед самой войной. Он у нас был настоящим человеком...

— Я все о деде твоём знаю, Олечка. Знаю даже, что он был награжден орденом «Славы». Отец твой тоже ведь был знатным железнодорожником... Ну и что же ты увидела, когда мама зажгла свет?

— Его я увидела, но сразу же закрыла глаза, чтобы он не заметил, что я не сплю. А догадалась, что это он, потому что бабушка шепнула маме: «Лешка это, наверное...»

— И ты запомнила, как он выглядит?

— Его всякая бы запомнила — такое страшилище! А у меня память на лица очень хорошая.

— Вот и опиши его поподробнее.

— Ну, во-первых, он очень здоровый...

— Высокий? — уточняет Татьяна.

— Может быть, и не очень высокий, но сильно плечистый. Таких я только в цирке видела.

— А лицо, волосы?

— Какие там волосы — безволосый он! Бритый, наверное... Бабушка, правда, сказала маме, что он мог и оплешиветь на нервной почве. Настоящим психом будто бы стал. А морда у него вся как есть бородатая и вроде рыжая.

— Как ты узнала, что кличка его Туз?

— Это бабушке откуда-то известно. И о том, что беглый он, тоже. Наверное, от бабушкиной сестры, матери Алешки.

— А где его мать живет, знаешь?

— В соседнем районе. Рогачевским называется. Километров тридцать отсюда.

— Ну спасибо тебе, Оля, большую услугу ты нам оказала. Но о встрече со мной ты никому...

— Да что я — маленькая, что ли! Сама понимаю.

Если вам еще понадобится, то я с удовольствием...

— Спасибо, Олечка.

Выслушав просьбу Груниной, Нилов вызывает к себе старшину Пивнева.

— Кого бы нам пригласить понятыми, Илья Ильич, для опознания Олей Кадушкиной фотографии Каюрова?

— Ну, во-первых, ее классную руководительницу Долгушину, — предлагает старшина. — Она человек вполне надежный во всех отношениях. И еще я бы порекомендовал библиотекаршу. Татьяна Петровна, кстати, с нею уже знакома.

— Не возражаете, Татьяна Петровна? — спрашивает Нилов Грунину.

— Не возражаю.

Некоторое время спустя, когда Оле в присутствии понятых Татьяна показывает три фотографии, девочка не сразу решается, на какую же ей указать. Грунина хорошо понимает ее затруднение и терпеливо ждет. Оля не знает ведь, что для опознания полагается предъявлять фотографии сходных по внешности лиц. К тому же видела она Каюрова бритоголовым и бородатым, а тут он с пышной шевелюрой и безбород. Татьяна не очень даже уверена, что девочка его опознает.

Но Оля, помедлив немного, решительно указывает на его фотографию:

— Вот он!

— И у тебя никаких сомнений, что это именно он? — спрашивает ее Татьяна.

— Никаких. У него глаза очень злые и нос как у птицы.

10

Уже поздно, пора бы ложиться спать, завтра ведь рано вставать, а Олег все читает и записывает в свой блокнот разные цифры и цитаты. Когда комсорг цеха поручил ему быть агитатором в инструментальном, он даже разозлился:

— Да что вы всё на меня одного! Я и бригадир, и член штаба оперативного отряда, и в общественном конструкторском бюро...

— Ладно, не перечисляй, сам все многочисленные

твоя обязанность знаю, — остановил его комсорг. — Но ведь ты же самый грамотный комсомолец в инструментальном...

— С каких это пор стал я самым грамотным? А Гурген Друян, который на третьем курсе станкоинструментального? Да и Ямщиков поэрудированнее меня...

— Ты еще Десницина забыл назвать, — усмехнулся комсорг. — Он ведь кандидат богословия.

— А ты не смейся над ним. Он достоин всяческого уважения, к тому же на втором курсе философского...

— Ты тоже на философском. Но дело даже не в этом. Гурген горяч. Если ему зададут каверзный вопрос, он может послать сам знаешь куда.

— Когда надо, я тоже могу послать...

— Так когда надо, а он когда и не надо. Анатолий тоже вспылчив и не считает нужным объяснять того, что, по его мнению, каждый сам должен знать. Поэтому лучшего агитатора, чем ты, пока не вижу. Попробуй проведи две-три беседы, трудно будет — поищем кого-нибудь другого.

И вот Олег Рудаков провел уже несколько бесед и не только не попросил замены, но и честно признался комсоргу:

— Оказывается, все это чертовски интересно! Не знаю, как для тех, кто меня слушает, а для меня лично все это очень интересно.

— Я же знал, что эта работа именно для тебя, — похлопал его по плечу комсорг. — Ты прирожденный агитатор. Если хочешь знать, я часто сам прихожу тебя послушать. И еще одна у тебя заслуга — умеешь ты как-то и других для своих политбесед привлечь. Ямщикова очень ловко втянул вчера в разговор. Я и не знал, что он такой знаток кибернетики. А Патер? Интересные вещи рассказывал о последнем Ватиканском соборе и приспособлении католицизма к современному миру. И особенно большое спасибо за то, что организовал в цехе беседы Груниной по правовым вопросам. Какая все-таки она красивая! Валя Куницына уверяет, будто все вы в нее повлюблялись.

— А что, нельзя разве?

— Не в рабочее время, однако, — рассмеялся комсорг. — И лучше бы все-таки в своих заводских девчат.

Вспоминая теперь этот разговор, Олег грустно улыбается. В какой-то мере Валя, может быть, и права...

Но где же сейчас Грунина? Целую вечность, кажется, не виделся с нею. Уехала куда-то и не попрощалась даже. Потом, правда, сам начальник ее позвонил. Сообщи об отъезде Татьяны и поинтересовался, как ведет себя Грачев. А ведет он себя вполне нормально. Вопросы даже задает на политбеседах. Спросил вот сегодня, правда ли, что в капиталистических странах происходит обуржуазивание пролетариата?

Удивляться такому вопросу нечего. Сейчас об этом вся западная печать и радио трезвонят. Олег ответил ему, по правде говоря, не очень убедительно, общими словами. Это и других не удовлетворило. Надо будет завтра объяснить поконкретнее.

Вот он и сидит теперь, готовится...

И вдруг дверной звонок чуть слышно — дзинь!.. Кто же это так поздно?

На носочках, чтобы не разбудить родителей, Олег идет в коридор. Заглядывает в дверной глазок. Да это же Толя Ямщиков! Вот уж кого не ожидал!

— Ты что так поздно — случилось что-нибудь? — тревожно спрашивает его Олег.

Ему кажется, что Ямщиков не очень твердо стоит на ногах. На лице его блаженная улыбка.

— Да ты пьян! — невольно повышает голос Рудков. — От тебя как из винной бочки...

И тут он замечает, что из левого угла рта Анатолия струится кровь. Кровоточат и ссадины на скулах. В темных пятнах крови белая сорочка.

— Не пьян я, не пьян! — энергично мотает головой Анатолий. — Немного выпил, правда, но не пьян. А вид такой потому, что на нас напали...

— Ладно, проходи поскорее, — торопит его Олег. — И не шуми, стариков моих разбудишь.

Проводив Анатолия в свою комнату, Олег присматривается к нему внимательнее и обнаруживает, что не только сорочка, но и брюки его выпачканы грязью и даже разорваны в нескольких местах. Выражение лица, однако, не пьяное вовсе, как показалось Олегу в коридоре, а какое-то восторженное.

— Объясни теперь толком, что с тобой произошло, если, конечно, в состоянии? — строго спрашивает Ямщикова Олег.

— Что значит «если в состоянии»? — удивляется Анатолий. — Я потратил много сил и очень устал, но

я никогда еще не был в лучшем состоянии, чем сейчас. Да знаешь ли ты, что мы с Патером совершили только что почти подвиг! Мы как два д'Артаньяна... Да, именно как два д'Артаньяна, хотя Патеру, как бывшему богослову, казалось бы, больше подходила роль рассудительного Арамиса. Мы сделали с ним то, что было бы под силу только двум д'Артаньянам — мы расшвыряли их и обратили в бегство...

— Ничего пока не понимаю, кого вы расшвыряли?

— Ну ладно, расскажу тогда все по порядку, отведи только сначала меня куда-нибудь, чтобы я мог умыться. И дай йоду залить боевые раны.

Вернувшись из ванной комнаты, Анатолий удобно располагается в любимом кресле Олега и уже более спокойно продолжает свой рассказ:

— Знаешь ли ты, где мы были сегодня? Я и Патер. У Грачева! Он пригласил нас отпраздновать получение аттестата зрелости его сестрой Мариной. Той девушки, которой мы помогали, когда ее братец отбывал срок. А эта маленькая Маринка знаешь какой теперь стала!.. Короче говоря, встретившись с нею сегодня, я, как говорится в старинных романах, прямо-таки потерял голову!

— Но ведь ты совсем недавно говорил мне, будто тебе очень нравится Татьяна Петровна...

— Да, это верно, но как? Как нравится красивая актриса из заграничного кинофильма. А тут живая, настоящая, чертовски симпатичная девчонка! От нее все там были без ума. Даже Патер...

— Не ври, Патер влюблен в свою Беатриче — Боярскую.

— Да, он давно, еще до отречения, любил Настю, но это не помешало ему оценить достоинства Марины. Зато эти лопухи, ее школьные друзья, прямо-таки... Но, в общем-то, они хорошие ребята, а вот еще два типа, которых пригласил, видимо, уже сам Грачев, эти прямо-таки ошалели. Сначала еще ничего, только глаз с нее не сводили, а потом, когда поднабрались...

— Но ведь и вы с Патером не один только чай там пили?

— Я этого и не скрываю. Патер хоть и непьющий, но за здоровье Марины и за ее аттестат выпил пару рюмок. Я уложился в свою норму — три... Ну, может быть, на этот раз четыре рюмки...

— Кто там был еще? Не было разве подруг Марины?

— Наверное, были, но я никого, кроме нее, не видел...

— А подрались вы там, конечно, из-за Марины?

— Ни с кем мы там не дрались. Это потом, на улице, когда мы пошли домой. За углом нас уже поджидали те два типа, приятели или знакомые Грачева. С ними еще двое неизвестных. В гостях у Грачевых их не было. Один из них показался мне похожим на того, что огрел меня в прошлом месяце бутылкой. Вот тут-то и началась баталия... Видел бы ты, как Патер от них отбивался! Обязательно нужно вовлечь его в нашу народную дружину...

— Как бы тебя самого после такой баталии из нее не выставили, — хмуро прерывает Анатолия Олег.

— За что? За самооборону? Выходит, нам нужно было позволить им избить себя?

— Как же вы все-таки выстояли двое против четверых?

— Что значит «выстояли»? Мы не только выстояли, но обратили их в позорное бегство.

— А Патера ты где оставил?

— Нам удалось поймать такси. Патера я довез до его дома, а сам поехал к тебе. Мне захотелось сразу же все тебе объяснить, и именно сегодня. Завтра, увидев наши физиономии, ты бы черт знает что о нас подумал. У меня-то еще ничего, а вот у Патера здоровенный синяк под глазом...

Несколько минут длится неприятное для Ямщикова молчание. По хмурому лицу Рудакова он видит, что тот не в восторге от их ночного похождения.

— Если ты обратил внимание, — произносит наконец Олег, — я тебя спокойно выслушал и даже постарался понять. Послушай же теперь и ты меня. Не хотел я пока тебе этого говорить, но, видно, надо, чтобы ты вел себя осмотрительнее.

— А что такое?..

— Не перебивай! — недовольно машет на него рукой Олег. — Татьяна Петровна меня предупредила, что Грачев хоть и с хорошими отзывами отбыл срок в колонии, но едва ли исправился. Он, наверное, из тех, у которых это на всю жизнь. К тому же у него есть, видимо, босс, который держит его в страхе и повинове-

нии. Действует он, по всей вероятности, по его указке, и вас с Патером пригласил на праздник Марины, конечно, не случайно...

— Но Марина тут ни при чем.

— Да, может быть. Скорее всего она такое же оружие, а вернее — слепое оружие в руках грачевского босса, как и ее брат. И вы с Патером, видать, зачем-то ему понадобились. Мы, правда, полагали, что его мог интересовать главным образом Маврин...

— Грачев приглашал и его, но он без Вари не захотел, а Варя наотрез отказалась. Она боится, как бы Вадим снова...

— Она умница, — хвалит Варю Олег. — Вадим ведь в свое время много крови ей попортил...

— Ну хорошо, — нетерпеливо перебивает Олега Анатолий. — Допустим, что все так. Мы, может быть, и в самом деле нужны зачем-то Грачеву и его таинственному боссу, но зачем же было на нас нападать? Хорошо еще, что мы постояли за себя, а то они могли бы нас и искалечить...

— Я думаю, — убежденно замечает Рудаков, — это получилось уже не по сценарию Грачева и его босса. Их подручные, наверное, уже по своей инициативе хотели вас как следует проучить. И, думается мне, из-за Марины.

— Да, может быть... — соглашается Анатолий. — Но от Марины я ни за что не отступлюсь!

— Опять ты о ней!

— Да, опять, и буду так о ней всегда!.. К замыслам брата своего она никакого отношения не имеет. Ни минуты не сомневаюсь в этом. Между прочим, она собирается на наш завод, в заводское профтехническое училище...

— Это хорошо.

— Очень хорошо! — восклицает Анатолий. Помолчав, он добавляет: — Когда я впервые был влюблен, а было это еще в школьные годы...

— В третьем классе, наверное? — смеется Олег.

— Нет, в девятом, — не замечая иронии Олега, уточняет Анатолий. — Конечно, та, мальчишеская, по существу, любовь не идет ни в какое сравнение с этой. Но тогда я именно по-мальчишески собирал и записывал афоризмы о любви. Память у меня, сам знаешь, какая. Я их почти дословно и сейчас помню...

— Посмотри лучше на часы, видишь, сколько уже? — прерывает его Олег. — Или ты останешься у меня ночевать?

— Нет, поеду домой, дед будет беспокоиться. Кстати, и тебе не мешало бы знать, что от любви к женщине родилось все прекрасное на земле. И сказал это Горький. А Стендаль заметил, что хоть много страшных злодейств на свете, но самое страшное — задушить любовь.

— Твою?

— Нет, твою. И не притворяйся, пожалуйста, таким уж равнодушным. Я давно уже заметил, что ты неравнодушен к Груниной. Чего краснеешь-то?

— Но ведь никаких надежд... — невольно вырывается у Олега. — Я не записывал никаких афоризмов о любви, но в каком-то из произведений Белинского вычитал, что меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит. А я для нее разве такой мужчина?

— А какой же ты? Для меня, если хочешь знать, ты всегда был образцом настоящего мужчины, и я горжусь дружбой с тобой. Да и не только я, у нас все ребята тобой гордятся!

— Спасибо, Толя! — порывисто протягивает руку другу Олег. — Но ведь у нее может быть иная мера достоинств и оценок...

— Ну просто противно слушать! — возмущается Анатолий. — Вот уж кого любовь лишила разума, так это тебя!

— Хватит, однако, об этом, — устало произносит Олег. — И если ты не хочешь оставаться у меня, то поторопись на метро.

11

На следующий день, встретившись с Андреем Десницным, Рудаков внимательно присматривается к нему. У него действительно синяк под левым глазом, и выглядит он очень смущенным. Ямщиков кое-как замаскировал царапины на своем лице и бодрится больше обыкновенного. Так и сыплет остротами. Но ребят из бригады Рудакова не проведешь, они сразу сообразили,

что было какое-то ЧП, однако не подают вида, что догадываются об этом.

Зато Грачев невозмутим, как всегда. Деловито склонился над своим верстаком с разметочной и доводочной плитами, тисками и смотровым фонарем. Позади фонаря на специальной площадке аккуратно разложен его рабочий инструмент.

«Хороший ведь слесарь. Работает добросовестно и вроде даже с охотой, — думает о нем Рудаков. — Чего еще нужно этому человеку?..» Для Олега это просто непостижимо.

В цехе все идет своим порядком, хотя Рудакову кажется, будто инструментальщики сегодня сдержаннее обычного. Не говорят так громко, как всегда, и, кроме Ямщикова, никто не балагурит. Даже Гурген не ругается по-армянски, когда роняет что-нибудь на пол или не находит нужного ему инструмента. Хотя Олегу, может быть, кажется только, что сегодня все полно какого-то особого значения?..

За несколько минут до обеденного перерыва в помещении мастера цеха (Рудаков все еще замещает его) раздается звонок.

— Здравствуйте, Олег! — слышит он голос Татьяны. — Это Грунина. Вернулась только вчера и притом поздно, поэтому не смогла позвонить.

— Я очень рад, Татьяна Петровна, что вы наконец-то!..

— А я должна сообщить вам кое-что не очень радостное.

У Олега сразу замирает сердце от недоброго предчувствия.

— Сегодня ночью, — продолжает Грунина, — на Конюховской улице убит ударом ножа в спину некто Бричкин — девятнадцатилетний, нигде не работающий парень. Участковому инспектору удалось установить, что он до этого был в гостях у Грачевых. Выяснилось также, что находились там и члены вашей бригады: Ямщиков и Десницын. Известно ли вам что-нибудь об этом?

— Известно, Татьяна Петровна. Ямщиков был у меня вчера, возвращаясь от Грачева.

— У вас перерыв через четверть часа? К этому времени я буду на заводе. Встретимся у комсорга вашего цеха.

— Знаете, как мы все по вас соскучились! — взволнованно говорит Олег, когда они с Татьяной остаются одни в комнате комсорга.

Он, конечно, понимает, что время для такого разговора не очень подходящее, но ничего не может с собой поделать и робко смотрит в глаза Татьяны, страшась увидеть в них осуждение. А она спрашивает:

— Все или вы лично?

— В общем-то, все, а я, наверное, больше всех...

Но тут в дверях появляется комсорг, вышедший в соседнюю комнату, чтобы по просьбе Груниной послать кого-нибудь за Ямщиковым и Десницыным.

— Сейчас придут, — сообщает он Татьяне. — Однако они тут явно ни при чем. Я представить себе не могу, чтобы кто-нибудь из них...

— Я тоже не думаю, что это дело их рук, — успокаивает его Татьяна. — Кто убил Бричкина, нам пока неизвестно. Бесспорно лишь то, что он был сильно пьян. А напился у Грачева. Его сестра Марина получила аттестат зрелости. Вот они и отпраздновали это событие. Были в тот вечер в гостях у Грачевых и Ямщиков с Десницыным. Прокуратура уже возбудила дело об убийстве Бричкина, мне же поручено произвести неотложные следственные действия. Поэтому мне придется допросить тут у вас сначала Ямщикова, а потом и Десницына.

— А Грачева? — спрашивает Рудаков.

— Его, конечно, тоже, но уже после них. Но вот и Ямщиков! Вы нас оставьте, пожалуйста, наедине.

— О Татьяна Петровна, наконец-то вы!.. — радостно восклицает Анатолий, но, сообразив, что разговор с нею будет, видимо, официальным, смущенно извиняется: — Простите, пожалуйста... Вы, наверное, будете меня допрашивать о драке с этими подонками и потому всякие эмоции с моей стороны, конечно, неуместны.

— Да, к сожалению, разговор будет официальным, — сдержанно улыбается Грунина. — Что поделаешь — таков закон. Расскажите мне об этой драке поподробнее.

Ямщиков теперь уже гораздо спокойнее и обстоятельнее сообщает ей все то, о чем так бурно поведал в минувшую полночь своему другу.

— Вы не смогли бы описать внешность напавших на вас? — просит Грунина.

— Едва ли это мне удастся, — пожимает плечами Ямщиков. — В темноте не разглядел, да и некогда было рассматривать, пришлось обороняться. Ведь их было четверо. Впечатление о них самое общее — этакие гри-вастые субъекты в доспехах хиппи.

— Но двух вы имели возможность разглядеть по-лучше. Они, насколько мне известно, были гостями Марины.

— Да я и там на них не очень смотрел — были более приятные для меня лица, — улыбается Ана-толий.

— А вот этого вы не узнаете? — спрашивает Гру-нина, протягивая Ямщикову фотографию парня с худым длинным лицом и локонами средневекового лучника. Ее раздобыл где-то участковый инспектор, обнаружив-ший труп Бричкина на Конюховской улице.

— О, этого помню! Этот действительно был у Мари-ны. Она сказала мне даже, что он самый нахальный из ее поклонников. И в драке вчерашней участвовал активнее других. Но скажите, пожалуйста, Татьяна Петровна... Ох, извините меня, ради бога, что называю вас по имени! На допросе это, наверное, не положено, но язык не поворачивается называть вас гражданином инспектором. Ну, что, скажите, было нам делать: обра-титься в бегство или защищаться?

— Никто вас за это и не винит. Я просто уточняю картину происшествия, потому что все гораздо серьез-нее, чем вы думаете. Не заметили вы в руках напавших на вас парней ножа или еще какого-нибудь острого предмета?

— Нет, не заметил. Да и не было, наверно...

— Почему так думаете?

— Потому что они были страшно разъярены, осо-бенно тот, которого вы мне показали. Даже камень пы-тался схватить, к счастью, камень этот оказался слиш-ком тяжелым. А будь у парня финка, он бы не задумы-ваясь пустил ее в ход. Его прямо-таки силком уволокли от нас приятели, когда решили ретироваться, видя, что мы за себя умеем постоять, — я ведь боксер и самбист, а у Десницына, хоть он и бывший богослов, чертовски увесистый кулак.

— Ох, Толя! — вздыхает Татьяна. — Я тоже должна бы вас гражданином Ямщиковым называть, но у меня язык не поворачивается... И все же дело очень серьез-

ное. Убит ведь этот «самый нахальный поклонник» Марины Грачевой. Всадил ему кто-то нож в спину на той самой улице, где вы дрались.

— Что вы говорите! — изумленно восклицает Ямщиков. — Выходит, что подозревать теперь могут и меня и Десницына?..

— Формально — да.

— Эти подонки, дружки Бричкина, с удовольствием, конечно, покажут на меня!

Двое из этих «дружков» уже находились в отделении милиции за ночной дебош. Они разбили окна в одном из домов на соседней к Конюховской улице и пытались избить прохожего. К тому же оказали сопротивление доставившим их в отделение работникам милиции. Допрашивая их, Грунина не задавала им прямых вопросов, но по косвенным заключила, что об убийстве Бричкина им ничего не известно.

Могло оказаться, конечно, что убили его они сами в пьяной драке и потому помалкивали, но скорее всего это не их рук дело. Непохоже, чтобы и Грачев имел к этому отношение. Ему не следовало бы тогда приглашать Бричкина в гости и тем самым не привлекать этим внимания к себе следственных органов.

А не замешан ли здесь Туз?..

Чем больше думала Грунина о причастности Каюрова к убийству Бричкина, тем тверже укреплялась в своей догадке. Но даже если это не Туз и не его подручные, все равно он не упустит теперь случая обвинить в этом Ямщикова и Десницына, а скорее всего — запугать их возможностью такого обвинения...

С какой целью, однако? Это Татьяне было не очень ясно, но весьма возможно, с целью шантажа. И ему очень может пригодиться для этого бесследно исчезнувший четвертый участник ночной драки. Все попытки работников милиции обнаружить его были пока безуспешны.

Допросила Грунина и Марину Грачеву. Девушка произвела на нее хорошее впечатление. Об убийстве Бричкина ей тоже ничего не было известно. А о самом Бричкине она сказала:

— До седьмого класса мы учились с ним вместе. Он и тогда не давал мне житья своим ухаживанием. И даже когда его исключили из школы за вечную неуспеваемость и хулиганство, продолжал ко мне приста-

вать и отвязался только после того, как я пригрозила пожаловаться на него брату.

Задала Грунина Марине несколько вопросов и о брате.

— Знаете, — задумчиво ответила ей Марина, — по-моему, он кое-чему все-таки там научился. Я исправительную колонию имею в виду... Не то, чтобы совсем уж, но и не тот теперь, что был. Во-первых, пить бросил. «Работа, — говорит, — у меня такая, что либо кончай пить, либо переходи на другую по меньшему разряду и не с тем заработком. С микронами ведь дело имею, нужна твердая рука».

— Так совсем и не пьет? — не очень поверила ей Грунина.

— В сравнении с тем, что было, почти совсем. И вообще стал, по-моему, над многим задумываться... Вот если бы только не дружки его прежние! — тяжело вздохнула Марина.

— А что за дружки? Собутыльники?

— Если б только собутыльники! — снова вздохнула Марина, но чувствовалось, что ничего больше об этом не скажет, и Грунина решила пока не настаивать.

Начиная допрос Десницына, Грунина не смогла удержаться от того, чтобы не сказать:

— Вот уж никак не ожидала этого от вас, бывшего богослова...

— Вы знаете, я больше всего удручен, — с неожиданной для Груниной решительностью восклицает Десницын, — тем, что мне постоянно напоминают о моем духовном прошлом! Разве неясно вам, что с ним все кончено? А за свой поступок, совершенный прошлой ночью, я готов нести ответственность по всей строгости закона, хотя нисколько в том не раскаиваюсь, ибо поступил, по-моему, как подобает гражданину. К тому же просто не имел права оставить своего товарища в беде.

— Вас в этом никто и не обвиняет.

— Тогда я вас, простите, не понимаю. Чего же вы от меня не ожидали? Того, что обороняться буду, а не уговаривать напавших на нас подонков разойтись с миром? Или в соответствии с учением Христа, когда они ударили меня по левой щеке, я должен был подставить им правую? Нет, гражданин старший инспектор, я

вполне сознательно дрался с ними и очень горжусь, что мы с Ямщиковым обратили их в бегство...

— Я повторяю, — теперь уже, весело улыбаясь, прерывает его Татьяна, — что ни в чем вас не обвиняю. И если хотите знать мое личное мнение — действовали вы как настоящие мужчины.

— Правда? — улыбается теперь и Десницын.

— Но я обязана выяснить у вас, как все это происходило. Один из напавших на вас хулиганов был ведь найден минувшей ночью убитым.

— Так вот оно что! Тогда я постараюсь вспомнить все поподробнее. В какое время, кстати, произошло это убийство? Примерно около двенадцати? Ну а мы с Ямщиковым сели на такси в половине двенадцатого. Нет, номера его я не запомнил. Вернее, просто не обратил на него внимания. Но Анатолий разговорился с шофером, которого, как и меня, звать Андреем. Потому, наверное, и запомнилось его имя. В разговоре выяснилось еще и то, что мы были последними его пассажирами. Работа его кончалась в двенадцать.

— Не сказал он вам случайно, из какого автопарка его такси?

— Нет, этого мы у него не спрашивали... Хотя, позвольте, он, помнится, сам сказал, что ему по пути с Анатолием, который хотел заехать на Автозаводскую улицу к Олегу Рудакову. Пригодится вам это?

— Пригодится, конечно. Скорее всего это такси из девятого таксомоторного, который находится под Автозаводским мостом.

Записав показания Десницына в протокол и подписав его вслед за ним, Татьяна, прежде чем отпустить Андрея, говорит:

— Хочу дать вам совет: если вас будут шантажировать, уверять, что есть свидетели, которые докажут ваше соучастие в убийстве Бричкина, немедленно дайте мне об этом знать. И ничего не бойтесь.

— Я и так ничего не боюсь.

— Вот и снова встретились мы с вами, гражданин старший инспектор, — добродушно улыбаясь, говорит Груниной Грачев, вызванный на допрос. — Не послушались, значит, моего совета, не пошли в актрисы? Стало быть, работа эта вам по душе. А вот зачем снова

допрашивать меня собираетесь, не пойму что-то. Не допускается разве отмечать в семейной обстановке такое событие, как получение аттестата зрелости родной сестрой? Компания, не скрою, была веселой. Попели, потанцевали — молодежь ведь. Ну и выпили малость, однако в пределах нормы. Это раньше позволял я себе переборы, а теперь...

— О том, каким стали вы теперь, говорить, по-моему, еще рано, — прерывает Грачева Грунина. — Это «теперь» только еще начинается, и от вас зависит, как оно сложится. Но допрашивать я вас буду не о том, как вы отметили получение аттестата зрелости.

— Так в чем же дело тогда?

— Дело в том, что один из ваших вчерашних гостей убит этой ночью неподалеку от вашего дома.

— Убит?.. — слегка дрогнувшим голосом переспрашивает Грачев. В глазах его растерянность, значит, это новость для него. — Вот уж чего никак не ожидал! Все ведь было очень мирно, никто не перепил. Разве вот только Васька Бричкин? Так он вообще оболтус, несерьезный малый...

— Зачем же вы тогда пригласили его на праздник сестры?

— Учился он с Мариной в одной школе и был в нее влюблен еще со школьной скамьи, как говорится. Так это с ним, наверное, случилась беда? Его это убили?..

— Да, его.

— Но кто? Кому этот жалкий забулдыга мог стать поперек пути?

— С вашей помощью и я хотела бы это выяснить. Когда он ушел от вас?

— Около одиннадцати... В общем-то, я сам его проводил. Решил, что ему уже хватит. Со своим корешем Филькой Паниным он и ушел. Этот Панин может вам, пожалуй, больше моего теперь помочь. Они с Бричкиным закадычные друзья.

— А когда разошлись остальные гости?

— Примерно через четверть часа. Перечислить, наверное, нужно, кто был у меня?

Пока Грачев называет фамилии своих гостей, Грунина торопливо думает: «Похоже, что он пока действительно ничего не знает об этом убийстве. Чистая случайность, что оно произошло, или, может быть, Каюров решил избавиться от такого «неуправляемого» помощника,

как Бричкин? Скорее всего было у них в ту ночь бурное объяснение. Не так, видно, вел себя Бричкин у Грачева, и особенно потом, на улице, как ему предписывалось. Каюров вспылыв... Может быть, и не хотел убивать, а только проучить. Теперь же сложившуюся ситуацию он, наверное, постарается использовать для запугивания Ямщикова и Десницына...»

— Вот и все, что я могу вам сообщить, гражданин старший инспектор, — заканчивает свои показания Грачев. — И совершенно чистосердечно, безо всякой утайки. Что касается убийства Бричкина, то ни малейшего представления не имею, кто бы мог это сделать. Безобидный был малый...

— И никогда ни с кем не дрался?

— Ну, кто же из мальчишек не дерется? Дрался, конечно. Это ведь у них почти спорт.

— Мальчишке этому было, однако, уже около двадцати. К тому же за подобный вид спорта, как мне достоверно известно, он имел несколько приводов в милицию. Не мог он подраться с кем-нибудь, покинув ваш дом?

— Был навеселе, и потому не исключено...

— А приревновать Марину вашу к кому-нибудь у него не было оснований?

— Какие же основания? Она вообще ухаживанием его пренебрегала. Помнится, даже просила меня как-то шугануть его от нее.

— Ну тогда вопросов к вам больше не имею, — заканчивает допрос Татьяна, а сама думает: «Значит, нет у него пока желания набросить тень подозрения на Ямщикова. Напротив, выгораживает вроде. Не упомянул даже, что Бричкин пытался схватиться с Анатолием из-за Марины у него в доме».

Рудакову очень хочется встретиться с Груниной, но об этом нечего сейчас и думать. Убийство Бричкина добавило ей хлопот, и она, конечно, не располагает свободным временем. Однако после допроса Грачева Татьяна сама заходит в комнату общественного конструкторского бюро, надеясь встретить там Пронского. Увидев Виталия в окружении инструментальщиков, она отзывает его в сторону.

— Здравствуй, Виталий! Ты, значит, решил окончательно заморочить им головы электронной собакой?

— Почему заморочить? Я с ними об этом совершенно

серьезно. К тому же не обещаю, что соорудить кибернетическую ищейку будет легко.

И все-таки Татьяна не верит в серьезность его замысла.

— А вы как к этому относитесь? — спрашивает она подошедшего к ним инженера-электроника. — Я имею в виду фантастическую идею Пронского.

— Замысел Виталия Сергеевича, конечно, очень смелый, — осторожно отвечает на ее вопрос электроник, тоже еще довольно молодой человек. — Боюсь даже, что слишком...

— Я отвечу вам на это вот какими словами, — самодовольно улыбается Пронский. — «Нужно иметь храбрость поверить в свои убеждения, иначе самое интересное, что могло прийти вам в голову, у вас из-под носа заберут другие, более отважные духом». Хотя это и не мои слова, но я их вполне разделяю.

Так как Пронский говорит довольно громко, к нему подходят инструментальщики, члены конструкторского бюро, окружая его и Татьяну тесным полуколыцлом. А Ямщиков иронически произносит:

— Еще бы вам не согласиться со словами основателя кибернетики. Это ведь вы из «Am a Mathematician» Норберта Винера?

— Скажите, пожалуйста, почему все здесь говорят только о кибернетике и электронике? — спрашивает Пронского Друян. — Вашу синтетическую овчарку, как я это себе представляю, можно создать лишь по законам такой молодой науки, как бионика.

— Какой «молодой науки», Гурген! — восклицает Ямщиков. — Академик Капица сказал: «Бионику часто называют молодой наукой. Это неверно. Ведь еще господь бог занимался бионикой, создавая людей по образу и подобию своему».

— Я вижу, вы все тут большие эрудиты, — теперь уже не столь самоуверенно улыбается Пронский.

Он бросает испытующий взгляд на Татьяну, но она, уже не слушая его, направляется к выходу. До ее слуха доносятся лишь слова Ямщикова, обращенные к Маврину:

— Что-то ты, Вадим, понурый какой-то сегодня? Не блеснул, как всегда, остроумием, ни единого слова даже не вымолвил...

Да, Маврин сегодня действительно озабочен чем-то.

Это заметила и Татьяна. С чего бы это? С тех пор как он женился на Варе Кречетовой, с лица его редко сходилла блаженная улыбка. Поженились они сравнительно недавно, как только получили квартиру.

Выйдя с завода, Татьяна останавливается возле кафе, построенного заводскими комсомольцами по собственному проекту и названного очень просто — «Наше кафе». Обслуживается оно тоже комсомольцами на общественных началах. А так как помещение его очень маленькое, всего на пятьдесят человек, то пользуются им различные цехи завода по очереди и главным образом по пятницам, соревнуясь друг с другом в придумывании оригинальных программ. На одной из таких «пятниц» Татьяна уже побывала.

Пригласили ее комсомольцы инструментального цеха. Кафе хоть и считалось комсомольским, гостями его были и пожилые рабочие. Однако право быть приглашенным требовалось заслужить. К заслугам же относились не только выполнение производственной нормы, но и «праведный образ жизни», как в шутку говорили заводские комсомольцы. И уж конечно, в «Наше кафе» не проникал ни один любитель выпить. Кстати, спиртных напитков в нем вообще не было, лишь чай и кофе разнообразнейших сортов и способов приготовления.

На первом таком вечере все пили чай и кофе под органную музыку Баха, записанную на магнитофонной ленте Олегом Рудаковым с его краткими пояснениями. И хотя пояснения не всегда соответствовали замыслам Баха или той трактовке его замыслов, какую давали им знатоки органной музыки, зато были по-своему интересны и оригинальны.

Заглянув в широкие окна «Нашего кафе», Татьяна замечает там Варю Кречетову. Она, правда, теперь уже Маврина по паспорту, но все по-прежнему называют ее Кречетовой.

— Здравствуйте, Татьяна Петровна! — увидев Грунину, радостно кричит в открытое окно Варя. — Заходите, пожалуйста!

Торопливо распахнув стеклянную дверь, она выбегает на улицу и берет Грунину под руку.

— Вы очень, очень мне нужны, Татьяна Петровна! Давайте присядем вот тут, в уголке, чтобы нам не мешали.

— Мне кажется, у вас что-то интересное затевает-

ся? — спрашивает Варю Грунина. — Вон и Валя Куницына, и еще девушки из инструментального.

— Готовим к пятнице наш вечер. Нам в этом кандидат философских наук Боярская помогает. Помните, я вам о ней рассказывала? Это та самая, которая помогла Десницину от бога отречься. Хорошо бы, если бы и вы что-нибудь подсказали. Но об этом потом. Вы моего Вадима сегодня не видели? Каким он вам показался?

— Случилось разве что-нибудь? Почему вы так встревожены?

— Ох, боюсь я, что может что-нибудь случиться! — грустно вздыхает Варя. — Видно, тот жуткий мир, из которого он вырвался, снова его... Нет, нет, пока ничего! Но со вчерашнего вечера он уже не совсем тот...

— Да не волнуйтесь вы так, Варя. Расскажите-ка все, как говорится, по порядку.

— Никакого тут порядка — все перемешалось! Но в общем началось, видимо, с того, что Вадим отказался пойти в гости к Грачеву. И тогда Грачев ему сказал: «Это не я, это Туз велел тебя пригласить». А вы ведь, конечно, знаете, кто такой этот Туз.

— И Вадим сам вам все это рассказал? — уточняет Татьяна. — Я имею в виду разговор его с Грачевым.

— Ну да, как же! Силком я это из него вытянула. Слово, однако, пришлось дать, что в милицию об этом не заявлю.

— Но ведь я тоже из милиции...

— Вы для меня не милиция, вы мой друг. И не сомневаюсь, что подскажете, как нам быть. Боюсь, что Туз не оставит теперь Вадима в покое. Зачем-то он ему понадобился...

— А почему Вадим не решился мне сам об этом рассказать?

— Считает, что такого опытного бандита вам не просто будет поймать. Если же Туз дознается, что Вадим вам о нем рассказал, то тогда... Не думайте, однако, что это он за себя так испугался. Опасается, как бы Туз или дружки его чего-нибудь мне не сделали...

— А чем Вадим объяснил Грачеву свой отказ пойти к нему в гости?

— Тем, что я не пустила.

— Не думаю, чтобы это объяснение удовлетворило Туза, — задумчиво покачивает головой Татьяна. — Что же Вадим собирается делать дальше?

— Не знаю... Наверно, и сам еще не решил. Но я его одного теперь ни на минуту не оставляю. Из конструкторского бюро он зайдет за мной сюда. Домой мы поедем вместе.

— Ого, какая вы храбрая!

— Уж, во всяком случае, в обиду его никому не дам! — решительно вскидывает голову Варя. — Мы ведь сегодня должны были пойти в гости к дяде. Он пригласил нас к себе еще на прошлой неделе. Вадим был так счастлив, с таким нетерпением ждал этого дня... И вот вдруг объявил мне утром: «Знаешь, Варюша, лучше нам не ходить пока». — «Да ты что!» — изумилась я. «Не могу, — говорит, — честно смотреть ему в глаза. Опять у меня такое состояние, как тогда, когда должен был проникнуть к Леониду Александровичу по поручению авантюриста Корнелия. Был я, правда, в то время простой пешкой в его руках, но и теперь меня не покидает предчувствие, что снова придется выводить что-то в доме твоего дяди». И вы знаете, может быть, он и прав... В общем, я не стала настаивать, дядя сразу бы заметил его испуганные глаза... Вся надежда теперь только на вас, Татьяна Петровна.

— Я постараюсь сделать все возможное, — обещает Татьяна, — нужно только, чтобы Вадим ставил меня в известность обо всех заданиях Туза, если тот от него что-либо потребует.

— Я обязательно постараюсь его уговорить. А как нам сообщать вам об этом?

Татьяна быстро записывает номера своего служебного и домашнего телефонов на листке блокнота и протягивает Варе.

К ним уже подходит Валентина Куницына, невысокая, худенькая, миловидная — одна из лучших разметчиц инструментального цеха. Создание кафе — в значительной мере ее заслуга. А в те дни, когда переходит оно в распоряжение инструментальщиков, Валя не покидает «Наше кафе», пока внутреннее убранство и все детали замысла не достигают почти такой же микронной точности, как и разметка деталей, которые проходят через ее руки в инструментальном цехе.

— Ну что вы тут уединились? — укоризненно говорит она Татьяне Петровне и Варе. — Нам так нужен ваш совет, Татьяна Петровна. Хотим серьезно погово-

рить в нашу «пятницу» о модах и их причудах. Попытаться найти закономерность в их стихии.

Валя учится в заочном художественном институте и очень начитанна. Грунина имела возможность убедиться и в ее хорошем вкусе.

— А о каких модах? — спрашивает она Валю.

— О дамских, конечно.

— Ну тут я вряд ли чем-нибудь смогу помочь вам, — беспомощно разводит руками Татьяна. — Они, по-моему, вне всякой логики и здравого смысла — сплошная стихия.

— А мы хотим все-таки попробовать обуздать эту стихию, и вы могли бы нам в этом помочь, Татьяна Петровна.

— Ох боюсь, что вы переоцениваете мои возможности! — вздыхает Татьяна. — Но я постараюсь оправдать ваши надежды, только не сегодня. Если вас устроит, я заеду к вам завтра.

— Да, пожалуйста, мы очень вас просим, и хорошо бы в это же время. Мы все после работы — прямо сюда.

— Постараюсь, — обещает Татьяна.

Оставшись вдвоем с Валею Куницыной, Варя спрашивает ее, понизив голос:

— Ну а с Анатолием у тебя как?

— Никак...

— Даже в кино не ходите?

— Даже...

Валя вздыхает.

— Ты-то чего так переживаешь? — удивляется Куницына. — Было разве у меня с ним что-нибудь?

— Но ведь могло же...

— Могло, да не было, и очень тебя прошу никогда больше не спрашивай меня об этом.

Профессор Леонид Александрович Кречетов плохо чувствует себя в последние дни. Ничего вроде не болит, а настроение подавленное. Наверное, оттого, что не ладится работа. Хотел популярно изложить некоторые свои научные идеи для молодежного журнала, но без формул и математических расчетов ничего пока не получается. Все выглядит упрощенно, примитивно...

Да и статью для научного журнала тоже придется переделывать, хотя в ней не нужно ничего адаптировать. Тем, кому она адресуется, язык чисел и формул понятнее образных сравнений и метафор, лишь бы только расчеты были точными, безошибочными. Он ведь не Эйнштейн, который мог сказать, что заслужил право совершать ошибки.

Вспомнив эту шутку великого физика, Кречетов откладывает в сторону рукописи и по давней привычке начинает торопливо шагать по своему кабинету. Наблюдая за ним в такие минуты, кто-то из его друзей сказал однажды: «Это похоже на попытку сбежать от самого себя». А Леонид Александрович, вспомнив Эйнштейна, уже не может не думать о нем.

Как мудр и остроумен был этот человек! Да, он ошибался в своем отношении к квантовому принципу, но разве еще кто-нибудь из противников этого принципа мог с таким чувством юмора, как Эйнштейн, заявить одному из творцов квантовой механики Макс Бору: «Ты веришь в играющего в кости бога, я — в полную закономерность в мире объективно сущего».

А бог, которого Эйнштейн нередко поминает в своих статьях и беседах, разве это тот всевышний, которому поклоняются религиозные люди? В отличие от слепо верующих в предначертанность всего сущего Эйнштейн чувствовал себя пронизанным ощущением причинной обусловленности происходящего. Для него будущее было не менее определено и обязательно, чем прошедшее, а религиозность великого физика, по глубокому убеждению Леонида Александровича, состояла лишь в восторженном преклонении перед гармонией законов природы. Сказал же он как-то, что самое непонятное в мире — это то, что он понятен.

— Мир, правда, не очень-то понятен, однако, безусловно, познаваем, но ох с каким трудом даются эти познания! — невольно вздыхает Леонид Александрович.

Сегодня ему трудно сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли. Раздумья о научных проблемах то и дело перемежаются воспоминаниями о разных мелочах, незначительных происшествиях минувшего дня.

Вот опять пришел на память дверной замок, который безотказно служил ему многие годы и закрывался сегодня утром легко и бесшумно, как всегда, а вечером,

когда Леонид Александрович вернулся из института, долго не хотел открываться. Скорее всего испортилось в нем что-то...

Какие, однако, имеются детали в таком бесхитро-стном замке? Тот, что в двери Леонида Александровича, называется врезным, это он знает точно. Ему известно также, что врезные бывают пружинными и, кажется, сувальдными. У него — пружинный. А вот какие же в нем детали?

Спросили бы профессора Кречетова, специалиста по тончайшей физике нейтрино, об устройстве сцинтилля-ционного счетчика или водородной пузырьковой каме-ры, он без запинки перечислил бы все основные детали сложнейшей их аппаратуры, но простейший, элементар-нейший в сравнении с ними дверной замок, пользова-ться которым приходится ежедневно, — для него почти загадка. А ведь в сопоставлении со счетчиками элемен-тарных частиц он как одноклеточное против млекопи-тающего...

Нужно будет все-таки вытащить как-нибудь этот заартачившийся замок из двери и заняться его анато-мией. А сейчас следовало бы, пожалуй, пригласить сле-саря из домоуправления, пусть бы он посмотрел, что там с ним такое. Похоже, что пытался кто-то открыть его другим ключом или отмычкой. Ну а кто же мог это сделать — грабитель?..

Сама мысль об этом кажется Леониду Александро-вичу нелепой. Сколько он тут живет, ни разу ни у него, ни у соседей не было оснований тревожиться за свое имущество. Никто на него не покушался. Да у Крече-това и не было ничего такого, что могло бы привлечь внимание воров. Разве только библиотека, но такие ценности не для рядовых грабителей. Вора могла за-интересовать, возможно, и его коллекция иностранных монет. Но не специалиста, конечно. В ней ведь лишь современные монеты всех социалистических и многих капиталистических стран, главным образом тех, в кото-рых Кречетов побывал. Он и собрал-то эту коллекцию лишь потому, что она как бы воскрешала в памяти мно-гочисленные его поездки по Западной Европе, Азии, Аф-рике и Америке. К концу пребывания в каждой из стран он специально подбирал комплекты монет, от самой мелкой до самой крупной. И лишь количество этих блестящих но, в общем, малоценных кружочков

могло бы прельстить какого-нибудь профана из мелких воришек.

Ему вдруг вспомнилось почему-то, с каким интересом и даже, пожалуй, с восхищением рассматривал когда-то его коллекцию Вадим Маврин. Но это было в ту пору, когда Вадим был еще невежествен и дик, когда племянница профессора Варя еще только начинала обращение этого «неандертальца», как называл тогда Вадим Кречетов, в гомо сапиенс.

— Ого-го! — воскликнул он тогда, алчно сверкнув глазами. — Это же черт те такой капиталец! Сплошное золото и серебро небось.

— В основном железки, — охладила его восторг Варя. — Сплавы различных металлов, и притом далеко не благородных. Но для человека любознательного тут почти вся история «звонкой монеты» двадцатого века.

Она повторила его собственную шутку, в которой слово «история» было, конечно, не очень точным. Тогда, однако, польститься на такую коллекцию мог, пожалуй, сам Вадим или его шеф Корнелий Телушкин, а теперь смешно даже вспоминать об этом...

Леонид Александрович хотя и посмеивается над своими теперешними подозрениями, однако чувство смутной тревоги не покидает его. Чем-то оно напоминает ему то время, когда подручные мистера Диббля охотились за его портфелем с научными материалами. И ведь одним из них был Вадим Маврин, фамилию которого носит теперь его любимая племянница. Разве поверил бы он в ту пору, что Варя может стать его женой?

Вадим был тогда шалопаем, подпавшим под влияние авантюриста Корнелия Телушкина, и, не попадись на его пути такая девушка, как Варя, неизвестно еще, как бы сложилась его жизнь. Едва ли исправило бы его одно только наказание. И уж во всяком случае, он не стал бы тем, кем сделала его она. И не в том вовсе дело, кем он работает и сколько получает — мыслит теперь по-иному, мир видит в других красках. Сам же ведь признался как-то: «Это она, Варя, превратила меня из неандертальца в гомо сапиенс».

А теперь у этого бывшего «неандертальца» отличное чувство юмора, начитанность, незаурядное мастерство слесаря-инструментальщика. Варя уверяет даже, будто во всем инструментальном цехе выше его по классу

точности только Ямщиков с Рудаковым, которых она вообще считает чуть ли не эталонными во всех отношениях и очень гордится дружбой с ними ее Вадима.

Размышляя о судьбе Вадима и Вари, Леонид Александрович бросает взгляд на настольные часы. Ого, уже девять! Значит, они скоро должны прийти. Вот пусть Вадим и посмотрит замок. Ему можно будет сказать и о своих подозрениях, а то слесарь из домоуправления еще смеяться станет...

Но тут мысли профессора прерывает телефонный звонок.

— Это я, дядя Леня, Варя, — слышит он в трубке голос племянницы. — Извините вы нас с Вадимом, пожалуйста! Не можем мы к вам сегодня...

— А ведь обещали.

— Да, правда, обещали, но Вадим сегодня дежурит по штабу заводской народной дружины. Мы не знали, что так случится, потому что сегодня не его очередь. Заболел, оказывается, тот дружинник, который должен был сегодня, и вот Вадим за него... Вы только не обижайтесь на нас, пожалуйста. Я бы могла и одна к вам, но мне хотелось с Вадимом...

— Я тоже хочу видеть вас обоих. И в любой день, когда только будет у вас свободное время и желание.

— Я передам это Вадиму, он ведь к вам всегда с удовольствием... Так вы не обижаетесь, значит?

Леонид Александрович хотя и успокоил Варю, заявив, что из-за таких пустяков смешно было бы обижаться, но чем-то ему разговор с племянницей не понравился. Было в голосе Вари какое-то смущение, будто говорила она не совсем то, что хотела бы сказать. Слишком хорошо знал он прямую, не умеющую хитрить натуру Вари, чтобы не почувствовать этого.

14

Перед тем как попрощаться с Ямщиковым, Олег просит его:

— Постарайся, Толя, не ходить пока к Грачеву.

— А я и не собираюсь к Грачеву, я к Марине.

— Но ведь она тоже Грачева...

— Для меня фамилия Грачева — совсем иной мир. Во всяком случае, не тот, в котором живет Марина.

В мире Грачева живет в том доме один только Павел Грачев...

— Ты цитировал мне в прошлую ночь Стендаля, — прерывает его Олег. — Я потом снял с полки один его томик и стал читать. И знаешь, какую мудрую мысль вычитал? Вот послушай-ка, я ее наизусть запомнил: «Полюбив, самый разумный человек не видит больше ни одного предмета таким, каков он на самом деле... Женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо».

— Ну, во-первых, Марина не такая уж заурядная. А во-вторых, Стендаль преподал всем нам очень мудрый совет — любить так, чтобы даже самые заурядные из наших возлюбленных всегда представлялись нам исключительными существами.

— С этим я целиком согласен, — порывисто протягивает ему руку Олег. — Это и ты мудро сказал. Но будь же мудрым до конца — не ходи сегодня к Марине...

— Как же ты после того, что мы только что сказали друг другу, можешь мне это предлагать! — восклицает Анатолий. — Ее уже допрашивала сегодня Татьяна Петровна в связи с убийством Бричкина, и она, конечно, сейчас тревожится. Убили ведь парня, который вчера только в ее доме разыграл дурацкую сцену ревности. Знает она, наверное, и о драке его со мной. Легко себе представить, какие мысли теперь у нее в голове... Нет, мне непременно нужно пойти к ней и успокоить!

А у Марины в это время происходит бурный разговор с братом. После работы он не пришел домой, как обычно, значит, заходил еще куда-то. Явился часа на два позже, чем всегда, и явно в плохом настроении, однако бодрится.

— Ну-с, как у тебя делишки, сестренка? — спрашивает с напускной беспечностью.

— Это ты сначала расскажи, как твой-то, — мрачно отзывается Марина.

— Что ты имеешь в виду? — настораживается Павел.

— Сам не догадываешься? Тебя не допрашивали разве в связи с убийством Васьки Бричкина?

— Тебе-то откуда это известно? Тоже, значит, допросили?..

— А как же ты думал? Парень провел у нас весь вечер, и это не было ни для кого секретом, а потом его нашли зарезанным неподалеку от нашего дома. Должно это было заинтересовать милицию или не должно?

— Ну положим, нашли его не совсем возле нашего дома...

— Но ведь всего в двухстах метрах от нас!

— Тогда нужно было бы допросить вообще всех, кто проживает поблизости.

— Не знаю как насчет всех, это милиции виднее, а то, что меня допросили, вполне естественно. И все это по твоей милости...

— То есть как это по моей?

— А зачем ты этого подонка на мой праздник пригласил?

— Так он же друг твоего детства...

— Враг он моего детства! Сколько горя мне причинял своим идиотским ухаживанием. Знаешь ведь — ревела я от него, заступиться даже просила. Так зачем же нужен был мне этот человек в такой для меня день? Должен был ты это сообразить?

— Я думал...

— Да ничего ты не думал! Другие за тебя думали и велели, наверное, пригласить его для каких-то своих целей.

— Что ты несешь, дуреха! Кого имеешь в виду?

— Будто сам не знаешь? Повелителя твоего Леху. Чует мое сердце, его это затея. Не совсем ясно только — зачем убивать кретина этого понадобилось? Для того, может быть, чтобы потом всю вину на Толю Ямщикова свалить.

— А что ты думаешь, вполне ведь могло случиться...

— Что могло случиться?! — почти кричит Марина, вскакивая со своего места.

— Да успокойся ты, ради бога! Чего ты так? Рассуди, однако, сама: не была разве вчера тут, у нас в доме, стычка Васьки с Ямщиковым из-за тебя? А потом на улице между ними, оказывается, настоящая драка произошла...

— Какая еще драка? Васька ведь раньше Анатолия ушел.

— Подждал его, стало быть, Василий на улице, и

они схватились там. Я сам об этом только что узнал. Конечно, Анатолий порядочный парень и первым ни за что бы за нож не взялся, но в порядке самообороны...

— Мерзавцы! — стучит кулаками по столу Марина. — Специально, значит, все подстроили! И сцену ревности этого болвана, и драку на улице... Но я все равно не поверю, чтобы Анатолий, даже защищаясь, мог ударить кого-нибудь ножом!

— Да пойми ты, дурья голова, ведь на них... на Анатолия и этого Десницына, четверо ведь напали. Тут не то что за нож, за оглоблю схватишься.

— Да уж за оглоблю он скорее бы, наверное, чем за нож! — теперь уже ревет Марина. — Не мог он его ножом...

— Ну, Десницын тем более не стал бы хвататься за нож, а больше некому же...

— А Леха твой не мог разве? Сам же говорил, что от него всего можно ожидать...

— Ты, я вижу, совсем спятила!

— Ничего я не спятила — его это бандитских рук дело! Больше некому!

— Да зачем ему?..

— Уж не знаю зачем, но это его работа, и если ты не разоблачишь его и не спасешь Анатолия...

— Да никто пока твоего Анатолия ни в чем не обвиняет, хотя обстоятельства явно против него. Спасибо еще, что расследование ведет пока Грунина, но могут ведь передать кому-нибудь другому, более опытному.

— Но что же делать... что делать?.. — снова заливается слезами Марина.

— Я так полагаю: все теперь будет зависеть от свидетелей этой драки. Что они покажут...

— Что покажут? Да то и покажут, что Леха им прикажет, неясно разве?

— Опять ты за свое! Ни при чем тут Леха. Ну а если и имеет какое-нибудь отношение, то, может быть, это и к лучшему даже...

— То есть как это — к лучшему?

— А так. Сможет спасти, пожалуй, Толика твоего.

— Не пойму что-то...

— Смогла бы ты уговорить Анатолия, чтобы он оказал одну услугу Лехе?..

— Да ты что! — снова яростно стучит кулаками по столу Марина. — Сам у него во власти и Анатолия

хочешь?... Нет, не сделали из тебя в колонии человека, Павел! Знать я тебя больше не хочу, не брат ты мне!.. Уйду я от тебя...

— Ну, как знаешь, только я ведь не о себе беспокоюсь, а об Анатолии твоём. Ты не бегай так по комнате, сядь, успокойся и послушай меня повнимательней. Два свидетеля стычки его с Бричкиным уже арестованы милицией. Об убийстве Василия они, может быть, и не знают еще и без команды Лехи ни на кого пока не покажут. Но о том, что Анатолий дрался с Васькой, они на допросе Груниной, конечно, уже сообщили. А вот четвертый участник этой драки, видимо, по совету Лехи исчез до поры до времени. Он-то и может в свое время показать следствию то, что посоветует ему Леха. Вот ведь какая ситуация! И ты не решай пока ничего сама, посоветуйся сначала с Анатолием. Не о твоей, о его ведь судьбе идет речь.

— И о моей тоже... — чуть слышно произносит Марина.

15

Утром следующего дня Грунина встречается с выделенными ей в помощь оперативными работниками райотдела. С одним из них, старшим лейтенантом Крамовым, она работает уже не первый год. Он не очень молод, ему около сорока, но его энергии мог бы позавидовать его молодой коллега лейтенант Сысоев, хотя человек, плохо знающий их, пришел бы, пожалуй, к противоположному заключению. Крамов показался бы ему медлительным, может быть, даже нерасторопным, а Сысоев — очень деятельным. Однако лейтенант расходует много сил впустую и к.п.д. его невелик, тогда как старший лейтенант не делает ничего лишнего. Тратя много времени на раздумье, он экономит на исполнении верно принятого решения. Работая вместе, они как бы дополняют один другого, заимствуя друг у друга сильные стороны.

Старший лейтенант Крамов и внешне производит впечатление не столько оперативного работника уголовного розыска, сколько спортивного тренера, терпеливо выжимающего из своего подопечного все его возможности, вдохновляющего на разумный, сулящий

победу риск. С ним Татьяне не только легко, но и приятно работать.

— Ну как, Аскольд Ильич, удалось вам что-нибудь? — спрашивает Крамова Татьяна, встретившись с ним в райотделе. Ей не нужно уточнять, что именно ему удалось, они понимают друг друга с полуслова.

— Удалось, Татьяна Петровна. Нашелся тот самый таксист, который привез Ямщикова и Десницына с Конюховской на Автозаводскую.

— И время совпадает?

— Совпадает. Они сели в его такси в одиннадцать тридцать. Около двенадцати он высадил Ямщикова на Автозаводской, где живет Рудаков, а Десницына повез на Низовую к дому номер сорок один, в котором тот обитает у своей родственницы. Было это уже в начале первого.

— В том, что в его машине были именно Ямщиков и Десницын, у вас никаких сомнений?

— Абсолютно. Таксист довольно точно описал их внешность. К тому же запомнил, что дорогой они очень возбужденно говорили о схватке с напавшими на них хулиганами и многократно повторяли при этом имя Марины и фамилию Грачева.

— К убийству Бричкина они, вне всяких сомнений, не имели да и не могли иметь никакого отношения, — задумчиво произносит Татьяна, — но почему вы так уверены, Аскольд Ильич, что убийство его произошло как раз в то время, когда Ямщиков с Десницыным находились в такси?

— Нам удалось найти свидетеля, который хотя и не видел убийцу, но слышал чей-то предсмертный крик и голос, раздраженно произнесший: «Век будешь теперь помнить, как своевольничать!»

— Но эти слова могли относиться и не к Бричкину.

— Скорее всего, однако, к нему. Все происходило ведь на Конюховской улице и примерно в то самое время, когда по заключению судебно-медицинской экспертизы произошло убийство Бричкина.

— Но на Конюховской в тот момент могла происходить еще какая-то драка, не имевшая отношения к Бричкину.

— В том-то и дело, что не было. Задержанные нами приятели Бричкина были в это время уже на другой улице.

— А кто тот человек, который дал вам столь туманные показания?

— Инженер Хмелев. Он возвращался домой с дежурства на фабрике, работающей в две смены. Лейтенант Сысоев проверит сегодня, так ли это. Предсмертный крик, или, как выразился Хмелев, «жуткий вопль», он услышал неподалеку от своего дома примерно около двенадцати часов ночи.

— И он не поинтересовался, кто так «жутко вопил» возле его дома?

— Честно признался, что струсил. Его однажды уже избили «за излишнее любопытство». Это подлинные его слова, записанные в протокол участковым инспектором, которому он рассказал об услышанном ночью «жутком вопле», как только узнал, что неподалеку от его дома убили человека.

— Вы его еще не допросили?

— Я думал, что вы захотите сделать это сами.

— И какие же у вас возникли соображения в связи с этими новыми данными?

— В том, что показания Хмелева достоверны, у меня нет никаких сомнений, — убежденно произносит Крамов. — Полагаю, что человек он честный и не такой уж трус. Другой на его месте мог бы подумать: «Стоит ли вообще вмешиваться в это дело? Еще самого могут заподозрить — убийца ведь пока неизвестен...»

— Я не об этом, — прерывает его Грунина. — Я о том, кто же мог убить Бричкина?

— Скорее всего Каюров.

— Какие основания для такого подозрения?

— Ну, во-первых, задержанные нами приятели Бричкина показали, что, прощаясь с ними, Василий заявил: «Будет мне теперь от шефа большая взбучка».

— А то, что шеф его Каюров, уверены?

— Скорее всего именно он. И если это действительно он, то не исключено, что в гневе, а точнее — в ярости, он мог ударить и ножом. Нам известно, что он плохо владеет собой, приходит в бешенство из-за пустяков. Наверное, он не хотел убивать Бричкина, а лишь как следует проучить, да, видимо, не рассчитал удара...

— И теперь постарается использовать это для шантажа Ямщикова и Десницына?

— Да, весьма вероятно.

— Но с какой целью?

— Вероятно, они зачем-то нужны Каюрову. А это дает ему возможность держать их в своих руках.

Грунина некоторое время задумчиво смотрит в окно на застывший у светофора поток автомобилей, а Крамов, решивший, что разговор окончен, спрашивает:

— Какие будут указания, Татьяна Петровна?

— Надо бы, Аскольд Ильич, побеседовать не только с жильцами дома, возле которого произошло убийство.

— Этим и занимается сейчас лейтенант Сысоев. Если я вам больше не нужен, то пойду помогу ему.

— Хорошо, но как мне найти Хмелева?

Крамов дает ей адрес и телефон инженера. Грунина набирает нужный номер. К телефону подходит сам Хмелев, и она договаривается с ним о встрече. Он сегодня снова в вечерней смене и готов явиться к ней хоть сейчас.

— Лучше, пожалуй, я к вам сама заеду, если не возражаете, — предлагает ему Татьяна. Ей небезынтересно, как живет Хмелев, это тоже поможет ответить на некоторые вопросы.

— О, пожалуйста! — охотно соглашается инженер.

Грунина приезжает к нему через полчаса.

— Я не то, чтобы закоренелый холостяк, — улыбаясь, говорит Хмелев, приглашая Татьяну в свою однокомнатную квартиру, — но в этом деликатном деле (женитьба имеется в виду) мне упорно не везет. Это я к тому, чтобы вы не осудили меня за отсутствие домашнего уюта...

— У меня по этому вопросу нет к вам никаких претензий, — улыбается и Татьяна. — А теперь я бы хотела...

— Понимаю вас! — торопливо перебивает ее Хмелев. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я расскажу вам все, что видел и слышал...

— Видели, значит, тоже? — настораживается Татьяна.

— Да как вам сказать?.. Темно было так, что, пожалуй, только слышал. Но какую-то тень можно было все-таки различить. Показалось мне, что это был среднего роста, очень плотный мужчина. Он возился некоторое время над чем-то, лежащим на земле, видимо, над убитым им человеком. Потом выругался очень

грязно и торопливо ушел в сторону автобусной остановки.

— Почему же вы не сообщили этого участковому инспектору? — спрашивает Грунина.

— Он предупредил меня, чтобы я говорил лишь то, в чем был совершенно уверен, и не вводил органы милиции в заблуждение смутными догадками. «Нам нужны только факты», — заявил он мне очень грозно. Ну я и решил, что сообщу в таком случае только то, что мне действительно известно совершенно точно. А вам вот решил добавить еще и то, что, может быть, лишь показалось.

Задав Хмелеву еще несколько вопросов и оформив его показания протоколом, Татьяна возвращается в свой отдел. Доложив подполковнику Лазареву, что ей удалось сделать сегодня, она уже из своего кабинета звонит старшему лейтенанту Крамову:

— Есть что-нибудь новое, Аскольд Ильич?

— Ничего существенного, Татьяна Петровна, если не считать заявления старушки, сообщившей нам, что под ее окном два каких-то типа сквернословили в полночь. Она живет на первом этаже и потому очень боялась, как бы они не разбили ей окна. Со страха даже не глянула ни разу, кто же это там ругался.

— Но хоть несколько слов расслышала же она?

— Расслышала, говорит, многие их слова, однако почти все они нецензурные! Вот разве только то, что сказал чей-то очень злой, властный голос: «Разве это было велено тебе делать, подонок?» После чего обозванный подонком страшно зарычал и, видать, куснул обидчика, да так, что тот аж вскрикнул от боли и пригрозил: «Ну погоди же, зараза! Я тебе покажу, как кусаться! Век будешь помнить, как своевольничать!» Это все доподлинные слова той старушки, — поясняет Крамов.

— А предсмертного вопля Бричкина (я все-таки думаю, что это был Бричкин) она не расслышала разве? — спрашивает Грунина.

— «Взвыл, — говорит, — потом кто-то диким зверем, и все утихло, если, конечно, не считать, что нехорошо ругнулся все тот же властный голос напоследок». Ну а у вас каковы успехи, Татьяна Петровна? Можем мы сделать какие-нибудь выводы?

— Из всего того, что нам уже известно, все очевиднее становится, что с Бричкиным расправился Каюров.

Прежде чем позвонить Груниной, Олег долго ходит возле телефонной будки, не решаясь набрать номер домашнего телефона Татьяны. Повод вроде бы веский, но ведь поздно уже, она устала за день и, наверное, отдыхает от своих нелегких служебных дел. Да и вообще зря, может быть, поднимает он тревогу. Что там, в конце концов, может случиться с Анатолием?

Но ему очень хочется ей позвонить, услышать ее голос, и он решается наконец снять трубку.

Долго слышатся длинные спокойные гудки. Олег насчитывает их уже четыре. Решает дождаться еще одного и положить трубку. И вдруг на другом конце провода ему отзывается голос, от звука которого сердце Олега начинает биться еще чаще.

— Извините, пожалуйста, Татьяна Петровна, — слегка запинаясь, говорит он. — Это Рудаков вас беспокоит...

— Ну что вы извиняетесь, Олег, я ведь всегда вам рада. Почему, однако, голос у вас такой встревоженный? Не случилось ли чего?..

— Нет, Татьяна Петровна, ничего пока не случилось. А тревожусь я вот почему: снова пошел сегодня Анатолий к Грачевым. Не смог я его отговорить. Никакие доводы на него не подействовали...

— Что поделаешь — любовь, — почему-то вздыхает Татьяна, будто завидует Марине.

— Я все-таки боюсь, как бы с ним чего-нибудь там не случилось. Может быть, мне с кем-нибудь из наших дружинников походить возле дома Грачевых?

— Да не бойтесь вы за него, ничего с ним не случится, — успокаивает его Татьяна. — Он ведь умеет за себя постоять. Вы откуда говорите?

— Из автомата. Дома у меня нет ведь телефона...

— А мне так хочется иногда вам позвонить, — снова вздыхает Татьяна и вдруг начинает смеяться. — Знали бы вы, какое удовольствие доставили мне вчера ребята из вашего конструкторского бюро! Сбили кандидатскую спесь с этого зазнайки Пронского.

— Но ведь он талантливый кибернетик. Анатолий случайно познакомился с одним молодым ученым, который хорошо его знает. Тот самого высокого мнения о нем.

— Так оно и есть на самом деле. Мой папа тоже пророчит ему большое будущее. Но уж слишком он высоко себя ценит, и очень хорошо, что вы его прочили.

— Однако он предложил нам не чистую химеру, как вы полагаете, а очень интересную идею. Ребята наши ею увлеклись, — считает своим долгом защитить Пронского Олег. — Ямщиков, правда, разыграл его немножко, прикинувшись в первый день знакомства лопухом. Вы же знаете, какой Анатолий — талантлив чертовски, но упрям и щепетилен сверх всякой меры.

— Я не вижу ничего плохого в его упрямстве. Мне даже нравятся такие упрямцы...

— Глупое это упрямство, однако! Всего хочет сам добиться, безо всякого института, назло своим родителям. Мальчишество это. Но я его заставлю все-таки поступить на заочное отделение станкоинструментального или в филиал политехнического при нашем заводе.

— Обо всех-то вы заботитесь, Олег, а о вас кто же?

— А чего обо мне заботиться? — беспечно смеется Рудаков. — Я продукт системы трех «С», как отзывается обо мне Анатолий...

— Слыхала я про эту систему, — перебивает его Татьяна. — «Создай себя сам», да? Нужно было и мне в свое время заняться самовоспитанием по этой системе.

— Вам? — удивляется Олег.

— А что я — сплошное совершенство разве? Знали бы вы только, сколько еще во мне... Ну да ладно, об этом как-нибудь в другой раз. Вас, наверное, и так скоро из будки вытащат. Я же слышу, как кто-то давно уже нервно стучит монетой по стеклу. Всего вам доброго, Олег!

Действительно, какая-то дамочка нетерпеливо постукивает по стеклянной дверце будки, а Олег ее даже не заметил.

— Ну сколько же можно, молодой человек? — укоризненно говорит она, как только Олег вешает трубу.

ку. — Если вы решили в любви объясняться, то не по телефону же...

Голосок у дамочки очень тихий, так что, к ее счастью, Олег не расслышал всего сказанного ею, а то бы не стал, пожалуй, извиняться, что так долго занимал телефон.

Все еще полный мыслей о Татьяне, торопливо идет он к своему дому и чуть не сталкивается с каким-то рослым человеком. Машинально извинившись, он уже открывает массивную входную дверь своего подъезда и вдруг слышит:

— Вы меня не узнали, товарищ Рудаков?

Ба, да это же Патер! Как, однако, он попал сюда, живет ведь совсем в другом конце города?

— Добрый вечер, Андрей Васильевич! — торопливо восклицает Олег. — Извините, что не сразу узнал...

В бригаде Рудаков со всеми на «ты», ведь все в ней почти ровесники. Десницын ненамного старше, года на три-четыре, но и Олег, и все другие слесари с ним на «вы». Наверное, прошлое Десницына тут как-то называется, а может быть, и потому, что сам он со всеми только на «вы». Один лишь Ямщиков с ним на «ты». Смеется даже над другими: «Интеллигентишки жалкие, боитесь, как бы бывшего «батюшку» не обидеть. Да ведь он теперь такой же трудящийся, как и мы с вами».

— Я специально к вам, товарищ Рудаков, — говорит Олегу Десницын. — Был только что у Ямщикова, но он, оказывается, не возвращался сегодня с завода и дед его очень встревожен. Вот я и решил, что Анатолий может быть у вас...

— Нет, не был он у меня. У Грачевых он. Вернее, у Марины Грачевой.

— Так я и знал! — говорит Десницын. — А ведь ему пока не следовало бы туда...

— Я тоже не советовал, да разве его удержишь.

— Но и осуждать не имеем права, — убежденно говорит Десницын. — У них любовь, настоящая притом. Это уж вне всяких сомнений. Однако как бы с ним там чего-нибудь...

— Я только что по этому поводу с Татьяной Петровной разговаривал по телефону. Она считает, что тревожиться нет оснований, — успокаивает Десницын Олег.

— А что, если бы мы все-таки съездили туда? В доме-то ничего, может быть, с ним и не случится, а вот когда выйдет на улицу, да пойдет один по темным переулкам. Там район глухой, улица плохо освещается и до автобусной остановки далековато...

Олег молча протягивает Патеру руку и крепко жмет ее.

— Вы знаете, что Анатолий вас в д'Артаньяны произвел? — спрашивает он Десницына, когда они садятся в такси.

— Я ведь «Трех мушкетеров» совсем недавно прочел, — смущенно признается Десницын. — А в то время, когда все нормальные ребята ими зачитывались, читал совсем иное... Ну а кому по праву прозываться д'Артаньяном, так это Ямщикову, конечно.

Помолчав немного, он добавляет задумчиво:

— Да, многое мне теперь приходится наверстывать. Сам себя всего лишил... И в институте заниматься нелегко — слишком велики пробелы в образовании. Знаний много, да все не те. Спасибо другу моего детства Анастасии Боярской, если бы не она, я бы давно уже ушел с философского факультета. А она и помогает и вдохновляет...

«Патер, видимо, очень одинок, — думает Олег. — Никто из нас так и не сошелся с ним поближе. Сторонились даже... С Анатолием тоже, пожалуй, не было у него настоящей дружбы, разве вот теперь только...»

— И ведь вот еще что удивительно, — продолжает Десницын. — День ото дня все большая жадность к знаниям. Казалось бы, нужно уже если и не насытиться, то остановиться на чем-то одном, хотя бы в пределах факультетского курса, а я по-прежнему за все хватаюсь. Это у меня от деда, наверное. Но у него память феноменальная, она все вмещает, мне далеко до него...

— Я много интересного слышал о вашем деде от Боярской, — замечает Олег. — С большим уважением отзывается она о нем.

— Да, дед у меня замечательный человек. Ему уже около восьмидесяти, а он все еще полон любопытства к жизни и людям.

— Он по-прежнему в Благове?

— Да, там. И мало того — все еще «при семинарии», как он выражается. Сам хотел было от них уйти, но ректор лично упросил остаться. «Куда, — го-

ворит, — вам в ваши годы? Будете у нас просто так, безо всяких обязанностей. Только на встречах с иностранным духовенством прошу обязательно присутствовать». Дед у меня с юмором. «Я, — говорит, — им нужен на этих встречах, как «четвертый человек» в отечественном православии, дабы не отстать в этом отношении от католической Европы».

— А что это за «четвертый человек?» — как бы механически задает вопрос Олег.

— Открыл его и описал католический ксендз Роберт Давези в своей книге «Улица в церкви». Ультраконсервативный кардинал Оттавиани охарактеризовал «четвертого человека» как христианина, стремящегося провозвести революцию в церкви, «маленького коммуниста в церковной ризе». Очень язвительно сказано.

У Олега мысли сейчас о другом, но он понимает, что Десницину нужен собеседник на все еще волнующую его тему о религии, и он спрашивает:

— Это, стало быть, что-то вроде собирательного образа критически мыслящего католика?

— Вернее, католика, критически относящегося к католической церкви и заинтересованного в ее обновлении, — уточняет Десницин. — Но вот мы и приехали!

— Сейчас направо, — говорит он шоферу, — и, пожалуйста, помедленнее. Видите тот дом на углу? — поворачивается он к Олегу. — Два освещенных окна на втором этаже — это в квартире Грачевых. Я думаю, нам надо проехать немного подальше и там остановиться.

Они так и делают. Потом переходят на другую сторону улицы и внимательно всматриваются в окна Грачевых. Но сквозь их плотно задернутые занавески ничего не могут рассмотреть. Когда проходят мимо фонаря, Олег смотрит на свои часы — уже одиннадцать.

— Пожалуй, Анатолий еще там, — говорит он Десницину. — Грачеву ведь рано на работу и он давно бы лег спать, если бы у них никого не было. А Анатолию пора бы уже домой.

— Давайте походим еще немножко, может быть, он скоро выйдет...

В это время открывается дверь одного из подъездов дома, в котором живут Грачевы, и на улицу выходит Анатолий. Олег тотчас же узнает его по высокому ро-

сту и широким плечам. Рядом с ним еще кто-то, коренастый и сутуловатый.

— Неужели он с Грачевым? — шепчет Олег. — Да, похоже, что с ним. Проводить вышел до автобусной остановки или еще куда?..

Они осторожно идут следом за Анатолием и Грачевым по другой стороне улицы, внимательно всматриваясь в каждое их движение. На углу Конюховской и Раздольной, по которой ходят автобусы, Ямщиков встречается с Грачевым.

— До остановки теперь недалеко, а вон и автобус, кстати, — слышат они голос Анатолия. — А ты иди, Павел, время позднее, спать не так уж много осталось.

— Ну будь здоров! — протягивает ему руку Грачев. — Да не забудь об уговоре.

— Все будет, как условились, — обещает Анатолий. — Я своих слов на ветер не бросаю.

Рудаков с Десницыным заходят в темную подворотню, пропуская возвращающегося к себе Грачева. Как только он проходит, спешат к остановке и едва успевают вскочить в подошедший автобус.

17

Машина плохо освещена, и Анатолий, кажется, не узнает их. Он уже успел оторвать билет и сесть на второе от входа сиденье. Олег с Десницыным устраиваются сзади. В автобусе, кроме них, только две пожилые женщины у самой кабины шофера.

Едва Олег собирается окликнуть Анатолия, как вдруг он сам, не оборачиваясь к ним, произносит:

— Привет, гасконцы!

— Узнал, значит! — радостно восклицает Олег, хлопая друга по плечу.

— Спасибо, ребята! — порывисто оборачивается к ним Ямщиков. — Догадываюсь, почему вы тут. Но, как видите...

— Это-то мы видим, — прерывает его Рудаков. — Расскажи лучше, о чем с Грачевым договорился.

— Я вам все по порядку. Пришел — Марина вся в слезах. У нее с братом был, оказывается, серьезный разговор. Она начала было объяснять, что у них произошло, но я ничего не понял. Тогда Грачев уже сам:

«Вот, — говорит, — какая ситуация, Анатолий...» И рассказал мне страшную историю кабалы, в которую попал к бежавшему из заключения бандиту. Фамилии его он не знает, известна ему будто бы только кличка Туз. Запуган он им до крайности, даже говорить не мог спокойно...

— А это не игра была? — с сомнением спрашивает Олег. — Не притворство?

— Как будто не сочинял. Голос дрожал довольно естественно. Да и Марина все это подтверждала. Говорит, всю жизнь он им исковеркал. И рыдала при этом так, что мы с Грачевым не знали, чем ее успокоить. Чуть ли не полстакана валерьянки выпила...

— Ну а что же они хотели от тебя?

— Марина ничего не хотела. Умоляла даже не слушать брата, не ввязываться в это дело. А Грачев сказал, что должен я услугу какую-то Тузу оказать. Уверял, что только этим и его и себя смогу спасти...

— Это как же понимать?

— Грачев считает, будто Туз может подстроить все так, что я окажусь причастным к убийству Бричкина...

— Шантаж! — восклицает Рудаков.

— Вы бы потише, — шепчет Десницын. — Могут ведь услышать, — кивает он на женщин, тоже довольно громко беседующих о чем-то.

— У них самих такой бурный обмен информацией, что они друг друга-то едва ли слышат, — усмехается Анатолий. — Да и мотор автобуса тарахтит...

— В общем-то, чего удивляться? — возвращается к прерванному разговору Рудаков. — Татьяна Петровна предвидела ведь это и заранее нас предупредила...

— А я, знаешь ли, стал сомневаться, — задумчиво произносит Анатолий.

— В чем? — не понимает его Олег.

— Может быть, Грачев и в самом деле во власти этого таинственного Туза?..

— Непохоже это на него, — покачивает головой Олег. — Скорее всего все-таки он с Тузом заодно.

— Сначала я и сам так считал, но теперь не знаю, что и думать, уж очень он за сестру меня просил. «За нее, — говорит, — больше всего боюсь. Ведь если ему, зверю этому, не угодить, он никого не пощадит...» Ну а ты, бывший пастырь душ человеческих, — обра-

щается Анатолий к Десницину, — что о Грачеве думаешь?

— Не исключено, по-моему, что понесенное наказание многому его научило...

— Если многому научило, чего же он с таким бандитом, как Туз, дело имеет? — спрашивает Олег. — Помог бы лучше милиции взять его.

— Так в том-то и дело, что Грачев считает его неуловимым, — объясняет Анатолий. — Где он обитает, об этом Грачеву ничего не известно. Туз с ним почти не встречается, а связь держит через своих доверенных.

— И вот еще что нужно иметь в виду, — замечает Десницин. — Туз, может быть, знает что-то такое о прошлом Грачева, что милиции неизвестно. И если это так, то выдавать Туза ему просто невыгодно.

— Ай да Патер! — восклицает Анатолий. — Настоящий патер Браун! Не слышал, наверное, о таком? Не читал знаменитого английского писателя Честертона? Да где тебе было его книги читать, ты вместо этого глумности Фомы Аквинского зубрил. Или он для православных необязателен?

— Ну, что ты об этом сейчас, Анатолий! — перебивает его Олег. — Мысль у Андрея Васильевича верная...

— Да брось ты его Андреем Васильевичем величать! — взрывается Анатолий. — Что он, на двадцать лет тебя старше, что ли? Или начальство какое? Если хочешь быть таким же другом ему, как и мне, зови просто Андреем. Пожмите-ка друг другу руки и безо всякого брудершафта переходите на «ты». Чует мое сердце, мушкетеры, понадобится нам в ближайшие дни крепкая мужская дружба.

— Я готов! — решительно протягивает руку Десницину Олег. — Не возражаешь, Андрей?

Растроганный Десницин порывисто встает. Говорит взволнованно:

— Я бы и без того с вами... с тобой, Олег, и с Толей куда угодно! А теперь тем более...

— Давно бы нужно было так! — искренне радуется за своих друзей Анатолий.

— Но не будем отвлекаться, — сдерживает темпераментного Анатолия Олег. — Вернемся к нашим размышлениям. Вы оба не считаете, значит, что Грачев с Тузом заодно?

— Во всяком случае, я лично не уверен в этом, — покачивает головой Анатолий. — Но то, что Грачев страшится Туза, — факт. И не потому только, что опасается расправы, а скорее всего действительно боится какого-то разоблачения, как верно подметил Андрей. Он мне прямо так и сказал, что Туз обещал навсегда оставить его в покое, если только я помогу ему осуществить какой-то замысел. Привел даже его слова: «Плевал, — говорит, — я тогда на всех. Тогда я куда-нибудь подальше от этих мест, чтобы ни одна душа обо мне не знала». С тех пор Грачев будто бы и днем и ночью только и думает о том, как бы упросить меня оказать Тузу услугу, чтобы избавиться от него навсегда.

— В чем же, однако, заключается эта услуга, черт побери? — начинает злиться Олег. — Сколько уже говорим об этом, а до сути никак не доберемся.

— Это потому, — объясняет Анатолий, — что и сам Грачев ничего пока о замыслах Туза не знает.

— То есть как это не знает?

— Не сообщил ему этого Туз. Не нашел нужным. Задача Грачева только меня с ним свести, а уж обо всем остальном тот сам мне скажет.

— Так ведь он черт его знает что может тебе поручить. Человека убить или еще что-нибудь в этом роде...

— Человека он и сам может убить, как убил, видимо, Бричкина, — вздыхает Анатолий. — Я ему нужен скорее всего для такого дела, какое только я один и смогу сделать.

— Внес ясность называется, — усмехается Олег. — Что же такое особенное можешь ты сделать? В чем ты незаменимый специалист?

— Слесарь самого высокого класса и универсального профиля, — необычайно торжественно произносит вдруг Десницын. — Вот в чем его бесспорный талант.

— А знаешь, Андрей, пожалуй, прав, — соглашается с Десницыным Олег. — Можно было бы отнести к твоим достоинствам еще и отчаянную смелость, но это в данной ситуации в такой же мере твой недостаток. Как ты ответил на предложение Грачева?

— Дал согласие на встречу с Тузом.

— Так я и знал! И если бы мы не встретили тебя с Андреем, попытался бы, наверное, осуществить ее, никого не ставя об этом в известность?

— Да, пожалуй... — запинаясь, признается Анатолий. — Зачем мне было вас еще в это впутывать? Ну а милиция или Татьяна Петровна просто запретили бы мне.

— Да, смелость твоя, прямо надо сказать, не столько отчаянная, сколько безрассудная, — вздыхает Олег. — Когда же, однако, ваша встреча должна состояться?

— Этого Грачев и сам не знает. Ему нужно было получить пока лишь мое согласие... Смотрите-ка, по какой улице мы уже едем! — бросается к окну Анатолий. — Проехали ведь твою остановку, Андрей.

— Ничего, я у метро сойду.

Когда Десницын сходит на следующей остановке автобуса, Анатолий говорит Олегу:

— Запутано тут все так, что и сам честертоновский патер Браун, пожалуй, не разобрался бы. Грачев ведь и Андреем интересовался. Это уж потом, когда мы из дома вышли. Не хотел я этого при Патере говорить, а тебя ставлю в известность.

— Не будем сейчас над этим голову ломать, — решает Рудаков. — Пока ясно лишь одно: без помощи Татьяны Петровны нам не обойтись. Самодетельностью своей можем только все дело испортить и неправимых бед натворить.

18

Подполковник Лазарев вызывает к себе Грунину во второй половине дня. До этого она побывала на заводе и встретила там с Рудаковым и Ямщиковым. Рассказ их о событиях минувшей ночи не очень ее удивил, так как она уже знала от своих помощников, что Ямщиков пробыл у Грачевых более двух часов. Было также известно, что около одиннадцати ночи возле дома Грачевых появились и Рудаков с Десницыным.

Не удивил ее и рассказ Ямщикова о предложении, сделанном ему Грачевым.

— Да, и вот еще что, — вспомнил вдруг Олег. — Марина тайком от брата, выходявшего в это время на кухню, сообщила Анатолию, что соседку их Бурляеву снова забрали в психиатрическую больницу, а в комнате ее поселился какой-то подозрительный тип. Ма-

рина считает даже, что это скорее всего кто-нибудь из сообщников Туза.

— Все может быть, — согласилась с ним Татьяна, с трудом сдерживая улыбку, так как ей известно, что «подозрительный тип» на самом-то деле — лейтенант милиции, временно вселившийся в комнату Бурляевой под видом дальнего родственника ее мужа.

Теперь, сидя в кабинете Лазарева, Татьяна перебирает в памяти все события первой половины сегодняшнего дня, собираясь доложить Евгению Николаевичу то, что ему еще неизвестно. А неизвестно подполковнику лишь содержание письма, полученного этим утром Вадимом Мавриным. По содержанию его нетрудно было догадаться, что написано оно Тузом.

«Привет, Вадим!

Хотелось бы с тобой встретиться. Нужно посоветоваться. Походи немного по перрону станции метро «Площадь Маяковского» в шесть вечера. Я к тебе сам подойду.

Твой старый кореш Т.».

Как только Лазарев кончает телефонный разговор, Татьяна протягивает ему это письмо. Евгений Николаевич внимательно читает его, потом с помощью лупы рассматривает штемпеля на конверте.

— Отправлено вчера. Значит, еще до беседы Грачева с Ямщиковым. Может быть, теперь встреча с Мавриным и не понадобится, — задумчиво произносит Лазарев. — Нужно, однако, чтобы Маврин на это randevу пошел. Сможете вы подготовить его к этому?

— Варя мне заявила, что она Вадима никуда одного не пустит. Только с нею вместе...

— Постарайтесь убедить ее, Татьяна Петровна, что это необходимо. И успокойте тем, что Вадим будет на этой встрече не один. Что мы придем к нему на помощь, если в этом возникнет необходимость.

— Я понимаю вас, Евгений Николаевич.

— А теперь забирайте это письмо и вообще все, что у вас есть по делу Грачева и Каюрова, — через полчаса мы должны быть в Управлении внутренних дел у комиссара Невского.

Комиссар милиции, занятый более срочными делами, принимает их лишь спустя четверть часа. Выслу-

шав подполковника Лазарева, он без особого интереса, как кажется Груниной, знакомится с письмом, адресованным Маврину.

— Маловероятно, чтобы эта встреча произошла, — замечает он, возвращая письмо подполковнику. — Скорее всего Маврина просто хотят проверить — придет он или не придет.

— И не приведет ли за собой «хвост»?

— Да, и это, конечно, тоже! — соглашается с Лазаревым комиссар. — Но главное сейчас, по всей вероятности, не встреча Маврина с Каюровым, а Каюрова с Ямщиковым. Готов ли парень к этому?

— В каком смысле, товарищ комиссар? — спрашивает Грунина.

— Хватит ли у него выдержки? Знает ли, что нужно будет делать в критической ситуации?

— Мы его подготовим, товарищ комиссар. У нас для этого есть еще время...

— Боюсь, что времени может не оказаться, — перебивает Грунину комиссар. — Не исключено ведь, что Каюров захочет привлечь его к осуществлению своего замысла уже завтра. Сможет ли Ямщиков оказаться на высоте при таком повороте событий?

— По-моему, Ямщиков заслуживает всяческого доверия, — взвешивая каждое слово, говорит Татьяна. — Он один из лучших инструментальщиков на своем заводе; слесарь-лекальщик самой высокой квалификации. Именно такой человек, как я себе представляю, и нужен Каюрову...

— Известен ли вам характер работы Ямщикова на заводе?

— Бригадир Ямщикова, член штаба оперативного отряда заводской дружины Олег Рудаков считает его универсалом. Думаю, что он может выполнить любую, даже очень сложную, работу по своей специальности. Что еще можно о нем сказать? Хороший комсомолец, готовится вступать в партию. Очень начитан, сведущ во многих вопросах...

— Ну а как в смысле смелости?

— Пожалуй, даже отчаянно смел...

— Вот это уже хуже.

— Я не думаю, что хуже, товарищ комиссар. Такие люди, как он, способны на подвиг.

Татьяна говорит так уверенно о Ямщикове потому,

что Олег передал ей слова Анатолия: «Не надеюсь я, что они доверят мне встречу с Тузом. Побоятся, как бы со мной чего-нибудь не случилось, чтобы потом за меня не отвечать...»

Он, правда, добавил еще: «Татьяна твоя первой, наверное, начнет перестраховываться», но Олег не стал ей рассказывать это...

— Нам, Татьяна Петровна, важна не столько его храбрость, сколько выдержка, хладнокровие и находчивость. Есть ли у него все это?

— Как ни удивительно, но в Ямшикове сочетаются все эти качества, — убежденно говорит Татьяна.

— И все-таки присматривайтесь теперь к нему повнимательнее. И если только возникнет хоть малейшее сомнение — не разрешайте ему никаких контактов с Каюровым. Имейте в виду, что Каюров может назначить встречу с ним в любой день.

— Я лично не очень в этом уверен, — неожиданно произносит молчавший до сих пор Лазарев. — Известно пока, что же Каюрова больше всего интересует. Может быть, денежные сейфы святых отцов в Благовской семинарии, раз он Десницына не оставляет без внимания.

— Но Десницын порвал ведь все отношения и с господом богом, и с семинарией! — восклицает Татьяна. — Ему туда, если бы он даже и захотел, дорога закрыта.

— Зато дед его, почтенный доктор богословия Дионисий Десницын, снова у них в чести, — замечает Лазарев. — А семинарией не впервые ведь интересуются темные личности.

— Вы имеете в виду авантюру бывшего преподавателя Благовской семинарии Травицкого? — спрашивает Грунина. — В деле этом хоть и был замешан один уголовник, оно, однако, не уголовное. А самой темной личностью оказался тогда магистр богословия Травицкий.

— Я ничего пока не утверждаю, — уточняет свою точку зрения Лазарев. — Весьма возможно, что Каюрова интересует не столько Десницын, сколько Маврин. Женившись на Варваре Кречетовой, он породнился таким образом с профессором Кречетовым. К тому же, как нам известно, Маврин пытался уже однажды похитить кое-что у этого профессора.

— Да ни за что он теперь на это не пойдет! — восклицает Грунина.

— Так можете думать вы лично, — прерывает ее Лазарев. — А Каюров не верит, конечно, ни в какое перевоспитание ни Маврина, ни тем более Грачева, на которого в своих замыслах, вне всяких сомнений, возлагает самые большие надежды.

— Конечно, это ваше дело решать... — упавшим голосом произносит Татьяна.

— Окончательно решать мы пока ничего не будем, — завершает разговор комиссар. — Но высказанные товарищем Лазаревым предположения нужно иметь в виду. В связи с этим все три варианта вероятных действий Каюрова следует сегодня же продумать во всех деталях.

19

Вадим прогуливается по перрону станции метро «Маяковская» уже более десяти минут, однако не замечает пока, чтобы к его персоне проявил кто-нибудь интерес. Мало того, он не обнаруживает никаких признаков и тех, кто должен вести наблюдение за его встречей с Тузом или с его доверенным лицом.

Конечно, Маврин немного взволнован и потому, наверное, недостаточно внимателен, но время идет, а обстановка остается неизменной.

«Скорее всего, — думает он, — и не придет никто. Разве может Туз доверять мне настолько, чтобы встретиться в таком людном месте? Может быть, конечно, он лишь присматривается ко мне, наблюдает, как я держусь и нет ли со мной кого-нибудь еще... Но даже если все эти опасения его рассеются, все равно непонятно, зачем он назначил встречу именно тут? Говорят ведь, будто за перронами метро дежурные по станциям наблюдают с помощью телевидения. Работники милиции тоже, значит, могут следить за мной по телеэкрану. Наверное, это известно и Тузу...»

Чем больше размышляет Маврин, тем менее вероятной кажется ему возможность встречи с Тузом или с кем-нибудь из его сообщников. Похоже даже, что Туз просто разыграл его, решил посмеяться над ним.

Но вдруг Вадима осеняет еще одна мысль: «А что, если они рассчитывают применить такой прием: в толпе входящих и выходящих пассажиров сделать мне

знак и быстро увлечь в вагон прежде, чем успеют хлопнуться двери. На следующей же станции быстренько вместе со мной выскочить на улицу, чтобы оторваться от наблюдателей...»

Вадим ходит теперь у самого края посадочной площадки, чтобы облегчить осуществление предполагаемого замысла Туза и дать возможность наблюдающим за ним догадаться о его тактике. Может быть, тогда кто-нибудь из оперативных работников милиции тоже успеет вскочить в поезд. Ну а если не успеет, Маврин будет действовать дальше уже по собственному усмотрению в зависимости от обстановки. Не собирается же Туз убить его, это он мог бы сделать и безо всякой предварительной договоренности...

Спустя еще десять минут Маврин решает: «Скорее всего это была всего лишь проверка — один я приду или с «сопровождающими лицами». Потому и выбрали эту людную станцию, чтобы из толпы получше ко мне присмотреться. Но теперь нечего больше болтаться тут, дежурная по перрону и так уже подозрительно посматривает на меня...»

Вадим не торопясь идет к эскалатору и поднимается в верхний вестибюль. А когда выходит на улицу со стороны Концертного зала имени Чайковского, какой-то тип, поравнявшись с ним, шепчет ему на ухо:

— Встреча отменяется. Дуй домой. Когда понадобишься, дадим знать.

— Ну, какой он — очень страшный? — засыпает Вадима вопросами встревоженная Варя. — Что поручил тебе сделать? А главное — не догадался ли, что ты пришел на эту встречу с ним по поручению милиции?

— Вместо того чтобы обрадоваться, что я жив, и наградить меня поцелуем, — ворчит Вадим, — ты задаешь мне десятки вопросов, на которые я не в состоянии ответить.

— Почему, Вадим?

— Тебе следовало бы задать мне всего один вопрос, — встретился ли я с Тузом, — тогда я легко ответил бы на все остальные. Вернее, ты уже не нуждалась бы в таком ответе.

— Прости меня, пожалуйста, Вадим. Я так тут за

тебя переволновалась, что просто поглупела. Так ты, значит, не встретился с ним? Но не потому ведь, что испугался?..

— Как раз наоборот.

— Ты говоришь загадками, Вадим.

— Я не встретился с ним потому, что испугался, может быть, сам Туз.

— Ты стал очень остроумным, — начинает сердиться Варя. — Но мне вовсе не до шуток. Я хочу знать, что же все-таки произошло?

— То, что я уже сказал, — встреча не состоялась. Но не потому, конечно, что он испугался. Это я пошутил. Скорее всего просто раздумал со мной встречаться. Однако кто-то из его людей шепнул мне, когда я уже выходил из метро, что, если я ему понадобится, он даст мне знать.

— А сам-то ты дал знать об этом Татьяне Петровне или еще кому-нибудь из работников милиции?

— Нет, этого я пока не сделал, потому что вся моя храбрость была израсходована там, в метро, в ожидании встречи. Когда же возвращался домой, боялся остановиться у какого-нибудь телефона-автомата. Мне все время казалось, что они идут за мной по пятам...

— Жалкий трусишка! — не очень весело смеется Варя. — Но ведь Татьяна Петровна ждет твоего сообщения.

— Она, наверное, и так уже знает, что встреча не состоялась. Должен ведь был кто-то из ее помощников наблюдать за мной в метро.

— О том, что люди Туза дадут тебе знать, когда ты им потребуешься, не нужно разве ей рассказать?

— Это можно и завтра.

— Нет, сегодня, и немедленно! Не ложись, пожалуйста, на диван, идем к Анне Андреевне, у нее телефон.

— Но ведь это же секретный разговор...

— Очень нужны твои секреты глухой восьмидесятилетней старухе. Она одна дома, ее дети и внуки ушли в гости.

Когда Маврин позвонил Груниной, у нее сидел Виталий Пронский.

— Да, да, я слушаю, вас! — радостно воскликнула

Татьяна, узнав голос Вадима. — Да, уже знаю. А что было потом?.. Только это и больше ничего? Ну спасибо вам. Привет Варе. Спокойной ночи!

— Это кто звонил, Маврин? — спросил ее Пронский, как только она положила трубку. — Значит, и он у тебя выполняет какие-то поручения! И ты не боишься, что этот бывший уголовник...

— Я боюсь другого, — раздраженно прервала его Татьяна, — как бы мне не пришлось за тебя краснеть.

— За меня? — удивился Пронский.

— Ты думаешь, что они не догадываются, зачем ты им голову морочишь своей кибернетической ищейкой?

— Я предложил им эту идею совершенно серьезно.

— Почему именно им? У тебя есть возможность осуществить ее в своем научно-исследовательском институте.

— Но ты так их расхвалила...

— И тебе захотелось доказать мне, что они этого не стоят? А они сразу же догадались, что ты к ним из-за меня...

— Потому что сами все в тебя влюблены!

— Чего это ты решил? — не очень естественно рассмеелась Татьяна.

— Я пока еще не ослеп и вижу, как они на тебя смотрят, как отмоются...

— Хотела бы, чтобы все так ко мне относились!

— А я к тебе как же отношусь?

— Ты приходишь ко мне только за тем, чтобы говорить о своей любви.

— Но ведь я тебя действительно люблю...

— Да, может быть, и любишь, но не уважаешь. И тут я тебе приведу одну мудрую фразу. Даже точно помню чью — Дюма-сына. Он сказал: «Любовь без уважения далеко не идет и высоко не поднимается: это ангел с одним крылом».

Пронский тяжело вздохнул и сидел некоторое время молча. Молчала и Татьяна. А когда он поднялся, чтобы попрощаться, она заметила:

— И, пожалуйста, не обижайся. Скажи лучше спасибо за мою откровенность. Может быть, и не следует этого говорить, но я уж скажу тебе все: мне с тобой скучно...

— А с ними?

— Они мои товарищи, и я не просто провожу с ни-

ми время, а работаю. Мы сейчас решаем сообща такую трудную задачу, какую мне без них не решить, наверное, никогда. Тебя же прошу либо оставить их в покое, либо помочь им осуществить реальный замысел, за который они несут ответственность перед райкомом комсомола.

— Сконструировать систему непрерывного оперативного планирования? С этим они и без меня справятся. Но и моя идея не голая фантазия. Осуществить ее, конечно, не так-то просто, однако возможно...

— Отложи все-таки это на другой раз, когда у них будет больше свободного времени. И не обижайся на меня.

Едва Виталий ушел, на пороге комнаты Татьяны появилась ее мать.

— Почему ты так с ним, Таня? Ведь мне казалось, что он тебе безразличен...

— Мне тоже казалось, но, видимо, все это не так. И я очень прошу тебя, мама, поверь хоть ты мне, что я веду сейчас трудное дознание и, если только мне удастся добиться успеха, то предотвращу очень крупное преступление.

— И эти рабочие, а главным образом, наверное, тот самый парень, который так понравился папе, действительно тебе помогают?

— Да, действительно. И знаешь, мама, почему я так ценю этих ребят? За их высокое чувство долга!

— Ах, Таня, Таня! — вздохнула мама. — Не для тебя эта профессия инспектора уголовного розыска. Слишком ты романтична, а вокруг такая суровая проза...

Татьяна не успела ничего ей ответить, раздался телефонный звонок.

— Да, — сказала она, сняв трубку. — Добрый вечер, Аскольд Ильич, слушаю вас. Хотели бы зайти? Нет, нет, ничем я не занята, буду просто рада! Жду вас.

— Мама, — повернулась Татьяна к матери, — ко мне сейчас зайдет мой коллега, старший лейтенант Крамов, не угостишь ли ты нас чаем?

— С какой целью, если не секрет?

— По делу... По делу, которое мы делаем с ним сообща. Вот и все, что могу тебе сказать, ты уж извини...

— Мне подробнее и ни к чему.

— Ты, однако, чем-то недовольна?

— Мне просто хотелось бы, чтобы к тебе заходили твои коллеги не только по делу, а так, запросто. Посидеть, поговорить о литературе и искусстве, поспорить, послушать музыку... Как Виталий, например.

— Виталий ко мне тоже ведь по делу, мама, — усмехнулась Татьяна. — Только по своему, сугубо личному. Но об этом мы как-нибудь в другой раз, ты уж, пожалуйста, извини, скоро Крамов придет.

Крамов действительно пришел очень скоро, видимо, приехал на машине.

— Я живу неподалеку от вас, Татьяна Петровна, — объяснил он свой визит, — и мне было к вам по пути. По телефону ведь всего не скажешь...

— Да что вы оправдываетесь, Аскольд Ильич! — перебила его Татьяна. — Проходите, пожалуйста, в мою комнату, а потом я вас с моей мамой познакомлю.

Усадив Крамова в свое любимое кресло, Татьяна прикрыла дверь в соседнюю комнату и приготовилась слушать. Старший лейтенант в отличие от Рудакова чувствовал себя у Груниной совершенно непринужденно, будто бывал тут не раз. Он вообще умел как-то сразу «вписаться в обстановку», как сказал о нем однажды Евгений Николаевич. Татьяна даже позавидовала такому его искусству. По ее мнению, был в этом не только своеобразный профессиональный навык, но еще и тот артистизм, который она считала присущим лишь выдающимся оперативным работникам.

— Ни за что не догадаетесь, откуда я сейчас, — улыбаясь, произнес Крамов, как только Татьяна села против него. — Вот взгляните-ка на эти записи, — протянул он ей листок бумаги, исписанный названиями каких-то книг. — Знаете, что это такое? Список книг, которые Грачев взял на днях в заводской технической библиотеке. Ничто вас в нем не удивляет?

Грунина торопливо пробежала глазами названия книг, среди которых были справочники слесаря-инструментальщика, различные пособия по лекальному производству и технологии изготовления измерительных инструментов и приборов.

— Разве только вот это, — не очень уверенно произнесла Татьяна, указывая пальцем на строчку, в которой было записано руководство по штамповочным работам.

— Вот именно! — оживился Крамов. — Зачем, спрашивается, слесарю-инструментальщику, не имеющему дела с изготовлением штампов, такое руководство?

— Но ведь штампы изготавливаются слесарями? — спросила Татьяна.

— Да, правильно, слесарями высокой квалификации. Однако в цехе завода, на котором работает Грачев, да и в других его цехах никто никаких штампов не делает и не применяет в процессе производства. Зачем же тогда Грачеву книга по изготовлению и применению штампов?

— Такой вопрос можно ведь задать любому, кто берет литературу не по своей специальности, — улыбнулась Татьяна. — Я вот, например, взяла на днях в нашей библиотеке книгу по космонавтике. Не думаю, однако, чтобы в связи с этим у кого-нибудь возник вопрос: не собираюсь ли я в космос?

— В отношении вас такого вопроса, конечно, не возникнет, — спокойно соглашается с Татьяной Крамов. — Но то, что Грачев взял недавно в заводской библиотеке руководство по штамповочным работам, нам на всякий случай не мешает иметь в виду.

— С этим я вполне согласна, — весело кивает головой Татьяна. — Нам с вами все нужно иметь в виду, все может в свое время пригодиться. Но почему вы заинтересовались библиотечным абонементом Грачева?

— Услышал случайно, что он много читает, вот и решил посмотреть, что же именно. Конечно, так, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания. У меня в связи с этим возникла одна идея, но пока маловато достаточно убедительных данных, чтобы вас с нею ознакомить.

— Согласна терпеливо ждать, пока она окончательно созреет. А теперь идемте-ка пить чай с моей мамой. Папа сегодня на каком-то затяжном научном заседании. Кстати, если потребуются консультант по инструментальному, лекальному и даже штамповальному производству, — лучшего нам, пожалуй, не найти. Учтите это, Аскольд Ильич.

У Рудакова завтра политбеседа в цехе, а он никак не может сосредоточиться на составлении конспекта.

Не выходят тревожные мысли из головы. Опять Ямщиков пошел к Марине, а Рудакову и Десницину приказано его не сопровождать. Это за них сделают оперативные работники милиции. И хоть они справятся с этим лучше, конечно, чем он с Андреем, ему все-таки очень неспокойно.

Да еще и с отцом сегодня произошла небольшая стычка.

— Я знаю, ты меня презираешь, — сказал он Олегу.

На это Олег спокойно ответил:

— Нет, я не презираю тебя, отец. Просто не могу тебя уважать, и ты сам знаешь почему...

Отец это хорошо знает, но ни ему самому, ни Олегу от этого не легче. Первоклассный слесарь-лекальщик в прошлом, Рудаков-старший окончательно спился. И спился так, без особой причины, по безволию. Своими дрожащими, потерявшими прежнюю силу и точность руками он мог теперь исполнять лишь нехитрую работу водопроводчика при домоуправлении.

В пьяном виде он, правда, сказал как-то сыну:

— Рок это, Олег. Злой рок нашего рода. Отец мой, твой дед, тоже страдал запоем. Наследственное это у нас. Ох, чувствует мое сердце, и ты недолго выступишь...

Олег тогда молча хлопнул дверью и ушел из дому. Но тут же устыдился своей раздражительности, взял себя в руки и больше не распускался. Воспитатель профтехнического училища, в котором он учился, познакомил его с системой трех «С» — «Создай себя сам». Эта система требовала не прощать себе ни малейшей ошибки, научиться командовать собой.

Одно время он даже хотел уйти от своих стариков. Помогать им деньгами, но жить отдельно. Потом усовестился такого решения и обязал себя остаться с ними навсегда. И не потому вовсе, что мать сказала: «Уйдешь, отец совсем сопьется», просто считал это своим долгом.

Отца отвлечь от пьянства так и не удалось, потому что лечиться он не захотел, пить, однако, стал умереннее и вел себя «пристойно», как с радостью сообщала мать своим родственникам и соседям по дому.

Вот сегодня, например, отец хотя и выпил по случаю получки, но сидит в своей комнате тихо, чтобы не мешать сыну готовиться «к лекции». Так торжественно

стала называть мать его короткие политбеседы во время обеденных перерывов, после того как прочла о них хвалебный отзыв в заводской многотиражке.

— Подумаешь, — усмехнулся, услышав от нее это сообщение, отец. — У нас в домоуправлении тоже есть свой агитатор, так он нам больше передовицы из газет...

— Да ты вот прочти-ка сам, — возмутилась мать. — Отзыв-то о беседах его знаешь кто написал? Профессор из их заводского университета культуры.

Отец хоть и прочел статью под нажимом матери, но не очень поверил профессорской похвале. «Любят у нас польстить рабочему человеку», — решил он про себя.

Рудаков-старший в молодости и сам учился на рабфаке. Его тоже тогда хваливали, чтобы подбодрить, а он решил после двух курсов, что вполне хватит ему, рабочему человеку, такого образования, и не захотел поступать в институт. Но, заглянув однажды в комнату сына и поинтересовавшись, что Олег читает, проникся к нему уважением. С тех пор перестал играть на баяне, когда сын готовился к очередной беседе, хотя обычно, выпив в получку, любил «нажать на клавиши» и даже что-нибудь спеть.

А Олегу сегодня нелегко. Решил не отделяваться завтра общими словами о Герберте Маркузе, а поговорить об этом кумире леворадикальной бунтующей молодежи «свободного мира» обстоятельнее, тем более что многие ребята уже читали о нем газетные статьи.

Олег и сам не сразу во всем разобрался. Маркузе действительно ведь очень популярен среди значительной части западного студенчества и интеллигенции. Его «Одномерный человек» стал на Западе бестселлером — самой ходкой книгой еще в конце шестидесятых годов. Сказать о нем лишь то, что его мысли ничего общего не имеют с подлинной революционностью и тем более с марксизмом, наверное, недостаточно. Надо как-то поподробнее рассказать, да хватит ли времени, отпущенного на беседу...

Но тут мысли Олега прерывает звонок. А когда он распахивает дверь, то видит у входа Ямщикова.

— Не бойся, — смеется Анатолий, заметив его встревоженный взгляд. — Сегодня я трезв и ни в ка-

ких драках не участвовал, хотя снова к тебе прямо от Грачева. Понимаю, что поздно, но не зайти не мог...

— Да что ты оправдываешься — заходи безо всяких извинений и объяснений. Сам знаешь — я тебе всегда рад.

Когда гость проходит в его комнату и усаживается в кресло, Олег спрашивает:

— Может быть, принести чего-нибудь поесть? У мамы сегодня пироги.

— Нет, не надо, я сыт, Марина накормила. А зашел к тебе вот почему. Снова был у меня разговор с Грачевым о предстоящей его встрече с Тузом. «Сколько же можно ждать, — говорю я ему. — Хотите, может быть, чтобы на меня и в самом деле показал кто-нибудь, что видел, как я дрался с Бричкиным?» Он обрывает: «Не говори ерунды! Просто Туз занят сейчас. Вернее, нст его в Москве». — «Так, может, — спрашиваю, — он вообще раздумал?» — «Скажешь тоже! — ухмыляется Грачев. — Для него сейчас осуществление задуманного — все! А воплощать его замысел придется тебе вместе со мной. Я, конечно, у тебя в подсобниках буду. Не по моей квалификации предстоит работа». И тут вдруг меня осенило! — хватает Олега за руку Анатолий. — Только ты не ругайся, что не смог посоветоваться с тобой. Да и когда было...

— Не тяни же ты, не выматывай нервы! — злится Олег.

— Ну, в общем, я ему говорю: «Слушай, Грачев, а что, если мы к этому еще и Рудакова?» — «То есть к чему?» — не сразу понял меня Грачев. «К замыслу Туза, — поясняю. — Мы с Олегом любую бы его идею тогда воплотили не только в металле, но и вообще в чем угодно...»

— Ну а он? — торопит Анатолия Олег.

— Сначала молчал, а я продолжал развивать свою мысль. «Это можно было бы, — говорю, — даже у нас в цехе. Мастер, сам знаешь, до сих пор болен, и Рудаков все еще его замещает. Любой инструмент будет, значит, в полном нашем распоряжении. Рудаков и Патера с Мавриным смог бы к этому привлечь. Сам понимаешь, как бы они могли нам пригодиться».

— Патера с Вадимом ты, однако, зря... — недовольно замечает Олег.

— Ничего не зря! Грачеву эта мысль понравилась:

Он ведь считает, что Патер с Мавриным тоже у Туза в руках. «Доложу, — говорит, — ему, когда вернется». Но попросил о разговоре нашем пока никому... Имей это в виду.

— Ладно, понимаю.

— А Марина прямо возненавидела его теперь за то, что он меня в такое дело вовлекает и не хочет помочь милиции взять Туза. Уж я даже заступаться за него стал. «Как же, — говорю, — он может помочь милиции, если не имеет с Тузом прямого общения?» Она мне в ответ: «Это он только говорит так, на самом-то деле встречается с ним, наверное...»

— А сам ты как думаешь? — прерывает Анатолия Олег.

— Права, пожалуй, Марина. Зачем Тузу такая сложная система связи с Грачевым? И потом, чем больше сообщников, тем больше шансов на провал. Мы этот разговор с Мариной в его отсутствие вели. Боюсь я за нее. Как бы босс Грачева с нею не расправился... Я бы взял ее к себе (говорил уже об этом с дедом, он не возражает), но, пока не поженимся, она ни за что ведь не согласится ко мне переехать.

— Так женитесь поскорее!

— Заявление в загс уже подали, но нужно еще почти месяц ждать.. Ну ладно, я пошел, поздно уже. А ты сообщи завтра о моем разговоре с Грачевым Татьяне Петровне.

21

Нелегким был этот день и у Маврина. Он с утра еще заметил, что Грачев как-то странно присматривается к нему. А в обеденный перерыв отозвал его в сторону и сказал:

— Что-то ты, Вадим, сторонисься меня уж очень?

— С чего ты взял?..

— Ни с чего не взял, так оно и есть. Да ты мне, в общем-то, и ни к чему. В друзья к тебе навязываться не собираюсь. Да вот Туз все еще интересуется тобой. Велел, между прочим, напомнить разговор ваш давний о коллекции теперешнего тестя твоего.

— О какой коллекции? — слишком уж усердно наморщил лоб Вадим.

Странное дело — раньше ему трудно было разговаривать с людьми, которых он называл «праведниками», а теперь никак не может найти общего языка с теми, кто когда-то составлял его компанию.

— О коллекции иностранных монет, — напомнил ему Грачев. — Видать, сильное впечатление произвел на Туза твой рассказ об этой коллекции, до сих пор ее помнит. Как же ты-то о ней забыл?

— Ах об этой! — сделал вид, что вспомнил наконец, о чем идет речь, Вадим. — Так ведь ничего в ней особенного нет. Непонятно даже, чем она Туза заинтересовала. Может быть, он тогда не очень меня понял и решил, что в ней золотые монеты? А там в основном сплавы меди с разными металлами...

— Серебра даже нет? — удивился Грачев.

— Чистого нет, наверное, ни в одной...

— Ну да это Туза, видимо, и не очень интересует.

— А что же тогда? Не стал же он нумизматом?

— Каким таким нумизматом?

— Коллекционером монет.

— А черт его знает! — пожал плечами Грачев. — От него все можно ожидать. Во всяком случае, велел тебе передать, что был бы очень доволен, если бы ты эту коллекцию...

— Спер? — закончил за Грачева Вадим.

— Ну зачем же так грубо? Никто тебя на уголовщину не толкает. Профессор, надо полагать, и так подарит ее тебе, если ты и его любимая племянница об этом попросите.

— Ты соображаешь, о чем говоришь? — возмутился Вадим. — Он эту коллекцию десять лет, наверное, собирал. Каждую монетку лично ведь привозил из своих зарубежных поездок.

— Сам же говоришь, что они простые железяки, так неужели ж...

— Да в цене разве дело? Они дороги ему, как память о тех странах, в которых он бывал.

— Ну необязательно тогда всю коллекцию. Пусть даст по одной монете хотя бы главных европейских государств и Соединенных Штатов. А разная там латиноамериканская и африканская мелочь Туза скорее всего не интересует. Но чтобы монеты непременно были самого крупного достоинства! Справишься с такой задачей?

— Не знаю, — нахмурился Вадим, хотя Грунина посоветовала ему не обострять отношений с Грачевым. — Не очень уверен...

— Ну вот что, — повысил тогда голос Грачев. — Уверен ты или не уверен, это меня не касается. Мое дело маленькое — передать тебе приказание Туза раздобыть эти монеты, а уж как ты будешь это делать, тебе виднее. Учти, однако, — Туз с тобой церемониться не станет.

Когда Варя сообщила об этом разговоре Вадима с Грачевым Груниной, Татьяна Петровна спросила ее:

— А вы могли бы попросить такие монеты у дяди?

— Ох не хотелось бы мне это делать! — вздохнула Варя. — Я ведь знаю, как дорога ему эта коллекция. Лишить ее самых ценных монет — это все равно что...

— Ну вот что тогда, — решительно прервала Варю Татьяна. — Я попробую раздобыть такие монеты сама. Мой отец тоже много путешествовал и оставлял себе кое-что на память из денег разных стран. Позвоните мне, пожалуйста, сегодня домой после работы.

Варя звонит Груниной в семь вечера из телефонной будки.

— Добрый вечер, Татьяна Петровна, это я, Варя Маврина. Ну, как у вас?..

— Кажется, коллекция вашего дяди не пострадает, — смеется Татьяна. — Нашлось кое-что. Не все, что просил Грачев, но большая часть.

— Вот хорошо!

— Завтра я занесу или пришлю их вам с кем-нибудь. Но Вадим должен будет сказать Грачеву, что вы выклянчили их у дяди.

— Понимаю, Татьяна Петровна. Спасибо вам, что вы нас выручили! Когда мы их получим?

— Вот что давайте тогда сделаем, — решает Грунина. — Я сегодня же передам их вам. Пусть Вадим отдаст монеты Грачеву завтра. Только вам для этого придется сейчас поехать к вашему дяде. Не поздно будет?

— Он всегда нам рад. В любое время. Сейчас

сколько? Начало восьмого, кажется? В восемь мы будем у дяди.

— Хорошо. А как поедете: на метро? С пересадкой у Белорусского? Тогда в половине восьмого к вам на этой станции подойдет молодой человек и передаст пакетик. Он знает Вадима и сам вас найдет. Вы только походите немного по вестибюлю кольцевой. Договорились?

— Договорились, Татьяна Петровна.

22

Видно, у всех сегодня трудный денек. Валентине Куницыной пришлось отказаться от задуманного вечера в «Нашем кафе».

— Был бы большой ералаш и конфуз, — сокрушенно заявила она Боярской, когда та пришла к ней узнать, как идет подготовка к вечеру. — Никто бы никому ничего не доказал...

— Ты сама так решила или это мнение всех организаторов вечера? — спросила ее Боярская.

Они как-то сразу сошлись друг с другом еще в прошлом году, почувствовали взаимное тяготение и чуть ли не в тот же день перешли на «ты». Теперь же Анастасию встревожил слишком уж убитый вид Валентины. Такого, по мнению Боярской, не должно у нее быть, даже если бы вечер на самом деле срывался.

— Что же ты молчишь, отвечай? — не спускала она строгих глаз с Куницыной.

— Я его инициатор, и потому...

— Сама, значит, разочаровалась и решила взять на себя ответственность за его провал? — раздосадованно прервала ее Боярская. — Да разве так можно? Объясни-ка лучше, что с тобой такое? В чем причина твоей хандры? Э, да ты, я вижу, еще и слезу пустить собираешься! А ну-ка выкладывай все начистоту!

Валя по-детски прижалась к Боярской и вдруг действительно заплакала.

— Ладно уж, поплачь, — ласково погладила ее густые волосы Настя. — По опыту знаю — легче станет.

А спустя несколько минут встряхнула ее и сказала властно:

— Давай теперь исповедуйся!

— Анатолий с Мариной Грачевой заявление в загс подали... — давясь слезами, еле выговорила Валентина.

— Ну вот теперь все наконец ясно!

— А что ясно-то? Что? Подумаешь, мировую проблему собрались решать — «мини» или «макси»? Да что от этого в судьбах наших изменится? Полюбит разве тебя тот, без кого ты дальнейшей жизни своей не представляешь?..

— А я бы на твоём месте...

— Да не давай ты мне, ради бога, никаких советов! Советы-то давать легко, выполнять их трудно. Вот Рудаков сказал как-то нам, заводским девчатам: «Будьте неприступны, держитесь гордо, не позволяйте этим свиньям облакачиваться на вас, как на прилавок». А как я могла бы не позволить, если я его люблю и о том только и мечтаю, чтобы он «облокотился»...

— Так ведь не первому же попавшемуся молодчику на танцплощадке все-таки? Не такому, которого Олег справедливо свиньей назвал?

— Да все, все они свиньи!..

— Ну, уж этого я от тебя не ожидала.

— Но как же еще могу я их назвать? Что они видят в человеке? Только внешность его, красивое лицо, стройные ножки?

— Если ты так об Анатолии и Марине, то это несправедливо. Тут совсем не то. Ну а почему красота влечет человека, особый вопрос...

— И нам в нем никогда не разобраться! Все тут капризно и противоречиво. Ну почему вот, скажи, пожалуйста, кое-кому из наших ребят нравится Татьяна Петровна? Разве такая уж она красавица?..

— Я лично считаю ее красивой.

— А я не считаю. Однако ты посмотри, как ребята при ней преображаются.

— Чем же ты это тогда объясняешь?

— Ее искусством держать себя.

— Ну, милая моя, этого одного маловато.

— Ты вот Варю Маврину возьми. Грунина, пожалуйста, покрасивее ее, однако...

— Что «однако»? — возмущенно прервала ее Боярская. — Она из такого подонка, каким был Вадим Маврин, человека сделала. Одно это уже подвиг!

— Да, правда... Но и ты тоже Андрея Десницына

от бога отвратила, хотя это было не так уж трудно, наверное...

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что он неглупый, мыслящий...

— Остальные, значит, верят в бога потому, что глупые? Конечно, не моя только заслуга в том, что Андрей порвал с религией, все, однако, было не так-то просто...

— Не просто, очень даже не просто! Это я понимаю, но в данном-то случае сыграла свою роль и земная любовь к тебе Андрея. А он очень хороший, очень простой и, по-моему, очень земной человек. Подрался даже недавно...

— Как подрался? — изумилась Настя. — Быть этого не может!

— Было, однако. Вместе со своим другом Ямщиковым были они в гостях у Марины Грачевой. Тоже мне, местная Софи Лорен!.. Познакомились там с какими-то подонками и подрались. Пришел твой Андрей на другой день на работу с подбитым глазом. Ты хоть знаешь, где он живет и как живет?

— Живет у дальней своей родственницы. А как?.. Непременно нужно сходить к нему сегодня!

Настя пристально смотрит на уже начавший рассасываться синяк под левым глазом Андрея Десницына. Все правда, значит, не соврала Валентина.

— Совсем мирским стал, драться начал? — говорит она укоризненно.

— Защищался, — смущенно оправдывается Андрей. — Защищал себя и товарища от превосходящих сил противника.

— И все-таки я от тебя этого не ожидала... Ну а как ты тут устроился?

Она ходит по его маленькой чистенькой комнате, придиричливо всматривается в каждую вещь. Задерживает внимание на проигрывателе, стоящем на столе.

— Не знала я, что ты любишь музыку...

«А вообще-то, знаешь, что я люблю?» — хочется спросить Андрею.

Настя снимает большую долгоиграющую пластинку с диска проигрывателя, читает название: «Болеро» Раavelя.

— Это моя самая любимая, — тихо произносит Андрей. — Под нее хорошо думается.

— И только?

— Еще «Аппассионата» и «Лунная» Бетховена, «Первый концерт» Чайковского. Их мне Рудаков подарил.

— Ты разве и с ним дружишь? Я думала, что с Анатолием только...

— Теперь и с Олегом тоже. Они разные, но оба очень хорошие. С такими, как говорят наши заводские фронтовики, можно в любую разведку...

А она думает: «Совсем, совсем другой человек... Голос, осанка, выражения — все другое. И очень хорошо, что перевоспитание его прошло в рабочей семье, среди таких ребят, как Олег и Анатолий».

И снова всматривается в него, вспоминая, каким он был совсем еще недавно. И вдруг замечает надпись на его настольном блокноте: «На свете нет зрелища прекраснее, чем прекрасное лицо».

— Прости, что нечаянно прочла, — кивает она на блокнот. — Чье лицо имеешь в виду, если не секрет?

— Слова эти я от Олега услышал. Они принадлежат французскому писателю Лабрюйеру. Для Олега такое прекрасное лицо, полагаю, — лицо Татьяны Петровны.

— А для тебя?

— Твое...

Настя удивленно смотрит на него: «Господи, неужели мое заурядное лицо кажется ему таким прекрасным?»

Она с трудом сдерживает себя, чтобы не броситься к нему, и не знает, что сказать, хотя надо бы обратить все это в шутку...

Чтобы прервать неловкое молчание, восклицает наконец:

— Да, совсем забыла передать тебе привет от Дионисия Дорофеевича! Была в Благове у своих стариков и забежала навестить его. Между прочим, заходил к нему кто-то из твоих заводских знакомых. Назвался Алексеем, кажется. Передал привет от тебя, посидел с полчаса, попил чаю и ушел. В Благове у него были какие-то дела. Судя по всему, деду он не очень понравился. «Нехорошие, — говорит, — у него глаза».

— А с виду каков?

— «В такой бородище, — заявил Дионисий Дорофеевич, — что, кроме глаз, ничего и не видно». Есть у тебя такой знакомый? Мне говорили, будто Рудаков всех бородачей в вашем цехе вывел.

— У нас и было-то их всего трое, но на заводе еще имеются. Однако знакомых среди них у меня нет и передать привет деду я никого не просил. Странно все это...

— Мне тоже почему-то визит этого бородача показался странным.

— А о чем еще говорил он с дедом?

— Удивлялся, что Дионисий Дорофеевич живет один в таком большом доме. Поинтересовался его взаимоотношением с руководством семинарии. «И все бегал глазами, — как выразился Дионисий Дорофеевич, — по стенам, полу и даже потолку». Очень подозрительный тип. Не грабитель ли какой-нибудь?

— У деда, во-первых, нечего грабить, — смеется Андрей. — Ну а если и вздумает кто-нибудь к нему в дом забраться, дед с ним расправится не хуже, чем какой-нибудь храбрый сержант милиции.

— Ты не станешь возражать, если я буду иногда заходить к тебе? — прощаясь с Андреем, спрашивает Настя.

— Ты же сама знаешь — буду счастлив!

23

Выслушав Грунину и помолчав немного, начальник районного отдела внутренних дел перечитывает свои заметки, сделанные по ходу ее доклада, и спрашивает:

— Наблюдение за домом Кадушкиных в Корягине ничего, значит, не дало?

— Да, не увенчалось успехом, как говорится. У Каюрова либо не было нужды снова навестить свою родню, либо наблюдение велось не очень скрытно. Бандит этот, судя по всему, чертовски осторожен.

— А вы-то уверяли меня, что работники Корягинского отделения милиции люди опытные.

— Я не уверяла вас, Евгений Николаевич. Сказала только, что они произвели на меня впечатление людей серьезных, понимающих значение поручения областного Управления внутренних дел.

Снова пауза с постукиванием карандаша по настольному стеклу. Грунина понимает: начальник нервничает, его торопят, а он ничего определенного не может пока сообщить.

— На днях должны освободить приятелей Бричкина, осужденных на пятнадцать суток за ночное хулиганство, — напоминает Грунина. — Не пригодится нам это?

— Скорее всего Каюрову пригодится, — невесело усмехается Лазарев. — Сможет использовать их как свидетелей против Ямщикова и Десницына.

— Вы уверены, что ему это нужно?

— Честно вам признаться — не очень, — устало произносит Евгений Николаевич. — По-моему, Грачеву важно лишь держать в страхе Ямщикова и Десницына.

— Согласна с вами, Евгений Николаевич. Для этого ему даже и одного участника ночной драки вполне достаточно. Но когда приятели Бричкина окажутся на свободе, то осторожное наблюдение за ними сможет, пожалуй, помочь нам напасть на след Каюрова или скрывшегося от нас Панина — четвертого участника драки.

— Едва ли и это нам удастся. Скорее всего они некоторое время вообще ни с кем не будут встречаться. К тому же Каюрову для осуществления его замыслов просто нет в них нужды. Стало быть, не только каких-нибудь поручений, но и общения с ними у него не будет.

— Какие же у Каюрова могут быть замыслы?

— Чтобы строить реальные догадки на этот счет, у нас еще нет достаточных данных. Для меня пока ясно лишь одно — ему сейчас нужны высококвалифицированные мастера, а не такая шпана, как эти приятели Бричкина.

— Я тоже так думаю, Евгений Николаевич. Ну а зачем ему нужны такие мастера, как Ямщиков? Не крестики же для верующих штамповать? На этот раз задумано что-то покрупнее.

— Нельзя это как-нибудь связать с интересом Каюрова к монетам из коллекции профессора Кречетова? — спрашивает Лазарев обычным своим тоном, но Татьяна догадывается, что такая мысль пришла к нему не вдруг.

— И мне показалось, что какая-то связь тут несо-

мненна. Грачев не взял, однако, монеты, принесенные ему Мавриным.

— А не мог он догадаться, что они не кречетовские?

— Не думаю. Мы не сомневались, что за Мавриным будут следить, и потому действовали осторожно. К Кречетову Вадим с Варей действительно ведь ездили и провели у него весь вечер, так что у Грачева не должно быть никаких сомнений, что монеты эти взяты у профессора. Грачев, однако, лишь подержал их немного в руках и сразу же вернул, сказав: «Пусть они у Вари и останутся, раз их ей любимый дядя подарил».

— Как же нам теперь это понимать? Похоже все-таки, что насторожило его что-то...

— Если и насторожило, то не подлинность принесенных Вадимом монет, — убежденно заявляет Татьяна. — Скорее всего Грачев сообразил или, может быть, его надоумил кто-нибудь, что чеканка фальшивых иностранных монет дело невыгодное.

— Почему, однако, вы говорите об одном только Грачеве? Разве он может что-нибудь предпринять без Каюрова?

— Может, Евгений Николаевич! — восклицает Татьяна. — Может, потому что главным у них скорее всего именно он!

Подполковник некоторое время молчит, снова принимаясь отстукивать телеграфную дробь карандашом по столу.

— Я не вижу пока достаточных оснований для такого вывода, — произносит он наконец, отбрасывая карандаш. — Вы знаете, Татьяна Петровна, я очень ценю вашу интуицию, она вас действительно редко подводит, но в данном случае... — Он хотел было сказать, что «в данном случае это уж слишком по-женски», но сдержался и спокойно закончил: — Ну, в общем, вы и сами понимаете, как рискованно перестраивать нашу версию, и без того довольно зыбкую, на основании одной только интуиции. Ведь если допустить лидерство Грачева, или, говоря юридическим языком, считать его не исполнителем, а организатором готовящегося преступления, то ведь в соответствии с этим...

— Я все понимаю, Евгений Николаевич, — торопливо прерывает Лазарева Татьяна, — и не предлагаю ни-

чего пока изменять, нужно только иметь в виду и такую возможность.

— Против этого нет возражений, — кивает головой Евгений Николаевич. — Следует даже поблагодарить вас за еще одно ваше достоинство — за благоразумие. Ну а теперь давайте рассмотрим ситуацию «Каюров — Десницыны». Вы докладывали мне, будто какая-то подозрительная, по словам Андрея Десницына, личность посетила недавно в Благове его деда Дионисия, бывшего профессора Благовской семинарии.

— Мало того, Евгений Николаевич, что личность эта подозрительная, я не удивлюсь, если этой «личностью» окажется сам Каюров. Пошлю в связи с этим его фотографию Дионисию для опознания. Но если даже подозрения мои подтвердятся, вне всяких сомнений, таинственный визит к нему Туза не имеет отношения к сейфам Благовской духовной семинарии. Каюров с Грачевым, как мы с вами только что решили, затевают что-то очень крупное, требующее изготовления специальных штампов...

— Каких же, однако, штампов? — разводит руками Лазарев. — В связи с интересом Каюрова и Грачева к коллекции Кречетова можно, пожалуй, допустить, что они собираются чеканить какие-то монеты...

— Так давайте допустим!

— Но для этого необходимо специальное оборудование.

— Я консультировалась у специалистов. Они говорят, что дело это не простое, но для опытных мошенников посильное. Не случайно же существует в Уголовном кодексе статья восемьдесят седьмая. Для изготовления поддельных металлических монет необходим, во-первых, специальный штамп, а во-вторых, довольно мощный пресс. Чтобы установить такой пресс, нужно, конечно, достаточно просторное помещение. Почему бы в связи с этим не допустить, что для подобной цели Каюрову мог пригласиться особняк Десницына?

— Ну а в том, что Каюров с Грачевым собираются заняться изготовлением именно штампов, у вас нет сомнений?

— Уверена, Евгений Николаевич. И на этот раз не в результате одной только интуиции. Старшему лейтенанту Крамову удалось установить, что Грачев взял не-

давно в заводской технической библиотеке пособие по штампованию металлических изделий.

— Ну это может быть и случайно, — с сомнением покачивает головой Лазарев. — Да и не так-то просто решиться на изготовление фальшивых денег. По вашим же словам, Татьяна Петровна, Грачев — человек сведущий в Уголовном кодексе, знает, значит, чем это пахнет. Нет у меня уверенности, что они решатся на такое...

— И я не утверждаю, что они займутся именно чеканкой монет. С помощью соответствующих штампов можно ведь изготовить и еще какие-нибудь фальшивые изделия.

— Тоже не исключено. А как обстоит дело с предложением Ямщикова привлечь к замыслам Туза Рудакowa, чтобы иметь возможность воспользоваться оборудованием инструментального цеха?

— Не думаю, чтобы они рискнули делать штампы на большом московском заводе. Скорее всего подыщут что-нибудь за пределами Москвы. Где-нибудь в Благовое, например, и, может быть, действительно у Дионисия Десницына.

— В таком случае нам следует к этому подготовиться.

— Что конкретно вы имеете в виду, Евгений Николаевич?

— Продумать средства связи с Ямщиковым на тот случай, если ему придется выехать. А выедет он, по всей вероятности, неожиданно.

— Каким же образом?

— Представьте себе, что сегодня вечером или завтра, когда Ямщиков придет к Грачевой (скорее всего даже когда будет возвращаться от нее), ему предложат сесть в машину и поехать на встречу с Тузом.

— Но поблизости от него будут наши оперативные работники, которые уже не первый день...

— Что, по-вашему, должен будет крикнуть им: «Помогите, увозят!»...

— Да он вообще ничего не крикнет и никого не позовет на помощь. Не тот характер. Придумать что-нибудь для связи с ним, конечно, необходимо. Я поговорю со знакомым мне кибернетиком и с ребятами из за-

водского общественного конструкторского бюро, — обещает Татьяна, прощаясь с Лазаревым.

Сегодня Маврина просто не узнать. Он шутит, беспечно смеется и, кажется, готов все за всех сделать, хотя обстановка в конструкторском бюро, куда собрались инструментальщики после работы, не такая уж веселая.

— Вот что, друзья, — неожиданно заявляет им Виталий Пронский, когда все они собрались, чтобы приступить к рассмотрению его чертежей, — придется нам с нашей кибернетической овчаркой немного повременить...

— То есть как это повременить?! — громче других восклицает Маврин.

— Показал я это, — кивает Пронский на свои чертежи, — одному богу по ведомству кибернетики и электроники. Просмотрел он все очень внимательно и очень коротко изрек: «Нереально».

— Этот ваш бог кибернетики, — мрачно усмехается Ямщиков, — очень напоминает мне одного, ставшего легендарным специалиста. Он безоговорочно, с помощью формул и математических расчетов доказывал, что шмели летать не могут.

— А мне этот бог напомнил заповедь старого мастера, у которого я учился лекальному делу, — смеется Маврин. — Она гласила: «Число шестьдесят шесть на столько же меньше числа девяносто девять, на сколько число девяносто девять больше числа шестьдесят шесть». Мой учитель говорил мне это всякий раз, когда я брал в руки чертеж. Следовало, значит, проверить — не держу ли я чертеж вверх ногами.

— Да, остроумно, — улыбается Пронский. — Только тот, кто смотрел мой чертеж, знал, наверное, эту заповедь и держал его как полагается. К тому же мы еще вернемся к моей «овчарке», — успокаивает инструментальщиков Пронский, — а сейчас посмотрите-ка повнимательнее на этот вот чертеж.

Все склоняют головы над листом миллиметровки, который Пронский расстилает на столе.

— Судя по всему, — разочарованно произносит Гурген, — тут сплошная электроника на транзисторах, а это не по нашей специальности.

— Тут и по вашей специальности хватит работы. Но главное — сделать это нужно срочно...

— Настолько срочно, — перебивает Пронского Олег Рудаков, — что велено прекратить все остальное. Даже СНОП, за который мы, как говорится, головой отвечаем.

— Но что же все-таки это такое? — любопытствует Маврин, всматриваясь в чертеж Пронского. — Смотрю я на него и ничего пока не понимаю. Но зато возникает одно очень смешное сравнение, боюсь только сказать какое, а то как бы Гурген не вызвал «скорую помощь» из психиатрической больницы.

— Да, лучше помолчи, — советует ему Друян.

— Это вот что, — терпеливо объясняет Пронский. Ему все больше начинают нравиться веселые инструментальщики. — Это миниатюрное радиоустройство, с помощью которого можно подавать сигналы прямо из кармана собственных брюк или пиджака.

— И оно для тайных агентов, наверное? — спрашивает Маврин. — Для каких-нибудь Джеймсов Бондов...

— Зачем же для Джеймсов Бондов, — останавливает его Рудаков. — Им могут пользоваться оперативные работники милиции в сложных ситуациях или даже кто-нибудь из наших дружинников. И это нужно сделать срочно, ребята. Вы только механические части, а все остальное вмонтирует в них наш электроник с помощью Виталия Сергеевича.

— А чего вдруг такая срочность? — не унимается Маврин. — Это что — спецзаказ Комитета госбезопасности?

— Это, ребята, просьба райотдела милиции.

24

В пятницу сразу же после работы бригада Рудакова в полном своем составе вышла с завода на улицу. Они постояли немного, ожидая Маврина, заходившего в технический отдел за Варей. А когда появилась Варя, пообещали ей непременно быть сегодня в «Нашем кафе».

— Будет что-нибудь интересное? Или один только кофеек? — спросил ее Друян.

— Надо полагать, — ответил за Варю Ямщиков. — Уж очень долго готовились.

— Были причины не торопиться, — таинственно улыбнулась Варя.

— Кое-кто из инициаторов нынешней «кофейной пятницы» вообще хотел было ограничиться только крепким чаем, — рассмеялся Вадим. — Но получил за это крепкий нагоняй от их шефа и теоретика, одного кандидата философских наук по имени Настя...

— Помалкивай! — рукой прикрыла рот Вадиму Варя. — Не разглашай военной тайны, тем более что не так уж трудно догадаться, у кого ты ее выведал. А ты, Толя, — обернулась она к Ямщикову, — непременно должен быть с Мариной.

— Слушаюсь! — шутливо козырнул Анатолий. — Она давно уже ждет не дождется этой, по меткому замечанию Вадима, «кофейной пятницы».

От дома Рудаковых до «Нашего кафе» всего десять минут пути на автобусе. В запасе у Олега, значит, еще целых полчаса. Интересно, что там девчата придумали? Сегодня Олег особенно заинтересован, чтобы все было «на высоте» — он пригласил в «Наше кафе» Грунину. Хотел даже заехать за ней, но она сказала, что придет сама и будет непременно, пусть только он займет место для нее за столиком.

Одно то, что весь вечер будет с ним рядом Татьяна Петровна, окрашивает мысли Олега в самые светлые тона. Придирчиво осмотрев себя в зеркале в последний раз, он торопливо выходит на улицу, чуть не сбив с ног какую-то девушку. И вдруг слышит:

— Олег!

Он оборачивается и теперь только узнает раскрасневшуюся от быстрой ходьбы Марину.

— Вы один?.. Впрочем, я знала, что Толя не мог быть с вами, — подбегая к Рудакову, торопливо говорит Марина.

По всему видно, что случилось что-то очень важное и очень неприятное для нее. Можно даже не спрашивать — конечно же, стряслось что-то с Анатолием...

— Толя не пришел ко мне, как обещал, — все так же быстро и сбивчиво продолжает Марина. — А он никогда.... И брата Павла тоже нет. Так и не вернулся с

завода. Вы простите, что я к вам... То есть сначала я прямо к Толе, но его дед говорит: «Сам не знаю, что и думать...» И тогда уж я к вам — надеялась, что вы знаете, где он... Не может же быть, чтобы он ко мне не пришел, если бы с ним не случилось ничего...

Выслушав Марину, Олег берет ее под руку и ведет к телефону-автомату.

— Подождите меня минуточку, — просит он и поспешно заходит в будку.

Набирая номер Груниной, торопливо думает: «Наверное, уже выехала... Ей ведь дальше до «Нашего кафе», чем мне. Скорее всего кто-нибудь из родителей подойдет к телефону...»

И вдруг ее голос:

— Да. Слушаю вас...

— Вы еще дома, Татьяна Петровна? Это Олег...

— Вот хорошо-то, что вы позвонили! Я извиниться должна — не смогу, к сожалению, приехать. Срочно вызывают в райотдел. А мне так хотелось... Но теперь уж в другой раз — вряд ли сегодня удастся освободиться. Не обижайтесь, пожалуйста...

— Я вам звоню, Татьяна Петровна, совсем по другому поводу: Анатолий куда-то исчез...

— Откуда вам это известно?

— Вот Марина Грачева стоит со мной рядом. Говорит, что он обязательно должен был прийти к ней... Брат ее тоже не вернулся с работы.

— Где же он может быть?

— Скорее всего где-нибудь с Грачевым. Может быть, даже у Туза... А мы так и не успели закончить карманный передатчик. Как же теперь быть, Татьяна Петровна? Можно мне к вам в райотдел?

— Нет, вы идите с Мариной в кафе.

— Но мы же... особенно Марина... Знаете, в каком она состоянии?

— Тогда отвезите ее домой и не оставляйте одну. У вас есть мой служебный телефон? Как только узнаете что-нибудь новое — срочно звоните. Если меня не будет в кабинете, передайте дежурному по райотделу, он разыщет. Ну а теперь — до свидания, за мною уже пришла машина.

— Я звонил инспектору Груниной, — объясняет Марине Олег, выходя из будки.

— Я догадалась.

— А теперь мы поедem к вам домой.

— Может быть, сначала к Десницину? Толя ведь с ним...

— Едва ли он у Андрея, — перебивает ее Олег. — Андрей, наверное, давно уже в «Нашем кафе». Лучше поедem к вам. Татьяна Петровна просила меня побыть у вас.

Едва они входят в квартиру Грачевых, как раздается дверной звонок.

— Может быть, Толя! — опрометью бросается в коридор Марица.

Но это Десницин.

— Ты почему не в кафе? — удивляется Олег. — Не знаешь разве, что там Настя Боярская?

— Знаю, но там не оказалось ни тебя с Татьяной Петровной, ни Анатолия с Мариной. Я сразу догадался, что что-то случилось. И вот...

— Андрей! — крепко обнимает его Олег. — Ты настоящий друг! Действительно что-то случилось, пожалуй, но мы ничего пока не знаем. Татьяна Петровна велела мне быть тут.

— Сидеть и ждать?

— Что же можно еще?

— Ты ведь знаешь, что Боярская вернулась недавно из Благова. Я уже рассказывал тебе, что она заходила к моему деду. А сегодня после работы я сам ему позвонил. Стал расспрашивать. У него, оказывается, уже побывал сотрудник милиции и показал несколько фотографий, на одной из которых он узнал того, кто ему привел от меня передавал.

— Ты когда разговаривал с дедом?

— Всего час назад. Фотографии ему тоже показали только сегодня.

— Ты, наверное, как-то связываешь все это с исчезновением Анатолия?

— Я вспомнил, что Грачев еще недели две назад сказал мне, будто собирается в отпуск. Хотел где-нибудь поохотиться, и ему посоветовал кто-то поехать в Благов. Там действительно вокруг полно озер, много рыбы и дичи. И он попросил у меня разрешения остановиться у деда.

— И что ты ответил на его просьбу?

— А что я мог ответить? Сказал, пожалуйста, дед

никогда не откажет в приюте. Вот Грачев и попросил меня сообщить деду, что, возможно, мои заводские приятели поедут порыбачить и поохотиться в окрестностях Благова, так чтобы он принял их на два-три дня.

— Так ты думаешь?..

— Почти не сомневаюсь теперь, что Грачев с Анатолием поехали в Благов и остановятся у деда. И возможно, что именно там назначил им встречу Туз...

— Но почему все-таки в Благове? Сколько туда?

— По железной дороге около ста пятидесяти, а на машине можно и покороче.

— Я теперь тоже кое-что припоминаю, — задумчиво произносит молча слушавшая их разговор Марина. — Несколько дней назад Павел купил в магазине «Рыболов-охотник» три удочки. Удивилась даже — рыбалкой он никогда ведь не увлекался. На охоту, правда, иногда ходил. У него давно уже двустольное ружье. И вот эти удочки и ружье он вчера отнес куда-то...

Слушая Марину, Олег нервно ходит по противно скрипящему паркету и вдруг решает:

— Нужно немедленно сообщить об этом Татьяне Петровне! Далеко от вас телефон-автомат?

— Возле соседнего дома, только не с нашей стороны, а за углом, — отвечает Марина. — Пойдемте, я провожу.

— Найду и сам. Оставайтесь здесь с Андреем.

Грунина в это время докладывает свои соображения подполковнику Лазареву:

— Что Каюров побывал у старшего Десницына, нам известно теперь достоверно. Вне всяких сомнений, Евгений Николаевич, Грачев с Ямщиковым встретятся с ним именно там!..

Дальнейшие рассуждения Татьяны прерывает телефонный звонок. Лазарев снимает трубку.

— Да, это я, товарищ Рудаков. Татьяна Петровна тоже здесь. Передаю ей трубку.

— Я слушаю вас, Олег. Пожалуйста, немного громче. Так-так!.. А кто вам об этом?.. Марина? Вы мне звоните из автомата? Никого там больше нет? Ну так подождите, я доложу Евгению Николаевичу.

Олег нетерпеливо ждет, внимательно поглядывая

по сторонам. По улице бегают мальчишки дошкольного возраста, гоняясь друг за другом. Какой-то кудлатый парень в пестрой безрукавке проехал мимо на велосипеде...

И снова в трубке голос Татьяны:

— Вы слушаете, Олег? Когда, по-вашему, Грачев с Ямщиковым могли уехать?

— Видимо, сразу же, как только вышли с завода. Их скорее всего где-нибудь неподалеку ждала машина...

— А как вел себя сегодня Грачев на работе?

— Как обычно. Я думаю, для него это тоже было неожиданно. Туз их поджидал, наверное, где-нибудь по пути к грачевскому дому. Вы спросите Евгения Николаевича, может быть, мы с Десницыным сможем вам пригодиться? Мы ведь могли бы...

— Подождите минутку.

Олег снова внимательно смотрит по сторонам. На улице по-прежнему ничего подозрительного. Мальчишки убежали в соседний двор. Прошла мимо парочка в джинсах и с такими кудрями, что не поймешь, кто парень, а кто девушка. Из-за угла показалась старушка с авоськой, полной пакетиков.

— Где сейчас Десницын? — спрашивает наконец Татьяна.

Прошло не более минуты, а Олегу кажется, будто миновала целая вечность.

— Он тут, у Марины Грачевой...

— Мы ждем вас, Олег. Приезжайте с Десницыным прямо к нам. И желательно поскорее.

Олег и Андрей почти не сомневаются, что их включают в оперативную группу, которая, как они полагают, должна срочно выехать в Благов.

— Мы очень могли бы там пригодиться, — говорит Евгению Николаевичу Олег. — Андрей знает ведь в Благове каждый переулок и закоулок...

Лазарев протягивает Десницыну чистый лист бумаги и просит:

— Начертите, пожалуйста, подробный план дома вашего деда, Андрей Васильевич.

Пока Десницын чертит, Олег торопливо думает: «Зачем им план, если мы с Андреем сами поедем?.. Неужели решили не брать? Ну меня еще ладно, но Андрей-то,

безусловно, мог бы им пригодиться... А может быть, они ему не очень?..»

Он вопросительно смотрит на Татьяну, но она сидит боком к нему, разглядывая что-то за окном. Наверное, не хочет встретиться с ним глазами.

— Подвал в вашем доме тоже есть? — спрашивает Андрея Евгений Николаевич.

— Да, есть и подвал.

— Пометьте его на плане и проставьте, пожалуйста, размеры, хотя бы приблизительно.

Когда Десницын протягивает Евгению Николаевичу бумагу с планом дома, в котором провел почти всю свою жизнь, ему задает вопрос Татьяна:

— Кажется, где-то неподалеку от вашего деда живут родители Боярской?

— Они наши соседи.

— У нее кто там: отец, мать?

— Да, мать и отец — главный врач местной поликлиники. Если нужно, могу сообщить их домашний телефон.

— Да, пожалуйста.

Записав номер телефона Боярских, Татьяна поворачивается, наконец, к Олегу и, улыбаясь, спрашивает:

— Вы чего такой хмурый?

— Выходит, что мы не поедem с вами, Татьяна Петровна? А ведь мы очень могли бы...

— В этом у нас нет ни малейших сомнений. Не берем вас только потому, что нет необходимости. Я, видите, тоже в Москве.

— А кто же поедет?

— Кому, как говорится, положено, те уже уехали. Вы нам и так очень помогли. Можете теперь спокойно ехать в свое кафе.

— Э, какое там кафе! — сокрушенно машет рукой Олег. — Может быть, мы бы все-таки...

— Нет, товарищ Рудаков, — говорит теперь подполковник Лазарев. — Туда выехали опытные оперативные работники. Спасибо вам за оказанную помощь!

Когда Рудаков с Десницыным уходят, Грунина говорит своему начальнику:

— Обиделись они, конечно, но послать их туда мы не могли. Да и действительно нет в этом нужды. Но мне, пожалуй, следовало поехать с оперативной группой...

— Ваш приезд разве мог бы остаться незамеченным в таком маленьком городке? Грачеву, который вас прекрасно знает, достаточно было бы одного только известия, что в Благов приехала какая-то женщина-инспектор, чтобы он сразу же обо всем догадался.

— И все-таки мне необходимо быть во главе нашей оперативной группы...

— Поедете завтра, — уже более строго прерывает ее подполковник. — А скорее всего в зависимости от обстановки, которую нам доложит старший лейтенант Крамов. Ни его, ни лейтенанта Сысоева Грачев и Каюров не знают. Это даст им возможность действовать незаметно. К тому же они будут там не одни. Им помогут работники местной милиции.

— Но, находясь в Благове, я могла бы...

— А я бы вам посоветовал, — теперь тоном почти приказа говорит подполковник, — поехать домой и хорошенько отдохнуть. Утро вечера мудренее, как говорится. Хотя может и так случиться, что выспаться вам в эту ночь не удастся.

25

Анатолий не обратил внимания на серую «Волгу», проехавшую мимо него и Грачева и остановившуюся возле самой обочины тротуара. Когда же поравнялись с нею, кто-то изнутри машины открыл ее заднюю дверцу, и Грачев шепнул Анатолию:

— Давай быстренько садись!

Анатолий не сразу даже все сообразил, а Грачев уже втолкнул его в машину, и она на большой скорости двинулась вперед, круто свернув в первый же переулок.

— Ты не робей, — не очень естественно, как показалось Ямшикову, засмеялся Грачев. — Это мой кош на собственной «Волге». Он нас и подвезет...

— А куда?

— Вот тебе и раз! Да туда, куда мы давно уже собирались. На встречу с Тузом, вот куда.

— Так вот прямо?.. Заехали бы хоть переодеться.

— Он не любит официальных визитов, в разных там фраках и этих, как их, смокингах, кажется, — снова хохотнул Грачев. — К тому же мы к нему не на

банкет, а на работу, так что наши спецовки будут в самый раз.

«Вот и попался... — пронеслось в сознании Анатолия. Но страха он не почувствовал. Страшно, наверное, будет потом, а пока голова его работала спокойно. — Предпринимать, однако, ничего не следует, нужно сначала разобраться. Кто же это за рулем? Татьяна Петровна говорила, что Туз может быть бородатым. Да и деда Десницына посетил тоже какой-то бородач. А этот гладко выбрит, только щегольские усики под носом. На голове модная кепочка из легкой ткани». Анатолий видел фотографию Туза, ему ее Татьяна Петровна показала, но этот на него вроде непохож. Да и разглядеть как следует сбоку пока не удавалось.

— Ты что приуныл-то? — деланно-веселым голосом продолжал Грачев. — Работать мы будем не в Москве, а в родном городе нашего с тобой друга Десницына, в Благове.

— Зачем же нам в такую даль?..

— Ну, во-первых, не такая уж даль. Будем там часа через два. А во-вторых, старайся поменьше вопросов задавать, я не на все смогу ответить. Слушай лучше да запоминай, что и как делать будем. Заедем прямо к деду Десницына. Андрей сообщил ему по моей просьбе, что друзья его, а может быть, и сам он с ними вместе приедут к нему как-нибудь под выходные дни порыбалить и поохотиться. Многие ведь из Москвы и других городов в Благов ездят, так что это вполне естественно.

— А удочки и ружья где же?

— Все есть. Об этом ты не тревожься. Вот в чехлах три спиннинга со складными бамбуковыми удилищами. Ружье в багажнике. Одно, правда. Все, как видишь, учтено.

Помолчав немного, Грачев бросил взгляд на часы и обратился к шоферу:

— Ты свою матушку не очень-то гони, Алексей. «Волгу» твою имею в виду. Попридержи ее малость. Нам в Благов лучше под вечер прикатить, чтобы глаза горожанам не мозолить. Да и дед Десницына к вечеру должен дома быть. Не тот возраст, чтобы по гостям расхаживать. Передадим ему привет от Андрея и попросимся переночевать. Ну а как только рассветет, Алексей проводит нас к директору одного местного за-

водишка. Там мы с тобой, Толик, и займемся делом.

— Чем же именно, однако, могу я наконец?..

— И опять ты торопишься раньше узнать то, что узнаешь в свое время.

— Ну хорошо, могу с этим и подождать. А почему бы не пойти нам на этот заводик с вечера и не поработать там ночью?

— То, что делать будем, нуждается в хорошем освещении, а такого нам ночью не организуешь. Да и маскировать нужно — малейший лучик может привлечь внимание. Зато днем и света вволю, и вахтер другой, с которым имеется контакт. Ну как, уразумел теперь, что к чему?

— Теперь другое дело! — с естественным вздохом облегчения произнес Анатолий. Действительно ведь все похоже на истину. Будет, значит, время дать знать о себе кому-нибудь из оперативных работников милиции. С тех пор как стало известно, что у деда Десницына побывал Туз, они, наверное, не спускают глаз с его дома, нужно только быть все время начеку и помочь оперативным работникам взять Туза с Грачевым на месте преступления.

Ну а кто все-таки этот молчаливый водитель «Волги»? Скорее всего сам Туз, хотя Ямщиков представлял его себе совсем другим. По словесному портрету, он должен быть широк в плечах и высок ростом, а этот полноват, вернее, рыхловат да и ростом вроде невысок. Сейчас, правда, когда он склонился над баранкой «Волги», трудно судить о его телосложении и истинном росте. Вот когда выйдет из машины, будет виднее.

Все спокойнее и спокойнее становится на душе у Анатолия. Ситуация ведь ясна, а позиции его выгоднее, чем у них. Во всяком случае, он знает об их замыслах больше, чем они о его. Нужно только все время быть настороже и не забывать, какая на тебе ответственность.

Но вот, кажется, показалось наконец предместье Благова. Об этом нетрудно догадаться по куполам церквей, торчащим из зеленого массива пригородных садов.

— Здравствуйте, уважаемый Дионисий Дорофеевич! — учтиво кланяется Грачев. — Привет вам от вашего внука Андрея, нашего друга и товарища. Очень

хотел приехать к вам вместе с нами, да не представилось возможности...

— Давно уже вас жду! Известил меня Андрей о вашем приезде. Мойте руки, и прошу к столу, — широким жестом приглашает Дионисий гостей в просторную столовую. — Как раз собирался ужинать

— Да вы не беспокойтесь, Дионисий Дорофеевич, мы ведь с собой тоже кое-что прихватили. А ну, Алексей, разгружай свой багажник. Помогите ему, Анатолий... Да, чуть не забыл представить вам моих друзей! — галантно расшаркивается Грачев. — Это вот лучший друг Андрея слесарь-лекальщик высшего класса, к тому же еще и активист заводской народной дружины — Толя Ямщиков. Прошу любить и жаловать.

— Очень рад! — крепко, совсем не по-стариковски пожимает руку Анатолию Дионисий. — Андрей почти в каждом письме писал мне о вас. Даже фотографию прислал, где вы с ним рядом. Многим он вам обязан...

— Ну да что там!.. — смущенно улыбаясь, машет рукой Анатолий.

— А это Алексей Конюхов, — представляет Грачев водителя «Волги». — Также с нашего завода...

— Да мы вроде уже знакомы, — пристально всматривается в лицо Конюхова Дионисий. — Только, помнится, вы тогда были бородаты.

— Все за модой гонится, — смеясь, отвечает за него Грачев. — С нынешней модой вообще ведь все кувырком — православные священники безбороды, а отбившиеся от церкви прихожане пообрастали дьяконскими бородами.

— Ну я-то как раз не священник, — уточняет Дионисий. — Всего лишь богослов, да и то не очень-то правоверный.

— Знаем, знаем, — понимающе улыбается Грачев. — А что касается бороды нашего Алеши Конюхова, то он ее в свое время одним из первых завел. Скоро, однако, в моде будут одни лишь усы. Вот он и поспешил...

— Да что ты меня стилигой каким-то изображаешь, — хмурится Конюхов. — Просто надоела мне борода, вот и сбрил... А у вас, папаша, видать память хорошая, сразу меня узнали, — обращается он к Дионисию.

— Ну не сразу, положим, однако узнал. Привет вы

мне от внука передавали и очень обрадовали меня этим. Писем я от него давно не получал и уж опасаться стал, не случилось ли с ним чего... Очень признателен вам, что успокоили вы меня тогда.

— А ваш покорный слуга, — снова кланяется Грачев, — именуется Павлом Макаровичем Грачевым. Вот и весь экипаж машины нашей боевой, как в песне поется. Теперь, ребята, марш за провиантом! Я у них, Дионисий Дорофеевич, за главнокомандующего, потому как годами всех их старше. Анатолий-то совсем еще мальчишка, ему всего двадцать четыре. Алексею, правда, уже около сорока, а мне аж сорок пять.

— Какие же это годы! — смеется Дионисий. — Мне вот восемьдесят скоро будет.

Когда Ямщиков с Конюховым приносят из машины продукты и раскладывают их на столе, Грачев открывает поллитровку водки и обращается к хозяину дома:

— Мы, с вашего разрешения, по чарочке от ревматизма. Завтра на рассвете на рыбалку подадимся, так это у нас вроде профилактического мероприятия. Вы как насчет ста грамм, Дионисий Дорофеевич?

— Чего же от них отказываться, — усмехается Дионисий. — Можно и сто пятьдесят, но не более того. Больше никогда не приемлю. Даже когда помоложе был, и то этим делом не злоупотреблял.

Теперь для Анатолия нет уже никаких сомнений, что Конюхов и есть Туз, и он еще внимательнее присматривается к нему. Чувствуется, что он все время настороже и явно неспокоен. А Грачев балагурит, как провинциальный конферансье. То анекдот расскажет, то историю смешную — артист!

Зато Дионисий ведет себя очень непринужденно. Вроде и не догадывается, что за гости к нему пожаловали. Наверное, его не успели еще предупредить оперативные работники милиции, а может быть, и не нашли нужным. Им виднее...

После ужина хозяин дома начинает хлопотать о постелях для гостей, хотя Грачев говорит ему:

— Да вы о нас не беспокойтесь, Дионисий Дорофеевич. Мы народ неизнеженный. Можем и на полу.

— Зачем же рабочему-то классу на полу? Двоих я в комнате Андрея устрою...

— Тогда пусть там Анатолий с Павлом ночуют, — поспешно прерывает Дионисия Конюхов, — а я в ма-

шине буду. Мне это не впервой. И потом — на свежем воздухе — здоровью на пользу.

— Ну, как вам угодно будет, только у меня и для вас найдется место — дом, как видите, просторный.

Грачев бросает на Алексея настороженный взгляд, а он делает вид, что не замечает его тревоги, и, беспечно насвистывая что-то, выходит во двор. Помедлив немного, за ним следует и Грачев. Анатолий в сумеречном свете видит в открытое окно, как они идут к машине...

И вдруг слышит шепот Дионисия:

— Не оборачивайтесь в мою сторону и слушайте меня. Я предупрежден работниками московской милиции. Они наблюдают за моим домом. Вам велено ничего без их приказа не предпринимать.

Грачев с Тузом тоже ведут разговор.

— Уж не вздумал ли драпануть? — чуть слышно спрашивает Туза Грачев. — Что-то нервным больно стал?

— А ты больно подозрителен, — огрызается Туз.

— Знаю я тебя, потому и подозрителен. Все мерещутся засады...

— Корягино, что ли, имеешь в виду? Так там действительно была засада. Появись я там еще хоть раз, меня бы мигом...

— Ну а тут чего насторожился?

— Не нравится мне этот Дионисий...

— Ну совсем спятил! Настоящий шизик! Мания преследования у тебя. Что же этот Дионисий — переодетый в рясу сержант милиции что ли?

— Хватит тебе зубоскалить! — начинает злиться Туз. — Иди-ка ты лучше к Анатолию да ложись спать. Я вас завтра чуть свет подниму.

26

Вот уж более двух часов лежит Анатолий с закрытыми глазами, засыпая на несколько минут и тотчас же просыпаясь. А проснувшись, прислушивается к каждому движению Грачева.

Павел спит на диване возле открытого окна, выхо-

дящего во двор. Анатолий хорошо слышит его равномерное дыхание. А вот Туз, пожалуй, не спит. Интересно, что за разговор у них был возле «Волги»? Грачев, вернувшись в дом, хоть и балагурил по-прежнему, но заметно, что чем-то встревожился...

«А что, если подняться и выйти потихоньку во двор? Или дверь чуть-чуть приоткрыть и посмотреть, в машине ли Туз? От выхода во двор до «Волги» не так ведь далеко...»

И вдруг шепот Грачева:

— Ты спишь, Анатолий?

«Что делать — отвечать или не отвечать? Пожалуй, лучше притвориться спящим...»

Слышно, как Грачев слегка приподнимается, и, должно быть, напряженно прислушивается. Не дождав-шись ответа, встает со своего дивана и перелезает через подоконник во двор.

Подождав немного, Анатолий тоже поднимается с постели и осторожно приближается к окну. Во дворе, освещенном ярким лунным светом, хорошо видно, как Грачев идет к «Волге». Потом стоит некоторое время, всматриваясь внутрь машины. Наверное, ему трудно рассмотреть Туза. Он открывает дверцу и быстро ощущает что-то руками...

Неужели в машине никого нет? Грачев порывисто выпрямляется и осматривается по сторонам. Затем поспешно идет в дальний конец двора. Что он делает там, Анатолию не видно, но нет сомнений — ищет Туза. Должно быть, не находит его и там — слишком уж быстро возвращается назад. Но едва перебрасывает ногу через подоконник, как его окликает Анатолий:

— Куда это ты ходил, Павел?

Грачев вздрагивает от неожиданности и неохотно отвечает:

— А ты сам не знаешь, зачем ночью во двор выходят?

— Но ты не за тем, — слегка повышает голос Анатолий. — Видел я, что ты во дворе делал. Конюхова искал! А вернее, босса, повелителя твоего, Туза...

— Да ты что!..

— Не считай меня идиотом, Павел! Выходит, что он смотал удочки? Нет ведь его ни в машине, ни во дворе?

— Ну так что из того? Пошел, значит, проверить...

— Что проверить? Ты же прекрасно понимаешь,

что его что-то насторожило, вот и решил, видно, перебраться в более надежное место, оставив нас на произвол судьбы, как говорится. Ну мне ладно, на меня ему наплевать, но тебя-то как же? Даже не предупредил. А ведь ты с ним...

— Что я с ним? — уже не скрывает своего раздражения против Туза Грачев. — Друг и брат, да? Исполнитель я его воли, и только. Об одной своей персоне тревожится и чуть опасность какая — сразу дёру, не заботясь об исполнителях. В первый раз, что ли!..

— Так на какой же черт тебе такое рабство? Послал бы ты его!..

— Давно собирался, да все решиться не мог. К тому же на этот раз замысел его слишком уж многое сулит...

— Тогда, может быть, он и не сбежал никуда, а к какой-нибудь бабенке...

— К какой там бабенке! Он на них и не смотрит вовсе. Зато нюх на опасность у него, как у зверя, потому и уходит всякий раз от засад. Учужал, конечно, что-то. Еще с вечера неспокоен был. Но хоть бы предупредил, зараза!..

— Так чего же нам ждать теперь?.. Может, лучше признаться во всем милиции, как Марина советует? Ты ведь пока ни в чем не замешан?

— Пока вроде нет...

— А этот замысел ваш очень серьезный?

— Серьезнее, пожалуй, и не бывает, — вздыхает Грачев. — Если по части второй статьи восемьдесят седьмой, то либо от десяти до пятнадцати, либо вышка с конфискацией имущества...

— Ну так вот что я тебе тогда скажу, Павел, — прерывает Грачева Ямщиков. — Давай кончать это, пока не поздно!

— Ты представляешь себе, что Туз с нами сделает? Он нам за это...

— Ну, знаешь ли! — возмущается Анатолий. — Нам ведь не крестики для православных предстоит штамповать. Сам же говоришь, что за это вышка причитается... Так какого ж тогда черта бояться нам Туза? Немедленно надо в милицию, пока еще не поздно...

Но тут с грохотом распахиывается дверь их комнаты, и они отчетливо видят в лунном свете широкоплечую фигуру Каюрова с двустволкой в руках.

— Ах ты, сволочь! — хриплым от ярости голосом кричит он. — На меня хочешь все свалить?.. Меня, значит, в организаторы, а себя в исполнители? Я ведь тоже в Уголовном кодексе разбираюсь...

— А Бричкина кто убил? — пятясь к окну, говорит Грачев.

— Так ты же сам велел как следует его проучить. Пырнуть даже разок. Я, правда, слишком погорячился...

Грачев уже у окна и готов перекинуть ногу через подоконник, но Каюров настороже.

— Зря к окну жмешься, — хрипло смеется он. — Теперь уж все! Теперь наша песенка спета — окружен этот дом, а может, и весь квартал мильтонами. Я, однако, успею с тобой сам рассчитаться!..

Но прежде чем Каюров успевает вскинуть двустволку, Грачев выхватывает из кармана пистолет. И наверное, так и ушел бы Туз на тот свет, не успев расправиться со своим боссом, если бы Анатолий не следил за каждым движением Грачева. Ему теперь окончательно ясно, кто тут кто. Нужно только не дать настоящему боссу вывести из игры подставную фигуру, на которую можно было бы потом свалить всю основную вину. И хотя Грачев успевает выхватить пистолет, Ямщиков ребром ладони сильно бьет его по локтевому сгибу. Кольт грохается на пол...

Каюров тем временем вскидывает двустволку и нажимает на спусковые крючки. Заряд дробы летит, однако не в Ямщикова и Грачева, а в потолок, а сам Туз оказывается опрокинутым назад и прочно прижатым к полу могучим телом Дионисия Десницына.

Пока не сразу пришедший в себя от грохота выстрелов Анатолий собирается броситься на помощь Десницыну, у окна уже появляются оперативные работники милиции. В комнате вспыхивает свет. Над поверженным Каюровым торопливо склоняется старший лейтенант Крамов, привычным движением рук ощупывая карманы бандита.

— Ну вот и опять мы с вами встретились, — обращается к Грачеву Грунина, прибывшая в Благов несколько часов назад. — Не повезло вам, не пошла я в актрисы. А теперь послушайте и вы моего совета.

Смягчите свою вину чистосердечным признанием о ваших с Каюровым замыслах.

— Я все расскажу, гражданин старший инспектор, — часто кивает головой Грачев. — Все, что мне известно...

— Вот и отлично, — безо всякого злорадства заключает Грунина. — Слушаю вас.

— Ведите нас на местный завод имени Первого мая, гражданин старший инспектор, и я вам покажу тех, кого знаю, с кем меня Туз... с кем Каюров меня познакомил.

— Ну а вы, гражданин Каюров, не собираетесь нам помочь?

— Вам эта сволочь, — кивает Каюров на Грачева, — и без меня обо всем расскажет! Спасая свою шкуру, он вам...

— Ему и не нужно ничего рассказывать, — прерывает его Грунина. — Нам и без того многое известно. Нужно только, чтобы вы пошли на тот завод, как условились, и встретились там с его директором Левчуком и мастером Ломовым.

— Нет, это уж вы как-нибудь без меня, — упрямо мотает головой Каюров.

Когда его уводят, Грачев, уже успевший взять себя в руки, спокойно говорит:

— Он тут перед Анатолием... извините, перед гражданином Ямщиковым невинную овечку хотел было изобразить. Не он будто бы инициатор, а я... Вам, надеюсь, каторжная биография его известна? Разве ж такой гангстер позволил бы, чтобы я им верховодил? И вот ведь что еще замыслил: застрелить меня, чтобы я защититься не смог.

— Но и вы тоже чуть было не отправили его на тот свет, — замечает Грунина. — И отчего бы не предположить, что с такой же целью?

— Я-то в порядке самообороны...

— Ну ладно, — останавливает его Грунина. — Потом в этом разберемся. Лучше скажите, как мы теперь без него на завод пойдем? Если не вы главный инициатор, то доверятся ли вам Левчук с Ломовым? Не настожит их отсутствие Каюрова?

— Не должно. Они знают, что Каюров привык в тени держаться. Потому он и познакомил меня с Левчу-

ком и Ломовым, чтобы я эту операцию без него смог провести.

— С Ямщиковым они знакомы?

— Нет пока, но знают о нем все, что нужно, и, если мы придем с ним без Каюрова, это не должно вызвать подозрений.

— Во сколько условились?

— В пять утра.

— Дмитрий Иванович, — зовет Грунина кого-то из сотрудников местной милиции. — Схема завода имени Первого мая у вас с собой? Расстелите-ка ее на этом вот столе. А вы запоминайте размещение цехов, — кивает Грунина Ямщикову и Грачеву.

Всмотревшись в схему, она указывает пальцем на инструментальный цех.

— Скорее всего вот тут вам придется работать.

— Это необязательно, гражданин старший инспектор, — замечает Грачев. — Сначала я и сам думал, что будем какие-нибудь штампы мастерить, но, кажется, нужные штампы у них уже есть.

— Какие основания для такого вывода?

— В последнее время Каюров стал проявлять интерес главным образом к прессам. Просил даже узнать, знаком ли Ямщиков с их устройством.

— Грачев действительно заводил со мной разговор о штамповальных прессах, — подтверждает Ямщиков.

— Так что скорее всего, — продолжает Грачев, — нам с Анатолием придется приспособлять уже готовые штампы к местным прессам. Возможно также, что при этом в штампах нужно будет кое-что изменить. Форму матриц или пуансонов, например. Может быть, и в самих прессах что-нибудь усовершенствовать.

— Что же они, не могли разве своих слесарей к этому привлечь?

— Не хотели, наверное, лишних людей в свой промысел посвящать. Но скорее всего не решались на них положиться. А может быть, их слесарям не под силу такая работа. Зачем бы тогда Каюрову мастер такого высокого класса, как Ямщиков, понадобился? Штампы они могли и спереть на каком-нибудь заводе. Или, может быть...

— Ну ладно, — останавливает Грачева Грунина. — Все это выяснится по ходу дела — Левчуку и Ломову придется ведь посвятить вас в свои замыслы.

— А сигнал какой-нибудь нужно будет вам подать? — спрашивает Анатолий.

— Нет, сигнал не потребуется. Старайтесь только вот эту дверь не загораживать, — указывает Грунина пальцем на план завода. — Вам все ясно, товарищ Ямщиков?

— Так точно, товарищ капитан!

Когда Грачев с Ямщиковым в сопровождении работников местной милиции и лейтенанта Сысоева уходят, Грунина со вздохом облегчения говорит старшему лейтенанту Крамову:

— До пяти у нас еще полтора часа. Приготовьте вашу рацию, Аскольд Ильич, будем докладывать подполковнику обстановку.

— Можно вам один вопрос, Татьяна Петровна?

— Хоть два, — улыбается Татьяна. Она довольна проведенной операцией и надеется, что завершит ее благополучно.

— В том, что главный тут все-таки Грачев, у вас нет сомнений?

— В этом я и прежде не сомневалась.

— А он не вывернется? Не удастся ему на Каюрова все свалить?

— Не думаю, чтобы ему это удалось, даже если Каюров не станет защищаться. Да и в том случае, если бы оба они чистосердечно обо всем нам рассказали, с юридической точки зрения, как вы сами знаете, их признание не будет иметь решающего значения. Все это нам самим нужно доказать убедительными фактами. Фактов же вполне достаточно.

— Но на что тогда Грачев надеется? Он ведь, судя по всему, не дурак.

— Да, ясно, не дурак. Однако утопающий, как говорится, хватается и за соломинку. И, как мне думается, такая соломинка для него не столько надежда на молчание Каюрова, сколько возможность оказать нам помощь в разоблачении Левчука и Ломова. А признайся он сразу, что главный во всем он сам, мог бы и усомниться, доверим ли мы ему после этого разоблачить директора завода.

— Завод-то этот — одно ведь название только, — усмехается Крамов. — Иная мастерская покрупнее...

— Преступники от этого не становятся менее опасными. С помощью Грачева они бы начеканили тут немало фальшивых монет или других изделий... Рация у вас, я вижу, уже в полной готовности. Я свяжусь с Лазаревым сама, а вы можете немного отдохнуть.

Насте Боярской весь этот вечер было не по себе. Она рассеянно посматривала на маленькую эстраду «Нашего кафе» и почти не слышала разговоров за своим и соседними столиками.

«Где же все-таки Анатолий с Андреем? — тревожно думала она. — Олега потому, наверное, нет, что не пришла Татьяна Петровна, а у нее, конечно, срочные дела. Анатолий тоже мог не прийти из-за Марины, которой скорей всего просто не захотелось сюда — они ведь могут и в другом месте провести время. Но Андрей?.. Он-то почему не пришел, зная, что буду тут я? Спросить, может быть, Вадима? Но они с Варей так увлечены происходящим в кафе, что неловко их тревожить...»

— Слушайте, Вадим, — решается она все же побеспокоить Маврина, — не предупредили вас разве Анатолий с Олегом, что опоздают? Да и Десницына тоже почему-то нет...

— Придут попозже, — шепчет ей Вадим. — Наверное, Татьяна Петровна их задержала.

— И Андрея?

— Могла и его тоже. Анатолий с Андреем очень ей теперь нужны...

— Может быть, Олег с Анатолием, а не Андрей?

— Нет, именно Андрей и Анатолий. Вы только не беспокойтесь, пожалуйста, ничего особенно серьезного, просто они помогают ей в одном деле...

— В каком деле?

— Этого я вам не могу... да и не знаю толком.

— Что вы тут шепчетесь? — оборачивается к ним Варя.

— Да вот за Андрея с Анатолием беспокоится Анастасия Ивановна.

— В самом деле, Вадим, почему их все еще нет? Не случилось ли чего?

— Ну что ты, Варя? — незаметно подмигивает ей Маврин. — Что с ними может случиться?

Но Варя не замечает или не понимает смысла подмигивания Вадима и продолжает:

— Они разве не помогают Татьяне Петровне взять этого бандита?

— Какого бандита? — поспешно перебивает ее Маврин. — Ну что ты сочиняешь, Варюша! Зачем пугать Анастасию Ивановну? Видишь, как она побледнела...

— Анастасия Ивановна не чужой нам и особенно Андрею человек, и она должна знать...

— Да что знать-то? Я и сам ничего толком не знаю. К тому же не имею права ничего рассказывать и очень сожалею, что тебе случайно проговорился.

— Варюша, милая — обняла Маврину Боярская, — умоляю вас, расскажите мне все, что вам известно. Давайте выйдем на улицу, чтобы никому тут не мешать.

Из того, что сбивчива рассказала Боярской Варя, трудно было понять, о каком бандите идет речь и какое отношение к нему имеют Андрей, Анатолий и Олег. Ясно было лишь одно — бандит очень опасный, готовый на все, если только кто-нибудь осмелится стать ему поперек дороги, а Андрей с Анатолием, наверное, собираются это сделать...

И вот Настя мчится теперь на такси через всю Москву на Низовую, где живет Десницын. Никогда еще не был так дорог ей этот человек, как сейчас. Где он, жив ли? Чем она сможет помочь Андрею, об этом Настя не задумывается. Она лишь просит шофера поторопиться, но он и так гонит машину на пределе дозволенной скорости.

Вот и дом, в котором живет Андрей у своей тетушки.

Расплатившись с таксистом, Настя торопливо взбегает на второй этаж и нажимает кнопку звонка. Дверь почти тотчас же приоткрывается на ширину предохранительной цепочки.

— Здравствуйте, Анфиса Феокистовна! — кивает старушке Настя. — Андрей дома? /

— Нет, голубушка, нету его! Ушел в кафе какое-то. И давно уже. Должно быть, скоро вернется, он непьющий, долго там не засидится. Зашла бы да подождала.

— Зайду, пожалуй, — соглашается Настя. Ехать

ведь некуда больше. Надо бы к Олегу или Анатолию, но она не знает их адресов, да и едва ли они дома. Наверное, все вместе где-то.

У Насти такое ощущение, будто она проделала очень долгий путь и устала, как никогда.

Она садится на диван Андрея, не решаясь лечь. А надо бы полежать, расслабить мышцы, успокоились бы, наверное, и нервы. Рассеянным, ничего не видящим взглядом смотрит она на книжный шкаф и вдруг замечает свою фотографию за его стеклом. В прошлый раз ее, кажется, не было там...

Преодолевая слабость, Настя встает с дивана и склоняется над своим снимком.

О, какая она тут молоденькая! Совсем еще девочка. Наверное, когда еще училась в десятом классе или на первом курсе института. Но как попало это фото к Андрею? Где он его раздобыл? Неужели сама подарила ему и забыла? Может быть, открыть дверцу шкафа и посмотреть — нет ли надписи на обратной стороне снимка? Нет, не стоит, пожалуй. Главное — ее изображение здесь, у Андрея, среди его любимых книг.

Не так уж много времени прошло с тех пор, а кажется, что прожита целая жизнь и не очень складно, совсем не так, как хотелось бы... Кто же был дорог ей в эти годы? Пожалуй, Леонид Александрович Кречетов, но разве это была любовь? Глупое девчоночье увлечение любимым учителем. Он-то об этом, наверное, и не догадывался даже. Ну а потом?

Потом Владимир Елагин, красивый, самоуверенный, надменный. Его она, кажется, любила, но не была счастлива с ним ни одного дня. Хорошо хоть, что быстро опомнилась и ушла от него сама, безо всяких упреков и объяснений. Наверное, не очень все-таки любила.

Нет, не было, не было еще у нее настоящей любви! А годы летят и летят, даже в зеркало стало боязно смотреть на себя. Уже морщинки, крохотные, но настоящие и, наверное, необратимые, а замазывать, шпаклевать их кремом ужасно противно...

Так что же, выходит, на старости лет ты решила прийти к человеку, который любит тебя почти всю свою жизнь и, ослепнув от любви, никаких морщинок твоих не замечает и не заметит, наверное, никогда? Нет, это тоже ужасно! Она, конечно, не старуха, ей всего лишь тридцать пять, а о морщинах знает пока лишь она сама

и к Андрею она не потому, что некуда больше. Просто поумнела, научилась разбираться в людях, а это ведь не сразу, этому не научишься по книгам, этому учит только жизнь, и плата за эту учебу — лучшие твои годы.

Но разве можно встать сейчас с дивана и уйти, не узнав, что с ним? Как может прийти в голову такая дурацкая мысль? Ведь его; может быть, уже нет....

Надо бы к Татьяне Петровне, она, наверное, знает...

И вдруг звонок!

Настя вздрагивает и бежит к двери. Распахивает ее и вся в слезах бросается на шею Андрею, покрывая лицо его торопливыми поцелуями.

Спустя несколько дней Варя Маврина говорит Вадиму:

— Поверь моему слову, Вадим, будут скоро в «Нашем кафе» две свадьбы.

— Анатолия и Марины?

— И Андрея с Настей.

— А вот как сложится все у Олега с Татьяной Петровной? — вздыхает Вадим.

— Как? Я не сомневаюсь, что и у них...

— Не надо торопиться, Варюша. Поживем — увидим, как говорят.

— Да тут и видеть нечего! Что она, слепая, что ли? Где еще найдет такого парня, как Олег?

— Существует ведь еще и кандидат наук...

— Однако не всякий кандидат выходит в доктора, а Олег в своем деле давно уже доктор. Да этого и не нужно, когда есть настоящая любовь. Для нее не существует ни титулов, ни званий. Ты сам-то помнишь, кем был, когда я тебя полюбила?

— Подонком, честно говоря, я был, вот кем...

— Неважнецким был парнем, что и говорить, а сумел же стать человеком. Олегу, правда, этого не нужно, он и без того настоящий человек. Все мы многим ему обязаны, особенно Анатолий, да и ты с Андреем.

— Это верно. Я ведь знаю, как он переживал, что с Тузом придется схватиться не ему, а Ямщикову.

— Ну а ты-то, если б ты оказался на его месте?

— Я бы тоже исполнил свой долг, даже если бы пришлось при этом погибнуть...

1. Признание

В коридоре надрывается телефон, а Валентина никак не может оторваться от книги. Странно, однако, что и Михаил не спешит.

А звонок не умолкает.

Валентина бросает взгляд на стенные часы — уже половина двенадцатого. Ну это определенно Михаилу; так поздно ей никогда еще не звонили.

Она с досадой отрывается от книги и идет в коридор.

— Ты разве не слышишь, Миша? — спрашивает она, заглядывая в комнату брата. — Это тебя, наверно.

— Скажи, что нет дома, — испуганным голосом отзывается Михаил.

— Так поздно? Кто же поверит?

— Придумай тогда что-нибудь сама. Я к экзаменам готовлюсь. Некогда мне...

Валентина удивленно пожимает плечами и снимает трубку.

— Да, слушаю вас... Мишу? Он уже в постели... А откуда вы знаете, что не спит? Ну хорошо, я посмотрю, может быть, он и в самом деле не ложился еще.

Она кладет трубку на столик и идет к Михаилу.

— Это какой-то твой товарищ. Он звонит из телефонной будки на другой стороне улицы и видит тебя через окно. Поговори с ним.

Она замечает, как нервно дергается вдруг лицо брата. Он нехотя встает из-за стола и медленно идет к телефону.

— Да, я слушаю, — говорит он в трубку чужим, робким голосом. — А, Благой, здравствуй! Это сестра почему-то решила, что уже сплю. Все еще маленьким считает. Выйти к тебе? Поздно ведь... С чего ты взял, что боюсь? Ничего я не боюсь! Ладно, сейчас...

Но тут Валентина выхватила у него трубку:

— Никуда я его не пушу так поздно! А если он вам

очень нужен, зайдите к нам. Потерпите до завтра? Ну вот и хорошо. Спокойной ночи!

Она кладет трубку и торопливо оборачивается к Михаилу.

— Может быть, ты объяснишь, какому Благому понадобился так поздно? И вообще, что это с тобой происходит в последнее время?

Михаил стоит, понутив голову.

— Кто такой этот Благой? Что ему нужно от тебя?

Михаил, не отвечая, медленно уходит в свою комнату. Валентина идет за ним следом.

— Почему ты молчишь, Михаил?

— Не спрашивай сейчас меня ни о чем... — произносит он наконец чуть слышно. — Не вынуждай врать.

— Но я же чувствую, с тобой случилось что-то... Ты попал в беду? Расскажи, может быть, я помогу.

Она берет его за руки, но он отстраняется от нее и просит дрогнувшим голосом:

— Помогите мне уехать куда-нибудь...

— А как же с экзаменами?

— Для меня сейчас это важнее, чем экзамены... Поверь мне на слово и помогите...

Валентина хорошо знает его упрямый характер и решает ни о чем больше не расспрашивать.

— Ладно, ложись спать, я подумаю.

Михаил послушно уходит в свою комнату, но Валентина знает, что он еще не скоро заснет. Не удастся, наверно, заснуть и ей...

Что случилось с парнем? Почему он стал таким нервным, замкнутым? Почему присмирел вдруг, будто боится чего-то. Опять какой-то в нем перелом?..

Когда же случилось с ним это впервые? Кажется, после того, как ушел отец...

Да, именно тогда, когда отец ушел к другой женщине. Мише было в тот год четырнадцать. Он не возмущался поступком отца, но за один день стал совсем другим и все, что любил до этого, возненавидел. Сбросил с подоконника кота Тигрика, ударил девочку, с которой давно дружил и даже по-мальчишески тайно любил. Все книги, подаренные отцом, выбросил в мусоропровод. А потом убежал из дому, и мама нашла его лишь на третий день на даче у знакомых.

Но что такое — он бредит?

Валентина вскакивает с дивана и спешит к брату. Не зажигая света, останавливается на пороге его комнаты. Прислушивается...

— Не убивал я ее, не убивал!.. — бормочет Михаил. — Не ее это кровь....

И снова долгий, мучительный стон.

Валентина испуганно тормозит его.

— Проснись, Миша, проснись!.. Что за кошмары тебе снятся?

— Оставь меня, Джеймс... — молит Михаил.

— Какой Джеймс? Это я, Валя. Проснись же наконец!

Михаил вскакивает вдруг и бросается к окну. Валентина преграждает ему путь.

— Опомнись, Михаил! Куда ты?..

Узнав сестру, Михаил бессильно повисает у нее на руках. Валентина сажает его на диван, зажигает свет и бежит на кухню. Когда возвращается, видит его широко открытые, испуганные глаза, мокрый от испарины лоб.

Не считая, дрожащей рукой Валентина капают в стакан валерьянку.

— Выпей, Миша, станет легче.

Михаил покорно пьет и постепенно успокаивается.

— Ну вот и хорошо, — ласково, как маленькому, говорит Валентина. — Ложись теперь поудобнее. Это у тебя из-за неловкой позы, наверно...

— Нет, Валя, не потому, — перебивает ее Михаил. — Они меня все равно разыщут и убьют, куда бы я ни поехал. И не смотри на меня так — это не бред. Это очень серьезно.

— Господи, да кто они?..

— Не могу сказать кто, но они ни перед чем не остановятся и убьют, как ту девушку...

— Какую девушку? Да ты просто нездоров, наверно...

— Я хоть и украл у них улику против меня, — не отвечая сестре, продолжает Михаил, — но это ничем мне не поможет...

— Какую улику?

— Они хотели меня запутать... Сделать причастным к убийству той девушки. А я украл у них магнитную запись, и они, должно быть, уже хватились ее. За этим, наверно, и вызывал меня Благой.

— Тот, что звонил?

— Да, тот. Он мог убить меня тут же, на улице, прямо перед нашим домом. Он и мать родную не пощадит, если Джеймс ему прикажет. Кто такой Джеймс? Я пока и сам не знаю. Этого никто из нас не знает... Джеймсом Бондом мы стали называть его после того, как он рассказал нам о подвигах героя романов английского писателя Яна Флемминга.

Михаил говорит теперь спокойным, бесстрастным голосом, а Валентина с ужасом думает: «Боже мой, неужели он попал в лапы иностранных агентов?.. Что делать, как его спасти?..»

— Некоторые из нас мечтали быть похожими на флемминговского Джеймса Бонда с агентурным номером 007, дающим право убивать... Наш босс, носящий его имя, тоже может не только сам убить, но и заставить сделать это любого из нас. Девушку убили по его приказу...

— Какую девушку?

— Я не знал ее, но Джеймс хотел, чтобы я был причастен к ее убийству. И он добился этого...

— Нет, ты явно бредишь, Михаил! Ложись сейчас же в постель. Я все-таки врач, и ты слушайся меня...

— Э, какой ты врач, — вяло усмехается Михаил. — А что все это не бред, я тебе сейчас докажу.

Он торопливо нагибается, достает из-под дивана кассету с магнитной лентой. Потом ставит на стол магнитофон и дрожащими руками включает его в сеть.

Громко щелкает кнопка воспроизведения записи звука. Затаив дыхание, Валентина слышит пьяные выкрики мальчишек, грубую брань, произнесенную более низким голосом, и вопли девушки: «Куда вы меня тащите, мерзавцы!.. Помогите, помогите же кто-нибудь, ради бога!..» — «Заткните ей глотку!» — командует властный низкий голос.

Теперь слышно лишь приглушенное хрипение, а потом чей-то озлобленный выкрик: «Ой, кусается, зараза! До крови укусила!..»

И снова крик девушки: «Помогите... Помогите... Убивают!» — «Кончай ее, ребята! А то еще услышит кто-нибудь». — «Чего испугались? — слышится все тот же насмешливый низкий голос. — Пусть себе орет — тут в лесу никто ее не услышит. А ты чего трясешься, Малыш? На финку, будь мужчиной!..»

— Выключи эту мерзость! — протягивает руку к магнитофону Валентина. — Я не могу больше...

— Подожди, сейчас и меня услышишь, — останавливает ее Михаил.

«Ну а ты, Яснев, чего стоишь, как красная девица? — снова слышится властный голос. — Тоже мне супермен!» — «За меня не бойтесь, — хрипло смеется Михаил. — Моя рука не дрогнет. Я...»

И опять душераздирающий крик девушки...

Но Валентина уже не в силах слушать... Она выдергивает шнур из розетки, и магнитофон захлебывается на полуслове.

— Правда, здорово сфабриковали мое участие в убийстве? — с нервным смешком спрашивает Михаил.

Валентина молчит, с трудом переводя дыхание.

— Уж если и ты готова в это поверить, то...

— Но откуда же там твой глос? Ведь это действительно твой голос!..

— Благой напоил меня в притоне Джеймса, который мы называем «колледжем». А затем нарочно подзадорил, чтобы я целый фужер водки выпил. Вот я и ляпнул, что моя рука не дрогнет, и опрокинул фужер себе в рот. Потом без сознания под стол свалился. А Джеймс, оказывается, записал мои слова на магнитофонную ленту и к той, что ты слышала, подмонтировал. Вчера они продемонстрировали мне это, и получилось, будто я в самом деле участвовал в убийстве. А когда я стал возражать, Благой меня оборвал: «Слушать противно, как этот щенок выкручивается! Ты же таким пьяным был, что и вообще-то ничего не помнишь». А Джеймс добавил: «Это и понятно. Все вы только в пьяном виде супермены, а в трезвом ходите с поджатыми хвостами».

Страшась взглянуть в глаза сестре, Михаил завершает свою исповедь упавшим голосом:

— Я все тебе рассказал. Хочешь верь этому, хочешь — не верь...

Валентина долго молчит, не в силах произнести ни слова, потом спрашивает чуть слышно:

— Зачем им это?

— Наверно, чтобы покрепче держать в своих руках, а то кое-кто смотался уже из их «колледжа»...

— А ты знаешь тех, кто убивал девушку? Этого Малыша, например?

— Нет, не знаю. Он скорее всего из подопечных Благого, таких Джеймс к своему «колледжу» близко не подпускает. Их даже Благой считает подонками. А в «колледж» зачислят только тех, кто мнит себя «свободной личностью», для которой нет ничего запретного, все дозволено.

— А где находится этот «колледж»?

— Не знаю...

— Как не знаешь?

— А так Меня туда в пьяном виде возили... Не совсем, конечно, бесчувственным, но в таком состоянии, когда уже не очень соображаешь. К тому же это всегда было поздно вечером...

— И тебя это не настораживало?

— Нет. Нравилось даже своей таинственностью, необычайностью...

— Что же теперь делать будем?

— Не знаю...

— Может быть, попробуешь заснуть?

— Не удастся, наверно...

2. Валентина пытается спасти брата

Валентина хотела сначала пойти в Комитет госбезопасности, но Михаил сказал, что лучше идти в уголовный розыск на Петровку.

— Они ведь с нами ни о какой политике... Ни слова против Советской власти.

В комендатуре ей выписали пропуск к полковнику Денисову, и она рассказала ему все, что узнала вчера от брата.

Кончив свой сбивчивый рассказ, Валентина спрашивает:

— Может быть, об этом нужно было не вам, а работникам госбезопасности?

— Почему вы так думаете?

— Кличка их главаря Джеймс Бонд, а у Флемминга он, кажется, разведчик...

— Да, разведчик, — подтверждает полковник, — так же, как и сам Флемминг. Но учит этот Флемминг не столько секретам ведения тайной войны, сколько искусству ненависти и жестокости. Его идеал — неразмышляющий убийца и насильник. Теоретики «творче-

ства» Флемминга утверждают, что его книги дают отдушину присущей будто бы каждому человеку жажде насилия и агрессивности. Ну а ленту с записью убийства девушки вы не захватили?

— Михаил не дал ее мне. Он опасался, что Благой мог отнять ее у меня.

— А Благой не звонил ему больше?

— Утром звонил кто-то. Голос похожий, но я не уверена, что это был Благой.

— И что вы ему ответили?

— Сказала, что Михаил болен. Я и в самом деле уложила его в постель.

Полковник снимает трубку:

— Алексей Иванович, вы не помните, когда произошло убийство Анны Зиминой? Двадцать первого? Кто у нас этим занимается? А конкретно? Ясно. Благодарю вас.

Он кладет трубку и снова поворачивается к Валентине.

— Так вы говорите, что ваш брат не совсем здоров?

— Да, у него явное нервное расстройство. Я хотела сводить его к психиатру, но он боится выходить на улицу. А что, если бы...

Она умолкает, не решаясь договорить.

— Я слушаю вас, Валентина Николаевна.

— Что, если бы вы его арестовали, товарищ полковник? Посадили бы в тюрьму или еще куда-нибудь, пока установится его непричастность к убийству той девушки... А главное — пока не поймают Джеймса и Благого. Они ведь...

— Вы не волнуйтесь так, Валентина Николаевна, — мягко произносит полковник. — Джеймс с Благим ничего ему не сделают... Мы постараемся, чтобы они ничего ему не сделали. Пусть только он некоторое время не выходит из дома. Врача мы к вам пришлем сами. И не удивляйтесь, если вместе с ним окажется кто-нибудь из наших сотрудников. Предупредите об этом брата.

— А ваш сотрудник останется у нас и будет охранять Михаила? — с надеждой спрашивает Валентина.

— Нет, зачем же. Он уедет вместе с врачом, и вы всем говорите, что у вас были только врачи. За брата же вашего не беспокойтесь, мы постараемся, чтобы с ним ничего не случилось.

Попрощавшись с Валентиной, полковник Денисов некоторое время задумчиво прохаживается по кабинету. Потом, сделав кое-какие записи у себя в блокноте, идет с докладом к начальнику.

— Вы думаете, что на магнитной ленте может быть записано убийство Зиминой? — выслушав Денисова, спрашивает комиссар.

— Ее ведь тоже убили в лесу. К тому же это единственное зарегистрированное убийство за последние три месяца.

— Кто ведет расследование?

— Капитан Черкесов. Вы должны его помнить, товарищ комиссар.

— Как не помнить! Это он разоблачил шайку Краюхина? Ну так как же его не помнить! Смуглый такой, с усиками. Он что, русский? А лицом похож на горца. Пригласите его — нужно поближе с ним познакомиться.

— Когда, товарищ комиссар?

— Да в пятницу хотя бы, — полистав настольный календарь, говорит комиссар. — О вчерашнем покушении на Сорочкина вы уже знаете, конечно? Пьяные молокососы зверски избили человека.

— Вам разве не докладывали? Их уже поймали сегодня.

— Кого поймали — мальчишек? Да они, наверно, и не помнят всего, что делали в пьяном угаре. А нам нужны те, кто их спаивает, кто преступников из них готовит. Думается мне, что тут действует опытная рука и с целями не столько уголовными, сколько политическими. Не случайно ведь находим мы кое у кого литературу, в которой смакуются похождения суперменов?

В задумчивости пошагав некоторое время по кабинету, комиссар продолжает:

— На Западе созданы специальные «институты» и «исследовательские» центры, занимающиеся разработкой идеологических диверсий в социалистических странах. Есть даже специальный комитет, осуществляющий общее руководство подобного рода «психологическими операциями» стратегического значения. Высказывание одного такого стратега психологической войны я записал.

Комиссар достает из стола большой блокнот и торопливо листает его.

— Ага, вот! «В идеологической борьбе с коммунистами, — заявил председатель американского «Комитета политической информации», — нам нужна не правда, а подрывные действия. В такой войне нам потребуются все головорезы и гангстеры, которых мы сможем заполучить тем или иным способом». Не исключено, что именно такие гангстеры занимаются идеологической обработкой наших ребят в «колледже» Джеймса.

— Не посоветоваться ли нам в таком случае с работниками госбезопасности? По-моему, их это должно заинтересовать.

— Советовались уже. Они тоже считают, что это не исключено, и предпринимают что-то по своей линии. Но это не должно снимать с нас ответственности, потому что тут орудуют не только те гангстеры, которые растлевают, но и те, которые убивают.

3. Еще одно признание Михаила

«Волга» с красным крестом на лобовом стекле подъезжает к дому Ясенева во второй половине дня. Из нее выходят двое в белых халатах. Один пожилой, седоволосый, видимо врач, второй молодой, широкоплечий, с медицинским чемоданчиком в руках, похож на санитаря.

— А как насчет носилок? — высовываясь из машины, спрашивает их шофер.

— Пока не нужно, — отвечает седоволосый. — Может быть, не понадобятся.

На лестничной площадке их встречает Валентина.

— Вы к Ясеным? Проходите, пожалуйста.

И Валентина провожает их в комнату брата.

— Нет, нет, не вставайте, — машет на Михаила руками тот, которого Валентина принимает за врача.

— А я не болен вовсе. Это сестра меня уложила, — смущенно улыбается Михаил, поднимаясь с дивана. — Она молодой врач, и ей все кажутся больными. Вы ведь из милиции? Тогда я должен дать вам очень важные показания...

— Нет, нет, об этом после. Сначала мы вас все-таки посмотрим, а потом уж, может быть, и послушаем, — снова укладывает его на диван пожилой человек со строгими глазами и таким лицом, которое Михаил сра-

зу же определил как волевое. Он не сомневается, что это следователь по особо важным делам.

— А что касается показаний, — улыбаясь, продолжает человек с волевым лицом, — то их вы дадите вот этому товарищу. Он капитан милиции, и я всего лишь врач и выслушаю вас только по своей специальности, да и то с помощью стетоскопа.

— Вы, наверно, мальчишкой меня считаете, — хмурится Михаил.

— Дорогой мой, я вовсе не считаю вас мальчишкой, однако болеют ведь не только мальчишки. Дайте-ка мне вашу руку, я послушаю пульс.

— Не упрямитесь, Миша, — как-то очень просто произносит наконец и тот, которого врач отрекомендовал сотрудником милиции. — Пусть вас посмотрит Илья Ильич, раз уже вы не очень доверяете диагнозу вашей сестры. А я еще успею обо всем с вами поговорить. Зовут меня Олег Владимирович, и я действительно капитан милиции Черкесов.

Пока Илья Ильич считает удары пульса, Михаил внимательно всматривается в смуглое лицо капитана. Нет, не таким представлял он себе опытного сыщика. Пожалуй, больше на киноактера похож. Наверно, Валентина так неубедительно все им рассказала, что они не приняли ее сообщения всерьез. Но ничего, как только этот капитан доложит своему начальству его показания, поймут тогда, насколько все серьезно, и подыщут вместо него кого-нибудь поопытнее.

Процедура осмотра длится почти четверть часа, и когда Михаил начинает уже терять терпение, Илья Ильич говорит вдруг Валентине:

— А знаете, коллега, я у него ничего серьезного не нахожу. Пусть, однако, денек-другой посидит дома. А теперь, — поворачивается он к Черкесову, — передаю его вам, Олег Владимирович.

— Встать мне можно? — спрашивает Михаил, немного разочарованный заключением врача. Ему казалось, что состояние его нервной системы должно бы встревожить врача.

— Да, конечно, можете встать, — разрешает Илья Ильич. — Вам бы на свежий воздух нужно. Куда-нибудь за город... Но с этим, наверно, придется поременить.

— Давайте теперь и мы побеседуем, — кивает Ми-

хаилу капитан Черкесов. — Начнем с магнитофонной ленты.

— Да, да, я включу ее сейчас, — торопливо отзывается Михаил.

Жестокую сцену надругательства над неизвестной девушкой врач и капитан слушают молча, лишь изредка обмениваясь быстрыми взглядами. Молчат они некоторое время и после того, как Валентина выключает магнитофон.

— Вы узнали мой голос?.. — не выдержав этой слишком тягостной для него паузы, спрашивает Михаил, ощущая неприятную, мешающую говорить сухость во рту. — Ловко они меня подмонтировали...

— Я уже сообщила им об этом, Миша, — прерывает его Валентина.

— Но ты не знаешь всего... Я тебе не все рассказал. Они не только подмонтировали мои слова... Они еще вымазали меня кровью... Может быть, даже ее кровью...

Голос Михаила, то и дело прерывающийся от волнения, пресекается вдруг совсем, и он с ужасом чувствует, что не может произнести ни слова.

— Дайте ему воды, — шепчет Валентине Илья Ильич.

Но Михаил, отстранив сестру, устремляется к дивану. Приподняв его сиденье, он достает измятую рубашку.

— Вот та ковбойка, в которой я тогда был. Они вымазали ее кровью... Кровью той самой девушки... Я потом потихоньку от Валентины выстирал ее, но, видно, плохо.

— Дайте-ка мне вашу ковбойку, — протягивает руку к рубашке Михаила Илья Ильич и идет с нею к окну.

— Да, тут действительно следы крови, — заключает он.

— А это не ваша кровь? — спрашивает Михаила капитан Черкесов. — Может быть, вы в тот день порезались чем-нибудь?

— Нет, ничем я не порезался. Можете осмотреть — на мне ни единой царапины.

— Чья же тогда это кровь?

— Я же сказал — они уверяли меня, что это ее кровь... Но, может быть, это кровь и самого Джеймса. Он в тот вечер открывал консервную банку и порезал

руку. Это я хорошо помню. Он и скатерть на столе вымазал.

— Мы возьмем вашу рубашку на экспертизу и протоколируем это, как требует закон, — спокойно говорит капитан Черкесов и кладет ковбойку Михаила в свой чемоданчик.

— Нам уже известно от вашей сестры, — продолжает он после небольшой паузы, — что вы не помните, как попадали к Джеймсу. А кто возил вас туда и на чем?

— Обычно мне звонил Благой и вызывал на улицу. Это всегда было под вечер. Когда уже смерклось. Благой предлагал зайти куда-нибудь выпить. Я не возражал, потому что с этим скотом в трезвом виде просто не о чем говорить... И потом я знал, что он послан Джеймсом, а к нему рекомендовалось приезжать «навеселе».

— А как определялось это состояние «навеселе»? Была какая-нибудь определенная норма?

— Нет, не было. Благой сам это определял, и, как только я начинал хмелеть, командовал: «Стоп!» И не давал закусить. «Закусывать будем у Джеймса», — говорил он и выводил меня на улицу. Ездили мы туда, по-моему, на каких-то частных машинах, но один раз на такси. Это я точно помню. Запомнился даже номер.

— Каким же образом? — удивляется капитан.

— Я когда выпиваю, то прихожу в состояние гелячьего восторга. Читаю стихи, говорю без умолку, всему удивляюсь... В тот день, когда мы на такси ехали, очень забавляли меня цифры шесть и девять. Наверно, это был номер машины, написанный на панели под лобовым стеклом. Мне казалось тогда, что цифры захмелели... Что одна из них стоит твердо, а вторая вверх ногами. Чушь, конечно, но мало ли что может прийти в пьяную голову?

— А вы чешского писателя Чапека не читали?

— Это который написал «Войну с саламандрами»?

— Да, этот. Только я имею в виду его рассказ «Поэт». Чапек описывает в нем, как своеобразно запомнил номер машины, сбившей женщину, один чешский поэт. Вы не читали этого рассказа?

— Нет, не читал. А «Война с саламандрами» мне понравилась...

— Но номер такси, который вам запомнился, не мог же состоять только из двух цифр?

— Возможно, это было шестьдесят девять — шестьдесят девять или девяносто шесть — девяносто шесть, но сочетание шести и девяти я помню совершенно точно.

Капитан Черкесов записывает эти цифры и продолжает расспрашивать Михаила:

— Когда вы ездили последний раз, не помните?

— Нет, не помню... Хотя постойте — это было девятого мая! Да, правильно, девятого. Потому, наверно, цифры шесть и девять так запечатлелись.

Капитан задает еще несколько вопросов и начинает прощаться.

— Илья Ильич выписал Михаилу лекарство, — обращается он к Валентине. — Пусть он принимает его и дня два посидит дома. И не впускайте к нему никого. Как у вас с работой? Можете вы побыть с ним?

— Я взяла отпуск на неделю за свой счет.

— А если они звонить мне будут? — спрашивает Михаил.

— Вы вообще не подходите к телефону, а Валентина Николаевна пусть отвечает, что вы больны. Или знаете что — подходите, и если это окажется Благой...

— Кроме него, мне обычно никто из них не звонит.

— Ну так вот, если он позвонит, вы сделайте знак Валентине Николаевне, а сами постарайтесь поговорить с ним как можно дольше. А вы, Валентина Николаевна, немедленно зайдите к соседям и позвоните мне. Есть у вас кто-нибудь поблизости, от кого вы смогли бы мне позвонить?

— В соседней квартире живет подруга.

— Вот от нее и позвоните. Если меня не будет, скажите, что вы Ясенева, мои коллеги будут знать, что делать. И вообще, если я вам понадобится, звоните мне вот по этому номеру.

И он записывает на вырванной из блокнота страничке свой служебный телефон. Потом подробно расспрашивает Михаила, как выглядит Благой, и уходит вместе с Ильей Ильичом.

Когда дверь за ними захлопывается, Валентина спрашивает брата:

— Почему ты мне не рассказал об окровавленной рубашке?

— Я и милиции не собирался этого рассказывать...

— Так почему же рассказал?

— Сам не знаю... Показалось вдруг, что, увидев кровь на моей рубашке, они мне больше поверят...

Валентина смотрит на него таким взглядом, будто перед нею сумасшедший.

— Тебе обязательно нужно показаться психиатру!

— Покажи тогда меня еще и ветеринару.

— Глупо остришь. Да и не до острот сейчас...

При чем тут ветеринар?

— Я от кого-то слышал, будто в каждом мужчине живет зверь, кентавр.

— От Джеймса, конечно. Но ты ведь не мужчина еще...

— И не буду им, наверно, — тяжело вздыхает Михаил. — Я просто ничтожество и самый заурядный трусишка, однако не сумасшедший...

— Нет, ты настоящий сумасшедший! — злится Валентина. — Разве не может кровь на твоей рубашке оказаться одной группы с кровью той девушки? Чем ты тогда докажешь, что не участвовал в ее убийстве?

— Пусть будет что будет, — обреченно вздыхает Михаил. — И пусть уж лучше они меня посадят, чем Благой зарежет...

4. Эксперты прослушивают магнитную ленту

Капитан Черкесов давно уже выключил магнитофон, но никто из приглашенных экспертов не произносит ни слова. А эксперты тут необычные: специалисты по звукозаписи, два врача из бюро судебно-медицинской экспертизы, известный актер, кинорежиссер.

— Да-с, жуткую сценку вы нам продемонстрировали, — первым нарушает молчание актер. — И чертовски все натурально...

— Меня смущают реплики Ясенева, — включается в разговор режиссер. — Они, по-моему, из другой пьесы, если только все это можно назвать пьесой. У меня безошибочное чутье на этот счет. То, что произносит Яснев, звучит в ином ключе, чем все остальное.

— Я бы этого не сказал, — возражает ему актер. — Его голос такой же хмельной, как и у всех остальных, и слова вполне соответствуют происходившему.

— А что скажут медики? — обращается капитан Черкесов к представителям судебной медицины.

Врачи пожимают плечами.

— Нам впервые приходится участвовать в такого рода экспертизе, — замечает один из них. — Что касается предсмертной агонии девушки, подлинность ее у меня лично не вызывает никаких сомнений.

— Но зачем им это? — недоуменно разводит руками актер. — Зачем им было записывать на пленку? Может быть, это какие-то садисты? Вы со мной не согласны, доктор? — обращается он к врачу, сидящему с ним рядом.

— Вполне возможно. Тот, кто записал все это на пленку, мог сделать это из садистских побуждений.

— А может быть, ему понадобилась запись и для какой-то иной цели, — задумчиво произносит второй медицинский эксперт. — Может быть, ему нужно было запутать в это преступление Ясенева, фамилию которого, как мне показалось, произнес кто-то слишком уж четко.

— Да, это верно, — соглашается с ним режиссер. — На это и я обратил внимание. К тому же всех ведь по кличкам, а его почему-то по фамилии...

— Ну а какова точка зрения акустиков? — спрашивает Черкесов специалистов по звукозаписи. — Можно установить, в помещении ли это записано или на открытом воздухе?

— На слух воспринимается все, как запись на открытой площадке, — заключает один из акустиков. — Тут нет отзвука от стен и акустической обратной связи. Отражения от стен особенно были бы заметны в области средних и высоких звуковых частот. Зато довольно отчетливо слышен шум ветра. От этого при записях на открытых площадках очень трудно избавиться, даже если ветер тихий.

— А та часть, где слышен голос Ясенева, тоже записана на открытой площадке? — снова спрашивает Черкесов.

— Сейчас это трудно определить. Запись его голоса могла быть уже потом переписана на фон основной пленки, а не подклеена к ней. Все это нужно проверить специальной аппаратурой в лабораторных условиях.

— Я вполне согласен с моим коллегой, — одобри-

тельно кивает звукооператор с киностудии «Мосфильм».

— Тогда у меня к вам просьба, — обращается к акустикам Черкесов. — Перепишите, пожалуйста, фонограмму этой ленты в нескольких экземплярах. Она может понадобиться нам для опознания участников убийства Зиминой по их голосам.

Когда приглашенные эксперты расходятся, Черкесов спрашивает своего помощника, старшего лейтенанта Глебова:

— Федор Васильевич, вы связались с оперативной группой, которая расследует нападение на Сорочкина?

— Связался.

— Надо дать им эту ленту послушать.

— Я тоже подумал об этом.

— Ну а как обстоит дело с наблюдением за домом Ясеновых?

— Удалось с помощью телеобъектива сфотографировать трех подозрительных молодых людей. Один из них очень похож на Благого, судя по описанию Михаила Ясенева. Вот посмотрите сами. Форменный дегенерат. Мы хоть и критикуем Ломброзо, а в чем-то он все-таки прав. Разве такой тип не может быть predisposed к преступлению?

— Надеюсь, однако, — усмехается Черкесов, — вы не разделяете убеждения итальянского профессора судебной медицины, будто корни преступности таятся главным образом лишь в биологических свойствах личности.

— Но в какой-то мере Ломброзо все-таки прав. Вот дегенераты, например... Разве от них нельзя ожидать преступных действий?

— Много ли, однако, встречалось вам дегенератов среди преступников? Да и вообще биологическая сущность личности — не определяющее начало. Дайте-ка мне эти фотографии — их нужно показать Ясенову. Сестра его не звонила сегодня?

— Нет, Олег Владимирович.

— Хотел бы узнать и ваше мнение? — обращается Черкесов к майору Платонову — эксперту-криминалисту.

— Размышляю пока, — произносит Платонов, — потому и не тороплюсь.

Черкесов знает, что Платонов слов на ветер не бро-

сает и, прежде чем придет к какому-либо заключению, взвесит все не один раз.

— Одно только несомненно, Олег Владимирович, — задумчиво продолжает майор, — запись на этой ленте велась не нашим магнитофоном. Скорее всего это западногерманский портативный «Грюндиг».

— А отсюда вывод...

— Нет, пока никаких выводов...

— Согласен с вами; не будем торопиться. Ну а как у нас дела с поиском такси, Федор Васильевич? — обращается Черкесов к Глебову. — Подключили к нашей группе еще кого-нибудь? Начальство обещало ведь.

— Да, подключили двух лейтенантов. Прямо из милицейской спецшколы. Им я и поручил поиски шофера такси. Но пока никаких результатов.

Капитан Черкесов смотрит на часы — рабочий день в райотделе давно уже окончен.

— Пора по домам, — говорит он своим коллегам. Но сам остается еще на несколько минут.

«А что, если съездить к Ясеновым?» — мелькает неожиданная мысль.

И, не раздумывая более, он едет к себе, переодевается в штатское. От его дома на Большой Грузинской до улицы Герцена, на которой живут Ясеновы, недалеко. Черкесов не торопясь идет к ним пешком, но думает почему-то не о Михаиле, а о Валентине.

«Дома ли она сейчас? Должна быть дома — вечером она Михаила одного не оставит...»

5. Снова у Ясеновых

— Знаете, я почему-то ждала вас сегодня, — открывая Черкесову дверь, простодушно признается Валентина.

— Значит, я могу не считать себя незванным гостем? — шутит капитан. — Ну а как наш больной?

— Днем чувствовал себя неплохо, а к вечеру захандрил. Вернулись прежние страхи...

— Ну, что ты все из меня какого-то неврастеника делаешь? — обиженно произносит Михаил, выходя из своей комнаты. — Добрый вечер, товарищ капитан! Или, может быть, мне полагается гражданином капитаном вас называть?

— Называйте меня лучше Олегом Владимировичем, — улыбается Черкесов. — Да, взгляните-ка на эти фотографии.

Михаил внимательно всматривается в лица, снятые крупным планом, а Валентина удивленно восклицает:

— Одного я знаю! Это нашей соседки Верочки поклонник!

— А мне никто из них незнаком, — разочарованно возвращает фотографии Михаил.

— А какой же из них Верочкин поклонник? — любопытствует Черкесов, повернувшись к Валентине.

— Да вот этот! Ужасно некрасивый, но безумно и при том безнадежно влюбленный парень, — смеется Валентина, указывая на один из снимков.

Взглянув на него, усмехается и Черкесов.

— Не правда ли — ужасный урод? — спрашивает его Валентина.

— Я смеюсь совсем не потому... Мы ведь за Благого его приняли. Он почти весь день возле вашего дома прохаживался.

— Это и понятно. Он сейчас в отпуске, вот и несет свою вахту под Верочкиными окнами.

— А кто он такой, этот безнадежно влюбленный?

— Инженер-конструктор. И, говорят, талантливый.

— Вот вам и тип, предрасположенный к преступности! — снова усмехается Черкесов.

Валентина и Михаил удивленно смотрят на него.

— Сейчас объясню, — обещает Черкесов. — Эх, надо бы Глебову позвонить! Ну да ладно — успею сделать это и завтра. Посмотрев на фотографию этого безнадежно влюбленного инженера, один мой коллега вдруг вспомнил теорию итальянского психиатра Чезаре Ломброзо, раскритикованную во всех наших учебниках криминологии, и решил, что Ломброзо все-таки в чем-то прав.

— А вы разве не признаете этой теории? — спрашивает Черкесова Михаил. — Разве преступные наклонности, так же как и противоположные им, не заложены в каждом человеке? Вот Фрейд, например, считает...

— Простите, Миша, а вы читали Фрейда или знаете о нем понаслышке?

— Видите ли... — мнется Михаил.

— Это Джеймс их по части фрейдизма натаски-

вал, — раздраженно перебивает его Валентина. — Познакомил и с его пресловутым «комплексом Эдипа».

— Ну и что из того? — повышает голос Михаил. — Что же плохого, что Джеймс нас с учением Фрейда познакомил? Его читают во всем мире, а у нас он почему-то запрещен...

— Почему же запрещен? — удивляется Черкесов. — Его книги есть во многих библиотеках. С некоторыми, например, специально даже рекомендовали нам познакомиться, когда я учился в юридическом институте.

— А вы его для чего читали? Чтобы критиковать или для познания глубин человеческой психики? — допытывается Михаил.

— Учиться у него, в общем-то, нечему. Закономерности психических явлений учились мы у Павлова, а Фрейда читали только потому, что он все еще на вооружении у современной буржуазной психологии и криминологии.

— Не переменить ли нам тему разговора? — предлагает встревоженная этим спором Валентина. — А еще лучше, если мы выпьем чаю.

— Скажешь тоже! — усмехается Михаил. — Олегу Владимировичу не полагается, наверно, распивать чай с таким, как я...

— А я вот от чая и не откажусь как раз, — смеется Черкесов. — Не отказываюсь и от беседы о Фрейде. Не знаю, кто вам его преподавал, Миша, но не сомневаюсь, что непременно поведали об убежденности Фрейда в том, что первобытный человек, несколько не изменившись, продолжает жить в нашем подсознании. Этот предок, по Фрейду, был более жестоким существом, чем другие животные, и любил убивать. Я даже дословно запомнил одно выражение Фрейда. Он писал в какой-то из своих книг: «Если судить о нас по желаниям нашего подсознательного, то мы, подобно первобытному человеку, просто банда убийц». Ну что, разве не это проповедовал вам Джеймс?

— Но ведь действительно гнездится в человеке что-то такое...

— Джеймс им не только проповедовал это, он и осуществлял на практике фрейдистские идеи, — зло перебивает брата Валентина. — С помощью водки пробуждал в них зов агрессивного предка. И не всем даже

требовалась для этого теоретическая подготовка. Скоты, которые убили ту девушку, и имени-то Фрейда, конечно, не слышали. А Фрейд был у Джеймса для таких интеллигентных мальчиков, как ты, мечтающих о какой-то свободе воли, о вседозволенности. Неужели ты до сих пор не понял, что готовил он из вас не суперменов, а самых обыкновенных убийц?

Михаил угрюмо молчит, а Валентина, махнув на него рукой, уходит на кухню готовить чай.

— Вы тоже так думаете? — спрашивает он Черкесова.

— Также. Давайте, однако, не будем больше говорить об этом. Валентине такая тема не очень нравится.

— Пока сестры нет, ответьте мне: как вы будете относиться ко мне, если кровь на моей рубашке окажется той же группы, что и у убитой девушки?

— А это уже установлено совершенно точно, — спокойно сообщает Черкесов, однако, увидев испуганные глаза Михаила, поспешно поясняет: — Но установлено и другое — кровь на вашей рубашке принадлежит не женщине, а мужчине.

В это время входит Валентина с чайником в руках и, заметив, что они вдруг замолкают, спрашивает с напускной шутливостью:

— О чем это вы тут шептались в мое отсутствие?

— Миша поинтересовался экспертизой пятен крови на его рубашке...

— И, знаешь, — возбужденно перебивает Черкесова Михаил, — кровь оказалась мужской! Значит, она не была кровью той девушки...

— Ну вот и слава богу, — произносит Валентина, но Черкесов по глазам ее видит, что она не очень верит этому.

— Вы, кажется, сомневаетесь? — спрашивает он.

— Но как же это возможно? Ведь эритроциты и лейкоциты мужской и женской крови неотличимы друг от друга.

— Так думали раньше, а теперь в сегментно-ядерных лейкоцитах женской крови удалось обнаружить половые хроматиды. Не замечали этого раньше по той причине, что среди ста лейкоцитов женской крови лишь примерно три имеют такой хроматид.

— Но ведь эти половые различия были найдены в живой крови, а вы, криминалисты, имеете дело боль-

шей частью с разложившейся. Как же вы обнаруживаете их в таких случаях?

— О, это результат очень кропотливого труда сотрудников нашего научно-исследовательского института, — не без гордости за своих коллег говорит Черкесов.

— Господи! — перебивая Черкесова, восклицает Валентина. — Когда я узнаю, какие усилия и какие средства затрачиваются на борьбу с преступностью, я начинаю прямо-таки люто ненавидеть всех этих подонков. Среди хулиганов немало, наверное, кретинов и шизофреников, но ведь есть и просто распушенные ребята, стремящиеся чем-нибудь блеснуть, «выделиться из толпы». И тогда они выходят на улицы в ночное время, строя из себя таких суперменов, которым все дозволено...

Валентина с трудом сдерживает негодование. Это заметно по красным пятнам, выступившим на ее щеках. Резко повернувшись к брату, она говорит ему очень зло:

— И ты, Михаил, мог стать таким ночным шакалом. И если бы докатился до этого... я возненавидела бы тебя! Романтики вам захотелось! Так идите тогда в авиацию, на флот, уезжайте на Дальний Восток, проситесь на полюса, идите в геологи, в дружинники, черт возьми! Когда уличные «геройчики» нападают на беззащитных, дружинники выходят ведь почти один на один против этих озверевших, потерявших разум от водки подонков.

Заметив, что с Михаилом творится что-то неладное, Черкесов пытается перевести разговор на другую тему, но Валентина так исстрадалась за эти дни, что теперь нуждается, наверно, в разрядке. А Михаил сидит, стиснув зубы. В лице его ни кровинки.

— Ты подала мне хорошую мысль, — неожиданно произносит он. — Я пойду...

— Куда это ты пойдешь? — обрушивается на него Валентина. — В дружинники пойдешь?

— Правильно, пусть другие идут! — нервно смеется Михаил. — Нет, Валентина, я пойду не в дружинники, а просто на улицу и буду ходить, как всегда, не прячась ни от кого... И не потому, что стал вдруг храбрым, а потому что не хочу больше быть трусом.

— К чему это позерство? — раздраженно спрашивает Валентина.

— Может быть, это поможет милиции найти Благого...

— Судя по тому, что никто из этих подонков тебе не звонит, и по тому, что возле нашего дома никаких подозрительных типов милиция не заметила, — тобой уже никто и не интересуется, наверно. Мы вообще зря подняли такую панику...

— Как зря — а магнитная лента, которую я у них выкрал? А «колледж» Джеймса?..

— Как, кстати, вам удалось похитить ленту? — спрашивает Черкесов.

— Когда они мне ее продемонстрировали, я хоть и пьян был, но сразу сообразил, чем это для меня пахнет, и тут же решил выкрасть ее. Стал меньше пить, но притворялся, что меня совсем развезло. Падал даже два раза и один раз возле той самой тумбочки, в которую Джеймс положил кассету с лентой. Я это хорошо заметил. А они на меня никакого внимания уже не обращали. Я и воспользовался этим. К счастью, лента была на маленькой кассетке, и ее легко было спрятать в карман. Потом они, конечно, обнаружили пропажу, и Благой, наверно, поэтому вызывал меня на улицу...

— По-моему, ты выдумываешь все, — пренебрежительно говорит Валентина.

— Тем более мне нечего бояться выходить на улицу, и я завтра же выйду, — упрямо встряхивает головой Михаил.

— А я тебя не пушу! Ты ведь не совсем здоров, и врач предписал тебе побыть несколько дней дома. Правда, Олег Владимирович?

— Да, пожалуй, — говорит Черкесов, понимая, что она очень нуждается в его поддержке. — Я, однако, засиделся у вас — мне пора.

— А чай как же?

— В другой раз как-нибудь — поздно уже.

— Жена, наверно, ждет?

— Да нет, не ждет меня никто. Я все еще в холостяках хожу, — смущенно улыбается Черкесов. — Никак не могу решиться на столь ответственный шаг.

— А на меня вы произвели впечатление храброго человека, — смеется Валентина. — И я надеюсь, вы не испугаетесь, если я попрошусь пройти с вами по свежему воздуху? Понервничала, вот и голова разболелась...

— Одна ты что, боишься? — ревниво спрашивает Михаил. — Олегу Владимировичу не полагается, наверно, с сестрами подозреваемых прогуливаться. Зачем же нам его подводить?

— Это правда, Олег Владимирович?

— Ну что вы, Валентина Николаевна! С удовольствием пройду с вами. Вам действительно нужно на свежий воздух. Посмотрите-ка на себя в зеркало.

6. За Чернесовым следят...

— Знаете, почему мне захотелось проводить вас? — спрашивает Валентина, когда они выходят на улицу.

— Догадываюсь. Так просто вы едва ли бы...

— И вовсе не «едва ли»!.. — смеется Валентина. — Но сегодня мне действительно очень нужно с вами поговорить без Михаила.

— Я так и понял.

Валентине хочется взять этого молодого капитана под руку, но она не решается.

— Вот вы разбираетесь в ситуации, в которую попал мой брат, а сами, наверно, думаете... Не можете не думать: как же докатился он до жизни такой? Куда семья смотрела — в данном случае я, старшая его сестра? Догадывалась ли я о чем-нибудь? Честно вам признаюсь: нет, не догадывалась. Почему? Да потому, наверно, что Михаил по-прежнему хорошо учился, а нервным и вспыльчивым стал еще с тех пор, как папа от нас ушел. То, что он в дурную компанию мог попасть, нам как-то и в голову не приходило. Казалось, что такое может произойти лишь с теми, кто без матери остался. Мать ведь почти всегда заботливей отца, не правда ли?

— Наибольшее количество преступлений совершают, однако, те подростки, которые остались без отцов. Такие ребята становятся преступниками чаще даже, чем круглые сироты. Особенно характерно это для осужденных за хулиганство.

— Казалось бы, отцы не принимают такого участия в воспитании детей, как матери, а смотрите, как получается! — удивляется Валентина. — Тут, видимо, играет роль чисто психологический фактор. Значит, не избежал этого и наш Михаил... Ему, конечно, было

очень стыдно перед товарищами, что от нас ушел отец. Учиться, однако, он стал еще лучше, чем прежде. И это, как мне кажется, было у него своеобразным актом протеста. Обычно в таких случаях ребята отбиваются от рук, начинают плохо заниматься или вообще бросают учебу. В его школе уже был такой случай, и учителя боялись, как бы и с Михаилом не произошло того же. Он это почувствовал и, как мы с мамой поняли, назло своим школьным опекунам начал так учиться, что они просто диву давались. Ну а в компанию Джеймса он попал уже после смерти мамы...

Она умолкает и лезет в сумочку за платком. Черкесов невольно берет ее под руку. Но, как только она немного успокаивается, осторожно отпускает ее локоть.

В это время Валентина замечает, что какой-то обогнавший их мужчина оборачивается и бросает на них внимательный взгляд.

«Наверно, какой-нибудь знакомый или сослуживец Олега Владимировича», — решает Валентина и продолжает свой рассказ, слегка понизив голос:

— Вы можете спросить, а как же отец? Он что, совсем перестал интересоваться нами? А ему было не легче нашего, возможно, даже тяжелее, потому что он очень порядочный. Да, да, именно порядочный, несмотря на все то, что произошло. Папа знал ту женщину, к которой ушел, еще до того, как женился на маме. И, по-моему, уже тогда был в нее влюблен, но не пользовался взаимностью. Ну а потом у нее трагически погибли муж и сын, и она в отчаянии чуть не покончила с собой, и спас ее от этого мой папа. Не буду вам рассказывать, как он это сделал, — это длинная история, но он ее действительно спас. Однако, спасая эту женщину, папа окончательно погиб сам... Я, кажется, заболталась и рассказываю уже о том, что вам совсем неинтересно.

— Ну что вы, Валентина Николаевна!

— Папа, видимо, и не переставал никогда любить ту женщину, — после небольшой паузы продолжает Валентина. — Ему лишь казалось, наверно, что он любил маму. Ну а после всего этого, после почти ежедневных встреч с тою, которую он любил (а длилось это около года), ему стало совсем невмочь... И все-таки он ни за что не ушел бы от нас, и мама никогда бы

этого не узнала, если бы не я... Да, именно я. Одна я в нашей семье понимала, что творится с отцом. И я сказала ему: «Уходи, так больше нельзя...» Я тогда уже училась в институте и прекрасно во всем разбиралась. Понимала, что он жертвует собой из-за нас, детей. Пожалуй, даже главным образом из-за меня. Маму он уже совсем не любил, Михаила тоже, кажется, не очень... И я ему сказала: «Уходи, пока знаю одна только я, как ты мучаешься. Мы уже не маленькие и не пропадем, а так тоже больше нельзя... Он, конечно, не сразу послушался меня.

— И он ушел?

— Да, он ушел, хотя это стоило ему многого... Он ведь был членом партии, руководителем крупного предприятия, и такой разрыв с семьей не мог, конечно, оставаться втайне ни от райкома, ни от министерства. Не знаю уж, как он там объяснил свои поступки, едва ли, однако, стал обнажать душу, не в его это характере. Попросил только перевести на работу в другой город. И его перевели, понизив в должности и поручив делать то, к чему не лежала душа. Нам он посылал почти весь свой оклад, а на что жил сам, я до сих пор понятия не имею. Михаил считал уход отца изменой, которой нет прощения. Ну а мама погоревала-погоревала и утешилась тем, что обвинила во всем коварную соблазнительницу. Я не пыталась ее в этом разуверить... — Валентина вдруг умолкает, потом шепчет чуть слышно: — Вам не кажется, что вон тот человек то обгонит нас, то идет сзади по пятам?

— Кажется. Только вы не подавайте вида, что мы заметили это. Мне нужно разглядеть его получше. Продолжайте свой рассказ.

— Да вот, собственно, и все. Мама умерла спустя два года от рака желудка, а мы продолжали жить почти так же, как и раньше.

Теперь, когда Валентина точно знает, что за ними следит кто-то, у нее снова возникают прежние страхи за брата, и она просит Черкесова:

— А Михаилу вы посоветуйте, пожалуйста, не выходить на улицу. Это ведь очень рискованно... Они могут убить его...

— Не думаю, что они решатся на это в центре города. А решению Михаила выйти на улицу я не стал

бы препятствовать. Это много значит для него. Но если вы так боитесь за брата...

— Честно говоря — очень боюсь!

— Мне думается, что у Михаила есть характер. Вы же сами рассказывали, как он стал учиться после того, как вас постигло такое горе...

— Ну это он из одной только гордости.

— Не согласен с вами. Он вот уж который год отлично учится. Для этого, уважаемая Валентина Николаевна, нужна сила воли. А из гордости можно лишь заупрямиться, совершить необдуманный, непоправимый поступок.

— Может быть... Не знаю... Но мне страшно за него.

Они разговаривают теперь вполголоса, и Черкесов все время поглядывает на упорно идущего то впереди, то позади них человека. В свете уличных фонарей разглядеть его, однако, нелегко.

Дойдя до площади Восстания, Черкесов говорит Валентине:

— Ну а теперь вам пора домой, только я вас одну не отпущу. Вот, кстати, такси, и хорошо, что всего одна машина. Этому типу не на чем будет за нами следовать.

— А почему бы вам не остановить его и проверить документы?

— Они у него могут оказаться в полном порядке. Если же это кто-нибудь из банды Джеймса, то лучше их пока не настораживать. Насчет же Михаила мы давайте так договоримся: если он и завтра будет настаивать — не возражайте, ладно?

7. В райотделе милиции

Когда капитан Черкесов приходит на следующий день в свой отдел, майор Платонов сообщает ему:

— Предположение ваше оправдалось, Олег Владимирович — по голосу, записанному на магнитной ленте, родственники Зиминной опознали Анну. А вот заключение экспертов-акустиков. Из него следует, что голос Михаила Ясенева явно вмонтирован в эту ленту.

— В чем я и не сомневался.

— Не сомневался и я, — замечает Платонов. — Но прежде это было лишь предположением, а теперь

акустические приборы подтвердили нашу догадку, и она приобрела силу доказательства.

— К этому могу добавить кое-что и я, — весело сообщает старший лейтенант Глебов. — Арестованные участники нападения на Сорочкина, прослушав добытую Ясеновым ленту, опознали один из записанных на ней голосов.

— Голос Благого? — догадывается Черкесов.

— Да, хотя им он известен под именем дяди Жоры. Описание этого «дяди» не очень схоже, однако, с тем портретом, который нарисовал вам Михаил Ясенов. Совпадают только рост, цвет волос и глаз. В возрасте тоже колебания в пределах пяти-семи лет. Лицо же у него, по их словам, добродушное, улыбочное. Они вообще считают его очень добрым и щедрым.

— Еще бы, — усмехается Черкесов. — Небось не раз поил их и кормил.

— Да уж, наверное, не без этого, — соглашается Глебов. — Но если этот дядя Жора и Благой одно и то же лицо, то как же быть с описанием наружности его, сделанным Ясеновым?

— Ясенов видел Благого почти всегда в нетрезвом виде. А Благой во хмелю был, наверное, не ангелом, вот он и нарисовал нам звероподобный его портрет. Мальчишек же Благой угощал, конечно, не только водкой, но и конфетами, потому-то он и представляется им таким добреньким и благообразным. Кстати, знаете, кем оказался человек, принятый нашими лейтенантами за Благого? Очень талантливым инженером-конструктором, влюбленным в соседку Ясеновых.

— А я думаю, — не сдаётся Глебов, — если подвергнуть Благого или этого дядю Жору обследованию...

— А я уверен, что «или» тут ни к чему, — перебивает его Черкесов. — Вне всяких сомнений, Благой и «дядя Жора» одно лицо.

— Может быть. Но если подвергнуть его антропологическому освидетельствованию, то Ломброзо окажется в чем-то прав.

— В чем-то — весьма возможно, — соглашается с ним Черкесов. — Но теория его не станет от этого истинной. При оценке «преступного человека» он исходил ведь не только из аномалии черепа и мозга, но и сердца, желудка и прочих потрохов. Добавьте к этому и то значение, которое придавал он росту, температуре тела,

цвету волос, климатическим, метеорологическим и геологическим условиям.

— Его последователи прибавляют к этому еще и такие факторы, как особенности почвы, смену дня и ночи, времени года и годовичную температуру, — добавляет присутствующий при этом разговоре майор Платонов. — Со времен Ломброзо и его последователя Ферри в современной буржуазной криминологии вообще мало что изменилось. Но меня волнует сейчас другой вопрос. Как вы, Олег Владимирович, относитесь к свидетельским показаниям? Судя по вашей оценке описаний внешности Благого, данных Ясеновым и теми хулиганами, которые напали на Сорочкина, вы далеки от оптимизма.

— В принципе я не склонен ставить под какое-либо сомнение свидетельские показания. Но в данном случае убежден в необъективности Ясенева и юнцов, напавших на Сорочкина.

— Как же тогда быть? Где искать более объективных?

— А Сорочкин? Жизнь его теперь вне опасности, и я думаю, что через несколько дней врачи могут разрешить нам побеседовать с ним. Ну а потом шофер такси, который возил Благого с Михаилом к Джеймсу. На этого свидетеля у меня особенно большие надежды.

— Но ведь шофер еще не найден. Да и номер его такси, сообщенный Ясеновым, очень уж неточен. Наши лейтенанты беседовали почти со всеми таксистами, которые в тот день ездили на машинах с номерами, состоящими из цифр, названных Ясеновым. Теперь они опрашивают тех, у которых из четырех цифр две первые или две последние имеют подобное сочетание.

— Пусть не прекращают поисков. Ну а к Джеймсу никаких пока подступов?

— Никаких, — со вздохом произносит Глебов. — И мне думается, что вывести нас на него сможет только Благой...

В это время раздается телефонный звонок.

— Это вас, Олег Владимирович, — протягивает трубку Черкесову Глебов.

— Да, слушаю, Валентина Николаевна! Ну, как у вас там? Был звонок... Не выдержал, значит? Можете вы к нам сейчас приехать?.. Бойтесь оставить Михаила одного? Ну хорошо, я пришлю к вам моего коллегу.

— Придется вам к ним съездить, Федор Васильевич, — обращается Черкесов к Глебову. — Мне не хотелось бы появляться у Ясеновых так часто. Похоже, что мною уже заинтересовался кто-то.

В подтверждение своей догадки Черкесов рассказывает Глебову о вчерашней прогулке с Валентиной, не особенно вдаваясь в подробности.

— Непонятно все-таки, — задумчиво произносит старший лейтенант. — Валентину они могли и раньше видеть вместе с Михаилом, а вас-то как узнали? Мало ли с кем могла она прогуливаться по улице...

— Я и сам теряюсь в догадках, но лучше проявить излишнюю осторожность, чем беспечность.

— Будем тогда считать, что Благому уже известно, что Ясенов признался нам во всем, раз они видели вас вместе с его сестрой.

— Во всяком случае, это не исключено, — соглашается с Глебовым Черкесов.

— А Михаилу сейчас Благой, значит, звонил?

— Да, Благой. Пока они разговаривали, Валентина бросилась к соседям, но их не оказалось дома. Тогда она включила магнитофон, поднесла микрофон к телефонной трубке и успела записать значительную часть их разговора. Очень толковая девушка, — с нескрываемым восхищением заключает Черкесов.

— Она не замужем еще? — интересуется Глебов.

— Нет пока... Вы заберите у нее эту пленку и Михаила подбодрите, чтобы не очень робел перед Благой.

Старший лейтенант Глебов возвращается от Ясеновых спустя полчаса. Выкладывает на стол кассету с магнитной лентой. Ее тотчас же забирает Платонов и вставляет в магнитофон.

— Знаете, — говорит Глебов, — на меня этот Михаил вовсе не произвел впечатления неврастеника. И держится совсем не робко.

— Рассказывайте все по порядку.

— Ему действительно позвонил Благой. Ругал, что скрывается и симулирует болезнь. Спрашивал: «Не продан ли операм из угрозыска»? Да вы сами сейчас услышите. Как раз эту часть разговора Валентине удалось записать.

Глебов включает магнитофон. Из его динамика слы-

шатся сначала не очень разборчивые слова, а затем хриплый голос Благого:

«Сволочь ты... трусливая скотина... Ну, чего испугался?.. Джеймс над тобой пошутить захотел, не знаешь его разве?» — «Ничего себе шуточки, — отзывается Михаил. — Да ведь если бы он дал послушать ту ленту какому-нибудь прокурору...» — «Ну вот еще — прокурору! — перебивает Благой. — За кого ты его принимаешь? За сумасшедшего, да? Там же и мой голос записан... А мне что же — свободная жизнь надоела? Я еще своего не отгулял. У меня все впереди, и продать себя я никому не позволю. Ты тоже это учти, если собираешься отнести нашу ленту на Петровку». — «Чего пугаешь, — снова бурчит Михаил. — Ты это брось, а то я и разговаривать с тобой не стану». — «Ну ладно-ладно, обидчивым каким стал. В самом деле, видать, захворал... Я ведь тебе по поручению Джеймса звоню. Очень он на тебя рассерчал, и если бы не я... Ну да, в общем, отошел он теперь. Предлагает забыть все, что произошло. Но при условии...» — «Каком еще условии?» — «Ленту ты должен вернуть. Если боишься к Джеймсу ехать, мне передашь и не ночью в каком-нибудь темном переулке, а среди бела дня. Это специально, чтобы ты не боялся, что мы тебе что-нибудь сделаем. Сегодня сможешь?» — «Нет, сегодня не смогу. Я еще болен. А завтра, пожалуй, выйду. Это тебя устраивает?» — «Ну ладно, черт с тобой, хотя Джеймс велел непременно сегодня. Завтра ты выходи к Калашному переулку. Там мы и встретимся. Людный ведь переулок, так что можешь не бояться...» — «Да чего ты решил, что я боюсь? Не боюсь я вас ничуть... Во сколько выходить?» — «Лучше всего утром, часов в девять-десять». — «Ладно, договорились. Приходи к десяти». — «Ну будь здоров!» — «Постараюсь».

Глебов выключает магнитофон.

— Молодец, Михаил, — одобрительно замечает Черкесов. — Неплохо сыграл свою роль, только вот хватит ли у него завтра храбрости пойти на эту встречу?

8. В поисках нелегкого решения

В Московском уголовном розыске в это время идет не очень приятный разговор о капитане Черкесове.

В руках комиссара милиции три фотографии, на которых Черкесов изображен со спины, сбоку и спереди, но не один, а под руку с Валентиной Ясеновой.

— С какой целью прислано нам это, ломать голову не приходится, — задумчиво произносит комиссар. — Текста к ним нет, но снимочки настолько выразительны, что он и не требуется. Конечно же, Черкесова хотят скомпрометировать.

— Но ведь вы же знаете, товарищ комиссар, что Черкесов никогда не позволил бы себе... — прерывает размышления своего начальника полковник Денисов.

— Я ничего пока не знаю, — хмурится комиссар. — Считайте меня вообще человеком недоверчивым, склонным к подозрительности. И вот такому человеку присылают фотографии этой милой парочки, прогуливающейся под руку. Вы посмотрите на их лица? Счастливые, влюбленные, да и только! А что, Черкесов не женат? Ну вот видите!.. Да не перебивайте вы меня, пожалуйста! Надо мной тоже есть начальство, и не исключено, что оно будет рассуждать именно так.

Полковник Денисов сидит теперь молча, отвернувшись к окну и насупившись. Комиссар встает из-за стола и начинает прохаживаться по кабинету.

В это время звонит телефон, и комиссар снимает трубку.

— Очень кстати! Пусть заходит. Это Черкесов, — сообщает он Денисову.

Капитан появляется через несколько минут. По-военному подтянутый, красивый.

— Разрешите, товарищ комиссар?

— Вот вы какой, товарищ Черкесов! — не без удовольствия разглядывает его комиссар. — Заходите, заходите и полюбуйтесь-ка на эти вот снимочки.

И комиссар протягивает капитану фотографии, присланные анонимным фотографом.

— Ах мерзавец! — невольно вырывается у Черкесова. — Успел, значит, даже сфотографировать...

— Вы что, знали разве, что за вами следит кто-то?

— Догадывался. Но если бы заметил, что он меня фотографирует, непременно бы задержал. А так повода не было...

— А моменты тут запечатлены весьма выразительные, — усмехается комиссар.

— Да, действительно... — смущенно произносит Черкесов, всматриваясь в фотографии. — Валентина Ясенева историю своей семьи мне поведала и всплакнула. Думаю, что на моем месте и вы бы, товарищ комиссар...

— Ну это еще неизвестно, как бы я на вашем месте, — посмеивается комиссар, — но я вас не обвиняю пока ни в чем, так что нечего и оправдываться. Расскажите-ка лучше, как у вас дела. Есть что-нибудь новое?

— Есть, товарищ комиссар. Только нужен магнитофон — одну запись хочу вам продемонстрировать.

Полковник Денисов достает из шкафа магнитофон, и Черкесов вставляет в него ленту с записью разговора Михаила с Благим.

— Ну и что же вы намерены предпринять? — спрашивает комиссар, прослушав запись.

— Хочу посоветовать Михаилу пойти на встречу с Благим.

— Он не испугается?

— Думаю, что нет.

— Хорошо, а как вы представляете себе их встречу? Полагаете, что они надеются, будто парень вернет им ленту?

— Может быть, они все-таки расправиться с ним хотят? — высказывает предположение Денисов.

— Едва ли, — отрицательно качает головой Черкесов. — Это они смогут сделать в другое время. У Михаила экзамены скоро, значит, хочешь не хочешь, а из дома нужно будет выходить.

— Что же им нужно от него сейчас?

— Может быть, подозрения свои хотят проверить? — высказывает новое предположение полковник. — Если Яснев принесет им ленту, они могут и усомниться, что он нам во всем признался. А не придет на встречу, тогда уж не останется никаких сомнений...

— Ну а если действительно захотят с ним расправиться? — спрашивает комиссар. — Есть у вас какой-нибудь план действий на этот случай, товарищ Черкесов?

— Да, товарищ комиссар. Я поручил старшему лейтенанту Глебову отработать систему его защиты. Только едва ли это понадобится: их, по-моему, интересует сейчас главным образом лента.

— Да, пожалуй, — соглашается комиссар.

— Как только они встретятся, немедленно надо...

— А вот этого-то как раз и не надо! За лентой придет скорее всего не Благой, а кто-нибудь из его подручных. И если мы возьмем его, то окончательно подтвердим их подозрения. Пусть Яснев отдаст им ленту и попытается снова войти в доверие к Джеймсу Благому.

— Как он тогда объяснит им, почему я с его сестрой прогуливался по улице Герцена?

— Не могли вы разве на самом деле за нею ухаживать? — улыбается комиссар. — Она ведь красивая девушка, а вы человек холостой и тоже парень хоть куда! Ваша прогулка с нею по улице — лучшее тому доказательство. О деле вы могли бы ведь и дома поговорить.

— Если вы так полагаете, товарищ комиссар...

— Да, я полагаю, что такое объяснение достаточно правдоподобно. Прежде, однако, поговорите с самим Ясневым. Возможно, он вообще не решится пойти на эту встречу. Тогда придется придумывать что-нибудь другое.

9. Испытание страхом

Хотя капитан Черкесов не очень был уверен в решимости Яснева встретиться с Благим, Михаил не только не раздумал, но и Валентину почти уговорил.

— Ты же не хочешь, чтобы я потом всю жизнь себя презирал? — спрашивал он сестру. — Я и так ни во что себя не ставлю с некоторых пор — дай же мне почувствовать себя человеком.

И Валентина его, кажется, поняла. А скорее всего просто побоялась, что все равно не удержит. Когда капитан Черкесов позвонил, она откровенно призналась:

— Вся надежда теперь только на вас, Олег Владимирович. Судьба Михаила, а может быть, и жизнь — в ваших руках. Но я верю в вас и почти не сомневаюсь, что с ним ничего не случится.

Черкесов обещал ей сделать все возможное и попросил передать трубку брату.

— Ну так вы, значит, готовы, Миша?.. — спросил он. — И никаких сомнений?.. Тогда к вам зайдет наш

товарищ — вы его уже знаете. Он с вами детально все обсудит.

Поздно вечером, когда Глебов собирается к Ясеновым, Черкесов напоминает ему:

— Не забудьте, Федор Васильевич, предупредить Михаила, что Благой ищет встречи с ним, может быть, не только для того, чтобы получить магнитную ленту.

— А я бы не стал этого делать, — возражает Глебов, — Нервничать только будет. Может и вовсе отказаться от встречи...

— Таково требование комиссара, — поясняет Черкесов. — И я с ним вполне согласен. Но мне думается, что Михаил не заробеет. В таком случае пусть будет готов ко всему...

От Ясеновых Глебов возвращается в начале одиннадцатого.

— Ну все в порядке, — с облегченным вздохом докладывает он. — Парень в полной боевой готовности. Похоже, что у него настоящий характер.

— Теперь займемся разработкой тактики нашего завтрашнего поведения в Калашном, — приглашает Черкесов коллег к столу. — Я набросал схему этого переулка и улицы Герцена. Попробуем представить себе, что же может там произойти. Ясенов свернет туда с улицы Герцена, и мы посоветуем ему держаться подальше от домов, чтобы кто-нибудь не набросился на него из-за угла или подъезда. Думаю, что ему не следует проходить всю улицу, а вот только до сих пор. Ну а что будем делать в это время мы? Ваше мнение, Федор Васильевич?

Старший лейтенант Глебов сосредоточенно трет крутолобую, гладко выбритую голову. Потом не торопясь, со знанием дела, излагает свой вариант скрытой охраны Ясенова. Предложение его кажется Черкесову разумным. Но тут просит слова один из прикрепленных к ним сотрудников и предлагает поступить по-другому, и этот вариант операции оказывается таким бесспорным, что все единодушно его одобряют, а лейтенант, смущенно улыбаясь, поясняет:

— Это у меня на основании личного опыта... Однажды, когда я еще учился в школе, меня собирались избить хулиганы. Моим друзьям стало известно об этом,

и они выработали примерно такую же вот тактику моей защиты.

Утром, когда капитан Черкесов набирает номер телефона Ясеневых, у него все еще нет полной уверенности, что Михаил не дрогнет. Но тот отвечает бодро:

— Я готов, Олег Владимирович. Чувствую себя хорошо. Даже спал, как никогда, честное слово! Когда мне выходить? Через четверть часа?..

— Ну, как он? — интересуется Глебов. — Храбрится?

— Да, старается казаться бодрее, чем чувствует себя на самом деле. Во всяком случае, я не очень-то верю, что он спал эту ночь спокойно...

До угла Калашного переулка остается всего пятнадцать метров, а Михаилу кажется, что нужно преодолеть километры. Навстречу идут прохожие, не подозревая, какое испытание, а может быть, даже подвиг предстоит совершить ему через несколько минут. Среди прохожих есть, наверно, и сотрудники милиции, опытные оперативные работники, внимательно следящие и за ним, и за теми, кто проходит мимо него. У них зоркий глаз, и, если только подослан к нему убийца, схватят его, прежде чем тот успеет вонзить в него финку или выстрелить из пистолета...

Но такие утешительные мысли сразу же покидают Михаила, как только сворачивает он с улицы Герцена в Калашный переулок. Противная мелкая дрожь начинает пронизывать все его тело, а ноги становятся непослушными. То, что взмокли вдруг руки, еще не очень тревожит его, но постепенно пот проступает и на лбу...

Путь до того места Калашного переулка, которое указал Черкесов, стоит Михаилу немалых усилий. Но понемногу мысли его становятся спокойнее. Не обязательно ведь должен кто-то на него напасть. Скорее всего Благой подойдет к нему кого-нибудь за магнитной лентой. А если даже Джеймс решит с ним расправиться, то едва ли сделает это сам Благой. Скорее всего поручит какому-нибудь юнцу. Но Михаил не даст резать себя, как барана! Он сумеет защитить себя, по крайней мере, до тех пор, пока подоспеет помощь...

Капитан Черкесов сидит, наверно, в какой-нибудь машине и следит за ним оттуда. А вот те двое атлетического сложения, наверняка оперативники из уголовного розыска. Да и тот, что прошел сейчас мимо и виден теперь со спины, чертовски похож на старшего лейтенанта Глебова. Ну а прохожие, разве они не заступятся, не помогут?

В этом он, правда, менее уверен, но хорошо знает, что типы, с которыми имеет дело Благой, не очень любят дневной свет и свидетелей. Они предпочитают действовать вечером, а еще лучше ночью, когда никого нет вокруг...

Сколько же, однако, можно еще бродить? Прошло около пятнадцати минут, и он трижды дошел за это время до того места, о котором договорился с капитаном Черкесовым. Наверно, эти подонки так и не решились осуществить своего замысла...

«Пройдусь еще раз туда, обратно, и все!» — решает Михаил. После этого можно будет вернуться домой с сознанием выполненного долга.

На всякий случай он оглядывается по сторонам — может быть, работники милиции подадут ему какой-нибудь сигнал? Но нет, никто из прохожих даже не смотрит на него.

Михаил останавливается на углу улицы Герцена и Калашного переулка, долго смотрит на часы, потом не спеша идет к своему дому.

Валентина уже ждет его у дверей квартиры и начинает так порывисто целовать, будто он вернулся с того света. Лицо у нее заплаканное, бледное и говорит она прерывающимся от волнения голосом:

— Ну, как?.. Что они от тебя хотели?.. Ты все сделал, о чем просил тебя Олег Владимирович? Не оробел?

— А чего было робеть-то? — счастливо улыбается Михаил. — Меня никто и пальцем не тронул. Попугать, наверно, хотели, нервы пощекотать...

И вдруг телефонный звонок.

— Бери трубку, это капитан Черкесов, наверно, — говорит ему Валентина.

Но Михаил слышит в трубке голос Благого.

— Что, струхнул? — хохочет он. — Успел уже трусы переменить?

«Скотина!» — хочется крикнуть Михаилу, но он сдерживается, ждет, что еще скажет ему Благой.

— И как это ты решился пойти со мной на встречу? Неужто не побоялся, что я тебя могу пырнуть?

— А за что? — с притворным удивлением спрашивает Михаил. — Я ведь ленту никому не передавал. Мне она самому нужна...

— Ты все равно заслужил наказание за то, что ее украл, — прерывает его. Благой. — Мы ведь смонтировали ее для розыгрыша, а ты нас теперь под «вышку» хочешь? Конечно, надо было бы тебя проткнуть, но это мы еще успеем, если установим, что ты с муровцами снюхался. Ну бувай здоров и жди от нас вестей.

— Господи! — испуганно восклицает Валентина, когда Михаил вешает трубку. — Магнитофон-то я забыла подключить...

10. Кто-то все-таки покушался на Михаила

— Выходит, мы их чем-то насторожили? — спрашивает Черкесова старший лейтенант Глебов, наблюдая, как Ясенов сворачивает из Калашного на улицу Герцена. — А Михаил держался молодцом.

— Вот это-то, пожалуй, их и насторожило, — рассказывает предположение Черкесов. — Наверно, они не ожидали от него такой выдержки, и это показалось им подозрительным. Я просто не вижу ни в чем ином нашей оплошности. На всякий случай нужно все-таки прочесать весь Калашный переулок. Пусть проверят все дворы и подъезды. Поручите это...

— Я сам этим займусь, — перебивает Черкесова Глебов. — На всякий случай я распорядился, чтобы сразу же, как только Ясенов уйдет из Калашного, оцепить переулок. Вы подождете, пока я осмотрю тут все, или поедете в райотдел?

— Подожду.

Когда Глебов уходит, Черкесов по радиотелефону связывается с райотделом.

— От Ясенова никаких вестей? — спрашивает он дежурного.

— Я только что разговаривал с ним, товарищ капитан. Едва он вошел в дом, как ему Благой позвонил. Сказал, что они подшутили над ним, хотели будто бы поугатать. Но пригрозил всерьез расправиться, если он станет нам помогать.

— Позвоните Ясеневу и передайте, чтобы он никуда больше не ходил. Мы навестим его попозже.

Машина Черкесова поставлена так, что из нее хорошо просматривается весь Калашный переулок. Он видит, как Глебов и другие оперативные работники ходят из подъезда в подъезд.

«Едва ли они там кого-нибудь обнаружат, — думает Черкесов. — Благой снял уже, наверно, свою засаду... Но что такое? Кого это они выносят из подъезда? Похоже, что какого-то пропойцу, потерявшего сознание... И, кажется, несут ко мне. Но это уж они зря... Пусть бы им работники местного отделения занялись, у них есть тут своя машина, а нам сейчас не до того...»

— Зачем вы его сюда? — недовольно спрашивает он Глебова.

— Финку мы у него нашли, товарищ капитан. Не ему ли было поручено расправиться с Ясеньевым? Наверно, он для храбрости как следует выпил, да перебрал...

Капитан Черкесов внимательно рассматривает лицо мертвецки пьяного парня. Оно совсем юное. Парень не старше Михаила, пожалуй. Может быть, еще совсем недавно был с ним в одной компании, слушал те же поучения Джеймса и его теорию о сверхчеловеках...

К Ясеньевым Черкесов решает теперь сходить сам. Он идет к ним поздно вечером, высоко подняв воротник плаща и надвинув шляпу на самые глаза — на улице моросит дождь.

Открывает ему Михаил. Капитан шутит:

— Ишь каким храбрым стал! А если бы это Благой?

— Я действительно стал очень храбрым с сегодняшнего дня, — счастливо смеется Михаил и добавляет: — Но и осторожным. Прежде чем дверь открыть, посмотрел через прорезь почтового ящика. Это вы меня не только храбрости, но и осторожности научили. Спасибо вам, Олег Владимирович!

— Этому, Миша, трудно научить. Это нужно самому в себе воспитать... Валентины Николаевны что, нет разве дома?

— Ушла к больной подруге. Скоро должна вер-

нуться. Вы, значит, думаете, что мужество можно все-таки в себе воспитать? А если все в человеке предопределено? Люди рождаются ведь либо со способностями властвовать и вести за собой других, либо без этих способностей, и тогда их участь...

— Быть «ведомыми»? — смеется Черкесов. — Это вам, конечно, Джеймс втолковывал? Психологи-материалисты думают по-иному. Они считают, что психику человека формирует социальная среда. Но вам, наверное, внушали, будто среда уродует человека, делает его неврастеником, подавляет в нем «естественного человека». А этот «естественный человек», если смотреть правде в глаза, всего лишь человекообразная обезьяна, потому что человек без общества, это, по существу, животное...

Они так увлечены беседой, что не слышат, как Валентина открывает входную дверь. Снимая мокрый дождевик, она настороженно прислушивается к голосам, доносящимся из комнаты брата.

Капитан заводит этот разговор неспроста. Ему хочется отвлечь Михаила от мысли, что с ним произошло сегодня нечто необычное, что он совершил почти подвиг.

Валентина тем временем успевает поправить волосы и подкрасить губы. Открыв дверь комнаты брата, она приветливо здоровается с Черкесовым, который поспешно встает при ее появлении.

— Пока я раздевалась, слушала ваш ученый разговор, — улыбаясь, говорит она Олегу Владимировичу. — И откровенно хочу вам признаться — удивляюсь, откуда у вас такие познания?

— Ну, видите ли, во-первых, у меня высшее юридическое образование...

— Э, знаю я многих с высшим! — пренебрежительно машет рукой Валентина. — Очень ведь быстро все выветривается.

— Это у того, кому приобретенные познания — без особой надобности, — замечает Черкесов. — А я веду дела главным образом несовершеннолетних правонарушителей, и мне необходимо многое знать. Без этого просто не поймешь ничего в их психике. Да и не объяснишь им ничего толком... Ну да ладно, об этом в другой раз как-нибудь. Перейдем к делу.

Он достает из кармана несколько фотографий и раскладывает их перед Михаилом.

— Взгляните на снимки, Миша. Не встречались ли вы с этим человеком?

Михаил внимательно всматривается в фотографии парня, снятого анфас, в профиль и в три четверти. Лицо у него опухшее, с мешками под глазами. Смотрит он недоуменно, будто проснулся только что.

«Кажется, где-то видел...» — мелькает в голове Михаила, но на вопрос Черкесова он отвечает осторожно:

— Что-то не припомню... Да и снимки странные. Такое впечатление, словно его в нетрезвом виде фотографировали.

— Вот именно, — усмехается Черкесов. — А не пили ли вы с ним вместе у Джеймса?

Михаил снова берется за снимки.

— Возможно, — все еще не очень уверенно произносит он. — Мы там в трезвом виде вообще ни с кем не встречались. Да и особенно сближаться друг с другом не позволяли. Мне тогда казалось все это романтическим, таинственным. Мы даже по имени не имели права друг друга называть. У каждого была кличка.

— А у вас какая же?

— Гамлет.

— Гамлет?! — заметно оживляясь, переспрашивает Черкесов.

— Тоже мне — принц датский! — смеется Валентина.

— Посмотрите тогда еще раз, да повнимательнее, на этого парня, — кивает Черкесов на фотографии, все еще лежащие на столе. — Мы выбрали его мертвецки пьяным в одном из подъездов Калашного переулка. В бреду он произносил несколько раз имя Гамлет. Мы тогда не понимали, почему, оказывается, он за вами следил...

— Да, уж теперь все яснее ясного! — нервно вздрагивает Валентина.

Михаил почесывает затылок, морщит лоб.

— Кого-то он мне напоминает... Но сказать с уверенностью, что видел его у Джеймса, не могу. Может быть, еще вспомню...

— Мы его вам завтра покажем в натуральном, так сказать, виде, — говорит Черкесов, забирая фотографии. — А теперь еще одна новость — нашли наконец

того шофера, который возил вас девятого мая к Джеймсу. Его номер оказался шестьдесят шесть — девяносто девять. У него хорошая зрительная память, и он довольно точно описал нам вас. А в нарисованном им словесном портрете Благого получилась вовсе не свирепая, а скорее добродушная физиономия. Кстати, кое-кто из «воспитанников» Благого так же его изображают.

— Да они просто не очень его знают! — раздраженно восклицает Михаил. — Уж мне-то хорошо известно, какая это скотина! А у скотины...

— Ну, знаешь ли! — возражает ему Валентина. — У иной скотины вполне благообразное обличье. А о Благом ты, наверно, не в состоянии говорить объективно, потому что слишком его ненавидишь.

— Да, пожалуй... — угрюмо соглашается Михаил.

— У меня к вам еще одна просьба, — обращается к нему Черкесов. — Шофер, которого мы нашли — Лиханов его фамилия, — уверяет нас, что помнит, куда он возил вас в тот вечер. Если не возражаете, мы съездим туда вместе с вами.

— Какие могут быть возражения! — восклицает Михаил. — Да хоть сейчас!

— Сейчас не надо, а завтра, пожалуй, съездим. Вечером, часов в девять. Договорились? За вами заедут. Ну а теперь я должен с вами попрощаться.

1. В „колледже“ Джеймса

Они выезжают ровно в девять на такси Лиханова. Ему лет тридцать, не более. Смугл, худощав. Черкесов сидит с ним рядом, на заднем сиденье — Михаил Яснев с Глебовым и Платоновым.

— Повезу вас тем же маршрутом, что и девятого мая, — бойко говорит Лиханов. — Сами увидите, какая у меня память. Что твоя фото пленка. Неверно разве я вам этого парня изобразил? — кивает он на Михаила. — Помните, о родинке его говорил? Вот она, эта родинка, на левой щеке. Я и того, второго, типа досконально вам обрисовал. Мне бы не в таксомоторном парке, а в милиции работать...

«С таким-то языком», — укоризненно думает о нем старший лейтенант Глебов.

А шофер болтает без умолку:

— Я сразу заметил, что ребята были навеселе. Особенно этот вот. Хохотал всю дорогу. Тот, другой, все шутил. Видать, весельчак! Только уж много блатных словечек в его разговоре. Я, конечно, извиняюсь — не в свое дело, наверно, лезу, но вы ими правильно заинтересовались...

— Может быть, помолчим немного, — с досадой замечает Глебов.

— Это можно, — безобидно соглашается Лиханов.

Машина миновала уже Рижский вокзал и с проспекта Мира свернула на Мурманский, в сторону Новоховрина.

— Вот до этого места я их довез, — притормаживая, говорит Лиханов. — Тут они со мной расплатились и пошли дальше пешком. А куда — в темноте не разглядел. Ну, как мне теперь — ждать вас тут или можно возвращаться?

— Возвращайтесь, — разрешает Черкесов.

Некоторое время они стоят на углу какой-то темной улицы, осматриваясь по сторонам.

— Я нарочно решил сюда ночью приехать, — говорит Михаилу капитан. — Чтобы все было, как в тот раз.

— Да и не только в тот, — добавляет Глебов. — Они сюда всегда ночью или поздним вечером приезжали. Ну как, вспоминаете что-нибудь?

— Подождите, дайте сообразить, — просит Михаил. — Где-то тут я в канаву проваливался...

— Вот здесь, может быть? — спрашивает майор Платонов. — Возле мостика?

— Да, верно! Именно с него... Потом, проволочный забор должен быть. Помнится, брюки как-то порвал. Ну да, вот он! А что дальше, не помню...

Они снова останавливаются, давая Михаилу возможность осмотреться и вспомнить, куда водил его Благой. Вокруг совсем темно. Загороженные густыми кустами сирени, окна одноэтажных домиков почти не излучают света.

— Да, местечко... — ворчит Глебов.

К ним присоединяются лейтенант Егошин и еще несколько человек из оперативной группы Черкесова, приехавшие следом за ними.

— Ну что, Миша, больше ничего не припоминае-

те? — спрашивает капитан. — Может, мы не туда по-
шли? Не влево вдоль забора, а вправо?

— Да нет, влево вроде... Тут картофельное поле
должно быть. Мы ходили прямо через него. Я как-то
сказал даже Благому: «Обойдем, может быть? Пере-
дадим тут все...» А он: «Твое оно, что ли?»

— Вон там, должно быть, это поле, — указывает
куда-то в темноту лейтенант Егшин. — Меня Лиха-
нов днем сюда привозил, и я хорошо ознакомился с
этим районом. За проволочным забором пустырь, а за
ним, наверное, то самое картофельное поле.

— А не спугнули вы их? — тревожится Глебов. —
Не могло им показаться подозрительным, что вы тут
разгуливали?

— Не думаю. Я действовал осторожно. Переоделся
даже в форму железнодорожника. Здесь ведь почти
одни железнодорожники живут.

Когда оперативная группа Черкесова подходит к
картофельному полю, Михаил ведет их увереннее.

— Все теперь вспомнил, — возбужденно шепчет он
капитану. — Как только пересечем поле, домик с тер-
раской должен быть. Там мы и гуляли...

— Это, наверное, домик вдовы железнодорожного
машиниста Бушуевой, — замечает лейтенант Егшин. —
Я у местного участкового кое о ком сведения тут со-
брал.

«Ну и зря... — все больше беспокоится Глебов. —
Не нужно было ему никого расспрашивать...»

Домик, к которому приводит оперативную группу
Ясенов, окружен невысокой оградой из штакетника и
густыми кустами сирени. Черкесов с Глебовым подхо-
дят к калитке ограды.

Михаил не испытывает пока никакого страха. Боят-
ся лишь одного — что не туда привел. Пытается даже
проскочить в калитку первым, но Черкесов осторожно
отстраняет его.

— Вы не ходите пока, — шепчет он. — Мы позовем
вас, когда будет нужно.

У Михаила начинает гулко стучать сердце...

«Что же это? Неужели не доверяет?.. Или боится
за мою драгоценную жизнь?..»

Калитка оказывается незапертой. Открывается она
без скрипа. Миновав кусты сирени, офицеры милиции
всматриваются в темные окна домика.

Потом Черкесов негромко стучит в дверь. Некоторое время никто не отзывается, а когда капитан уже собирается постучать вторично, в одном из окон вспыхивает свет.

— Кого это там господь принес? — слышится из-за дверей заспанный женский голос.

— Откройте, пожалуйста, не бойтесь.

— А чего мне бояться-то! — хрипловато смеется женщина. — Я, милые вы мои, никого не боюсь.

Дверь широко распахивается, и офицеры милиции видят высокую плечистую женщину в просторном халате.

— Прошу вас, гости дорогие, хоть и незваные, — весело говорит она. — За какой надобностью, однако, в столь поздний час?

— Мы из милиции, гражданка Бушуева, — отвечает ей капитан Черкесов. — И хотели бы...

— Ага, я так и догадалась! — бесцеремонно перебегает его Бушуева. — Это, наверно, по поводу проживания у меня квартиранта без прописки? Ну так он съехал уже. Распрощалась я с ним вчера — уж больно он шумный был.

— Ну а по какой же причине вы его не прописывали?

— А чего ж его было прописывать? — удивляется Бушуева. — Он и не жил тут почти. Приезжал раз-другой в неделю (с компанией, правда), ночевал и ука- тывал в город.

— И вам не казалось это странным?

— А чего ж тут странного-то? Человек он молодой, видать, из хорошей семьи и потому дома повеселиться как следует ему не разрешалось... Ну он и жаловал ко мне с приятелями. Но без девиц. С девицами я бы ему гулять тут не позволила. Это уж поверьте мне на честное слово. Да и веселились они интеллигентно. Без скандалов. Выпивали, правда, и этот, как его!.. Магнитофон гоняли нещадно. А музыка, сами знаете, какая у них теперь. Да еще и не наша, видать, хотя и от нашей тоже хоть уши затыкай. Вот бы куда милиции нужно было вмешаться.

— То есть куда? — не понимает ее Черкесов.

— Как куда? В музыку эту. Чтобы не сочиняли такого безобразия. Она ведь, молодежь-то нынешняя, как понаслушается музыки этой, так сама не своя делается.

Так что я прямо-таки рада-радешенька, что беспокойный квартирант мой съехал. Я давно уже собиралась попросить его подыскать себе другое пристанище, а он вдруг сам прикатил вчера под вечер и забрал все свои манатки.

— Покажите нам его комнату, — просит Черкесов. — Мы вообще весь дом ваш должны осмотреть.

— Это уж после того только, как вы документики свои мне предъявите.

— Пожалуйста. А вот разрешение прокурора на обыск. Ну а у квартиранта своего вы, надеюсь, тоже проверили документы?

— А как же? Все проверила. По паспорту он Дмитрий Андреевич Бутлицкий. Одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года рождения. Уроженец города Москвы. Холост. У меня память что ваш милицкий протокол. Я и служебное удостоверение его просмотрела. Инженером он работает в телевизионном ателье. Он и мне телевизор починил, так что это, видать, взаправду.

Тем временем Глебов с Платоновым начинают осмотр дома. Им помогает лейтенант Егосин.

— Может быть, Ясенева пригласить? — спрашивает капитана Глебов.

— Нет, не надо. Ему, пожалуй, не следует тут показываться. Что это тот самый дом, и без него ясно.

Обыск длится уже более получаса, но найти чего-нибудь существенного все еще не удастся. Майор Платонов обрабатывает магнитной кисточкой поверхности столов, спинки стульев, дверцы шкафов и почти всю посуду. А там, где обнаруживаются следы рук, переносит их на слеδοкопировальную пленку.

— Ну как? — спрашивает его Черкесов, закончив с Глебовым осмотр дома.

— Следов очень мало. Похоже, однако, что все тут тщательно протиралось или даже промывалось совсем недавно.

— Вы что, генеральную уборку вчера производили, мамаша? — спрашивает Бушуеву Глебов.

— Зовут меня, между прочим, Анфисой Тарасов-ной, — с достоинством замечает Бушуева. — А уборку я действительно производила. Они же тут так насвинячили, что без этого было нельзя. И посуду всю поза-лапали — выпивали ведь и закусывали. Пришлось пе-ремыть: моя посуда-то. Журнальчики и книги, которые

вы просматривали, — это тоже все мои. Ихнего вообще ничего больше нет. А бумаги, что от них остались, они сами во дворе сожгли.

— Ну а мусор, окурки — это ведь вы, наверно, вымели?

— Мусор они тоже сами сжигали.

— А раньше? В другие дни убирали же вы за ними?

— Убирала иногда. Ну так это все в помойке. Она у меня в огороде.

Глебов делает знак лейтенанту Егошину, и он выходит во двор.

«Действительно она чисто плотная такая или по их заданию навела тут такой порядок?», — досадливо морщится майор Платонов.

— А вы чего тут так все исследуете? — спрашивает Бушуева. В голосе ее никакой тревоги, одно любопытство.

— Ну я пойду к Егошину, Олег Владимирович, — говорит Платонов, закрывая свой чемоданчик. — Может быть, там что-нибудь поинтереснее обнаружится.

12. Впереди немалое трудностей

Спустя полчаса они возвращаются в райотдел. Михаил едет теперь в другой машине. Чтобы это не вызвало у него каких-либо тревожных мыслей, капитан крепко жмет ему руку и говорит:

— Ну спасибо вам, Миша! Вы очень нам помогли. Вас отвезут теперь домой, а мне нужно еще в райотделе побывать. Передайте привет сестре. До свидания!

А в машине он произносит с недовольным вздохом:

— Чем-то мы их все-таки насторожили...

— Да, — соглашается с ним майор Платонов, — видно, опытная публика.

— Так-таки ничего интересного и не обнаружилось? — спрашивает его Глебов.

— Кое-что есть, конечно. Несколько отпечатков пальцев, но очень слабых. Эта тетка основательно все протёрла, и не только сырой тряпкой. Ну а те следы, которые отчетливы, принадлежат, видимо, самой Бушуевой. Установить это будет нетрудно — я снял их с того стакана, из которого она пила что-то перед са-

мым нашим приходом. Да и во время осмотра ее квартиры к стакану тому прикладывалась. Отпечатки очень четкие, видно, все-таки нервничала мадам Бушуева, вот руки и вспотели.

— А остальные следы не очень, значит, четкие? — допытывается Глебов.

— Да, не очень.

Капитан Черкесов только теперь чувствует, как устал за сегодняшний день. А каков результат?.. И вообще все очень еще зыбко. Подростков, убивших Анну Зимину, хотя и поймали, да что толку? Они признались во всем, но и без того ясно, что не они главные виновники этого убийства. Допрос лишь подтвердил, что их специально спаивал кто-то и доводил до озверения. Конечно, они будут наказаны, невзирая на то, что и сами в какой-то мере были жертвами истинных преступников.

А кто же эти преступники? Весьма возможно, что Джеймс и Благой. Доберемся, конечно, и до них. Ребята, напавшие на Сорочкина, опознали ведь Благого по голосу на магнитной ленте. Он, правда, известен им как дядя Жора. А те, которые убили Зимину, называли его, оказывается, Папой.

«Ишь как ласково — Папа, — невольно усмехается Черкесов. — Наверно, отца родного перед ними разыгрывал. Да и у подопечных его клички в том же стиле: Малыш, Сынок, Паря... Видно, Благой не лишен педагогического чутья...»

— Вы записали фамилию квартиранта Бушуевой, Федор Васильевич? — обращается он к Глебову. — Уточните немедленно в адресном столе, существует ли такой. По словам Бушуевой, он работает в телевизионном ателье. Нужно проверить, хотя все это едва ли подтвердится.

— Конечно же, это типичная липа!

— Но Бушуева тут может быть и ни при чем...

— А меня другое беспокоит, — говорит майор Платонов. — Почему они ликвидировали свой «колледж» столь поспешно.

— Может быть, в какой-то мере лейтенант Егошин тут виноват, — замечает Глебов. — Проявил усердие сверх меры...

— Не думаю, чтобы насторожило их это, — задумчиво произносит Черкесов. — После того как они стали

подозревать, что Ясенов нам во всем признался, Джеймс и его сообщники вообще были уже начеку...

Всю остальную дорогу они едут молча, раздумывая каждый о своем. Постепенно усталость начинает сказываться все сильнее, и мысли Черкесова теряют стройность. Думается теперь о вещах, далеких от того трудного дела, которым приходится заниматься буквально день и ночь. Все чаще почему-то возникает образ Валентины Ясеновой, и он ловит себя на желании заехать к ней сейчас вместе с Михаилом, посидеть в их уютной квартире, поболтать о чем-нибудь не очень серьезном, попить горячего чая.

Скорее бы уж завершалась эта операция, тогда можно было бы зайти к ним просто так...

Михаил приезжает домой в двенадцатом часу. Валентина встречает его тревожным вопросом:

— Ну как?

— Я их не подвел! Нашел-таки берлогу Джеймса и Благого.

— И их арестовали?

— Нет, там никого из них не оказалось. Но вот увидишь, их обязательно арестуют! Знаешь, какие это толковые ребята?

— Какие ребята?

— Работники милиции, с которыми я ехал обратно.

Глаза у Михаила горят от возбуждения. Он полон острых впечатлений, но и голоден, как никогда. Торопливо вымыв руки, он бросается к столу, будто не ел целую неделю, он расправляется с курицей «вручную», спеша не только насытиться, но и поведать Валентине обо всем, что видел и слышал в этот удивительный для него вечер.

— Да, привет тебе от Олега Владимировича, — вспоминает он наконец о просьбе Черкесова, и у Валентины сразу становится теплее на душе от этого, казалось бы, такого обычного ничего не значащего слова «привет».

Она хочет спросить о чем-то брата, но он весь отдался чревоугодию и воспоминаниям, и его уже ничем невозможно остановить.

— Эти парни из милиции наговорили мне чертовски много интересного, — захлебываясь, рассказывает

Михаил. — В их работе меньше всего, оказывается, стрельбы и погони...

— Ты лучше помолчи немного, да хорошенько пережевывай то, что ешь, — смеется Валентина, протягивая брату бумажную салфетку.

— А ты слушай и не перебивай. Математики, кибернетики и криминалисты уже работают сейчас над исследованием признаков внешности. Автоматы теперь сами будут опознавать подозреваемых по фотографиям...

— Ну я вижу, ты в полном восторге от этих лейтенантов и готов, кажется, последовать их примеру.

— А что ты думаешь! После окончания школы я бы, пожалуй...

— Не торопись, — перебивает его сестра. — Не забывай, что еще совсем недавно ты готов был под руководством Джеймса и Благого стать гангстером или суперменом, что, в общем-то, одно и то же. Кончай-ка ужинать и ложись лучше спать.

13. „Составной портрет“ Благого

Неприятности у Черкесова начинаются с самого утра. Едва капитан входит в свой кабинет, как раздается телефонный звонок.

— Докладывает Егосин, — слышит он взволнованный голос лейтенанта. — Я по поводу Дыркина, который Ясенева должен был... Припоминаете? Да, правильно, отправили в вытрезвитель. Но начальник вытрезвителя забыл, оказывается, предупредить своего помощника, а тот выпустил Дыркина, как только он проспался... Да, дома у него я уже был и разговаривал с его матерью, но разве он явится теперь домой?.. А мать не знает ничего или делает вид... Ясно, товарищ капитан, приму все меры...

Едва Черкесов кладет трубку, как входит Глебов.

— Насчет Дыркина знаете? — спрашивает его капитан.

— Что с ним?

— Сбежал Дыркин.

— Быть не может! Мы же предупреждали работников вытрезвителя...

— Плохо, значит, предупреждали.

— Ну прямо-таки одно к одному! — разводит руками Глебов.

— Случилось, значит, и еще что-то?

— Мадам Бушуева исчезла. Участковый уполномоченный только что позвонил. Сообщил, что дом ее на замке. От соседей узнал, что она уехала к своим родственникам в другой город.

— Да, сюрпризик... — вздыхает капитан Черкесов.

— А эти подонки, убившие Зимину, вас не интересуют?

— Двух допрошу еще раз: Васяткина и Назарова. Вы договоритесь об этом со следователем.

— Ловко они все свои концы попрытали, — озадаченно покачивает головой Глебов. — Теперь притаятся на какое-то время, а у нас никаких ориентиров. О Джеймсе вообще почти ничего. Когда вы Бушуеву о нем расспрашивали, она такой призрачный портрет нарисовала, что и родная мать никогда бы его не опознала. Все ее анкетные данные о нем, как я и думал, сплошная липа. Не сомневаюсь, что и отпечатков его пальцев в квартире Бушуевой Платонов не обнаружит. Такой и дома, наверное, не снимает перчаток, чтобы следов не оставлять.

— Знаете, что по поводу таких осторожных бандитов сказал один французский юрист? — спрашивает Черкесов. — Он сказал, что преступление только начинается в перчатках, а кончается в рукавицах. В рукавицах каторжника, конечно.

— Ничего не возразишь, — хмуро усмехается Глебов, — остроумно. Ну а Джеймса, если только мы его поймаем, ждет расплата посерьезнее...

— Почему же «если только поймаем»? Мы обязаны его поймать, хотя действительно пока мало что о нем знаем. А вот о Благом кое-что уже известно. Его видели несколько человек. И голос его у нас на пленке. К тому же он-то, конечно, никаких перчаток не носит и следов своих в квартире Бушуевой не мог не оставить. Но если даже их не окажется там, у нас есть возможность приступить к составлению его словесного портрета. Пусть возглавит это майор Платонов. Да вот он и сам — легок на помине! Мы с Федором Васильевичем решили приступить к составлению словесного портрета Благого, Серафим Силантьевич. Каково ваше мнение на сей счет?

... — Тогда, может быть, лучше составной портрет? — предлагает Платонов. — Словесным описанием не всегда ведь удастся создать достаточно наглядное представление о внешности. Графическое или фотографическое изображение, по-моему, гораздо выразительнее. За это возьмется специалист — художник, знакомый с криминалистикой и судебно-следственной практикой.

... — Вот давайте и займемся этим с завтрашнего дня. Кого бы вы хотели в помощь из нашей оперативной группы?

... — Пока достаточно будет одного лейтенанта Егшина. Он производит на меня впечатление толкового парня. А кого мы будем опрашивать?

... — Да почти всех, кто видел Благого. Ясенева, шофера Лиханова, участников убийства Зиминной и тех, которые напали на Сорочкина.

... — А самого Сорочкина?

... — Он все еще плохо себя чувствует, и врачи, наверно, не разрешат нам с ним беседовать. Распределим нашу работу так: Серафиму Силантьевичу поручим создание составного портрета, а мы с вами, Федор Васильевич, займемся составлением словесного.

Майор Платонов с художником Вадецким приступают к работе с утра следующего дня. Из тех, кто видел Благого, проще всего было бы пригласить Михаила Ясенева, но Платонов решает начать с шофера Лиханова.

... — У него на редкость хорошая зрительная память, — объясняет он свое решение капитану Черкесову. — А Ясенов не очень уравновешен и потому не может быть достаточно объективным.

Лиханов, вызванный в райотдел, без особых затруднений отвечает на все вопросы Вадецкого и Платонова, называя наиболее характерные черты внешности Благого. Но, когда Вадецкий показывает ему первый набросок, Лиханов подвергает его критике:

— Нет, нет, совсем не то! Почти никакого сходства.

— А что же именно «не то»?

... — Да почти все. Ну вот хотя бы лоб... Да, правильно, я сказал, что он большой, но теперь вижу, что не во лбу тут дело, а в залысине. Это из-за нее, наверно, лоб его показался мне большим. И нос тоже не тот...

Правильно, крупный и приплюснутый, но не от природы, а скорее всего заехал ему кто-то в драке. У боксеров такие носы бывают.

Он делает весьма существенные замечания и по другим чертам портрета Благого. А когда Вадецкий показывает ему второй набросок, одобрительно кивает:

— Ну вот — совсем другое дело!

Но, присмотревшись, снова с сомнением покачивает головой:

— Все-таки не совсем то. Не хватает чего-то в выражении глаз, да и рот не такой... А глаза у него с хитринкой.

После третьего наброска Лиханов неожиданно заявляет:

— Теперь все вроде так, а сходства еще меньше... Но я уж и не знаю, чего еще тут недостает...

— Ну ладно, товарищ Лиханов, кончим пока на этом. Спасибо вам за помощь, — благодарит его майор Платонов.

Все три наброска Вадецкого он показывает потом некоторым из тех, кто участвовал в убийстве Зиминой и нападении на Сорочкина. Большинство не находит в них сходства с дядей Жорой или Папой. Только один парень, несколько постарше и посерьезнее других, замечает:

— А по-моему, что-то есть... Но уж очень он тут хитер, а дядя Жора добрый.

Подсказать что-нибудь определенное он, однако, не может или не хочет.

— Что теперь делать будем? — обескураженно спрашивает Платонова Вадецкий. — Похоже, что мы еще очень далеки от подлинного облика Благого...

— А я другого мнения, — убежденно говорит Платонов. — Главное мы, по-моему, схватили. Обратили вы внимание на выражение глаз парней, которым мы показывали набросок? Я внимательно следил за ними и почти не сомневаюсь, что во втором наброске они узнали Благого, только не захотели в этом признаться.

А Михаил долго рассматривает все три наброска и ни на одном из них не может остановиться.

— В отдельности все вроде похоже, — задумчиво говорит он. — И нос, и лоб... даже подбородок. Но вот глаза и рот явно не его. Глаза у него злые, а рот ехидный.

— Ладно, а теперь давайте попробуем создать «портрет» Благого еще и по методу фоторобота, — предлагает Платонову Черкесов. — Наброски, сделанные товарищем Вадецким, не противоречат составленному нами словесному портрету, вот мы и подберем по ним фотографии для фоторобота.

На следующий день Платонов уже демонстрирует фоторобота сначала Лиханову, а потом тому парню, который узнал Благого на одном из набросков Вадецкого. На этот раз они более уверенно сходятся на одной, наиболее удачной, по их мнению, составной фотографии.

— А я все еще не очень убежден, — по-прежнему сомневается Михаил. — Хотя сходство уже есть, конечно. Особенно на этом вот варианте...

— На нем и остановимся, — решает Черкесов, так как портрет этот оказывается тем самым, на который указывал и Лиханов.

14. Володя Иванов — коллега Михаила по „колледжу“

Михаилу очень нелегко все эти дни. Он, правда, уже не досадует на себя за то почти животное чувство страха перед Благим и Джеймсом, которое испытывал еще совсем недавно. Ему даже кажется, что он почти совладал с собой, хотя и не стал храбрее. По-прежнему в каждом встречном парне чудится ему сообщник его бывших боссов. Но Михаил не сидит больше дома, несмотря на все просьбы Валентины, и уже в одном этом видит немалую победу над собой. Он, правда, не выходит пока по вечерам, но мог бы заставить себя выйти на улицу и с наступлением темноты, если бы оказалось необходимо.

Гнетет его теперь другое — невозможность хоть чем-нибудь помочь капитану Черкесову...

И тут Михаил вспоминает о Володе Иванове, с которым он познакомился у Джеймса.

— Чем-то ты знаком мне, парень, — сказал ему Володя при первой их встрече. — Похоже, что я где-то тебя видел.

— Так мы же в одной школе учимся... — начал было Михаил, но Володя торопливо прервал его:

— Ну и ладно. Помалкивай об этом. Завтра обо всем потолкуем.

А на другой день, увидев Михаила на школьном дворе, Володя сам подошел к нему.

— Привет, супермен! — с иронической усмешкой произнес он. — Ты давно у Джеймса?

— А ты не знаешь разве, что задавать таких вопросов не положено?

— Ишь какой дисциплинированный! А на нарушение правил самими боссами нашими не обратил внимания?

— Каких правил?

— Свели ведь вместе учеников одной школы. У них это тоже не положено.

— Могли и не знать, что мы из одной...

— Думаешь, значит, что по оплошности? А я не очень в этом уверен. Я у них не первый день, и все их правила хорошо знаю. У них так просто ничего не делается. Не знать, что мы из одной школы, они не могли. Скорее всего с кадрами кандидатов в супермены стало плоховато.

— Слушай, Володя, чего это ты со мной так разоткровенничался?

— Да потому, что супермен из тебя такой же, видно, как и из меня. И вообще, боюсь, что влияли мы с тобой, парень...

Он не стал ничего больше объяснять, а через несколько дней покинул и школу, и «колледж» Джеймса, так как отца его перевели в другой город. Потом уже, недели две или три спустя, Джеймс неожиданно сказал Михаилу:

— Трепач твой «коллега» Иванов. Никуда, оказывается, отца его не переводили. Просто перебрались они на другую квартиру.

— Не понимаю, зачем ему было сочинять это? — удивился Михаил.

— От нас хотел избавиться. А это знаешь, чем пахнет? Надо бы его предупредить. И хорошо бы сделать это тебе. Не знаешь, где его искать? Зато я знаю. Сходи к нему завтра и поговори. Пристыди как следует. Он ведь не только меня с Благим, но и тебя предал.

Михайлу не хотелось, но он пошел. Как было не пойти, если Джеймс приказал!

Володя Иванов очень удивился, увидев Михаила, но сразу же догадался, зачем он к нему. Однако перед матерью и сестрой виду не подал, что визит этот ему неприятен. Напротив, кинулся чуть ли не обнимать Михаила, бросив матери:

— Это не из тех, мама. Это мой приятель по прежней школе.

А Михайлу шепнул:

— Уговаривай меня прогуляться с тобой по улице...

Михаил так и сделал, и они вышли из дома.

— Джеймс прислал? — хмуро спросил его Владимир. — Выследил, значит... Уговаривать поручил, чтобы вернулся? Нет уж, хватит с меня его науки! Предкам моим и так из-за этого пришлось на другую квартиру переехать...

— Ты разве рассказал им все?

— Они и сами догадывались, в какую компанию я попал. Чуть ли не каждый день пьяным домой приходил — нетрудно было сообразить, с кем я связался. Хорошо еще, что мама многое от отца скрывала. Ну а потом, когда решила наконец рассказать ему о моих похождениях, был у меня с отцом разговор! Он у нас человек энергичный — сразу же решил вырвать меня из дурной среды. Но под дурной средой он имел в виду просто шалопаев, а не «колледж» Джеймса. Я его не стал разубеждать. Но если эти подонки будут меня преследовать, я ему все расскажу. Им непоздоровится тогда. Ты это так и передай. Да и сам сматывай-ка удочки, пока еще не поздно.

Так и ушел от него Михаил ни с чем. Да он и не пытался его уговаривать. И не потому только, что понимал всю бесполезность этого... А Джеймсу сказал:

— Послал меня Иванов к чертовой матери. И пригрозил отцу обо всем рассказать, если мы еще будем к нему приставать. А отец у него...

— Ладно, мы и сами знаем, кто его отец, — недовольно прервал Михаила Джеймс. — Однако Иванов напрасно надеется так просто от нас отделаться...

Разговор этот произошел незадолго до того, как Михайлу продемонстрировали магнитофонную запись. Он

хотя и сообщил Черкесову, что бывший его однокашник сбежал от Джеймса, но, где он теперь, не сказал, боялся подвести парня. А надо бы, пожалуй, посоветоваться обо всем случившемся с Володей. Может быть, он сам захочет помочь капитану...

И он решает снова встретиться с Ивановым.

Дверь ему открывает Вика, сестра Владимира, ученица восьмого класса. Она помнит Михаила еще по первому его посещению их дома и охотно отвечает на его вопросы.

— Володи нет дома, — бойко говорит она. — Он на даче. Только что звонил мне отсюда. Вы хотели бы с ним поговорить? Ну так я сейчас соединю вас с ним.

Вике не более пятнадцати, но держится она как взрослая. Небрежным движением указательного пальца ловко набрав нужный номер, она кричит в трубку:

— Это ты, Володя? Здравствуй еще раз. Приятель твой у нас. Кто? Сейчас узнаю...

— Скажите, что Ясенов, — подсказывает ей Михаил. — Миша Ясенов. А лучше — дайте-ка мне трубку. Здравствуй, Володя! Ты мне чертовски нужен! Нет, нет, не от него. Твоему совету последовал и послал их сам знаешь куда. И теперь мне очень нужно потолковать с тобой. Приехать к тебе? А Вика расскажет, как добраться?

— Да, да, я все вам объясню, — понимающе кивает Вика. — Это, в общем-то, недалеко.

«А как же Валя? — вдруг вспоминает Михаил о сестре. — Нужно бы как-то сообщить ей об этом... Или, может быть, уже отсюда по Володиному телефону?..»

— Ну так как? — кричит из трубки Владимир. — Приедешь? Вот и ладно! Я тебя встречу на станции. Ты давай тогда прямо на метро, успеешь на часовой поезд, он идет до Ландышевки без остановок.

— Решились, значит? — спрашивает Вика. — Я вас провожу до самого метро. Мне к подруге надо. А дорогой расскажу, как до нашей дачи добраться. Володя вас встретит? Ну все равно вам это не мешает знать на всякий случай.

Звонкий голосок ее не умолкает и на улице:

— Вы в Ландышевке не бывали, значит? Вам она очень понравится. Я отсюда никогда бы не уезжала, если б не уроки музыки у Инессы Ивановны, которую мама считает почему-то потрясающей пианисткой.

А Володя на даче один, если не считать тети Поли, и ему там скучно. Теперь с вами будет веселее, конечно. Мы ведь только в субботу к нему приедем. Привет ему от нас передайте.

Прислушиваясь к щебетанию Вики, Михаил замечает, что за ними, не отставая и не обгоняя, упорно идет какой-то парень. Похоже даже, что он прислушивается к их разговору. Михаилу кажется это подозрительным, и он собирается попросить Вику не говорить так громко, но вместо этого спрашивает:

— А не кавалер ли это ваш идет за нами? Обернитесь-ка незаметно и посмотрите на него.

— Скажете тоже, кавалер! — смеется Вика, но оглядывается не без любопытства и с заметным разочарованием замечает: — Впервые вижу такого. А он что, все время за нами?..

— Это мне, наверно, показалось, — деланно-равнодушным тоном отвечает Михаил.

— Ну я уже пришла, — протягивает ему руку Вика. — До свидания! Моя подруга вон в том доме живет. А вы садитесь на метро — как раз успеете к отходу электрички на Ландышевку.

Направляясь к станции метро, Михаил размышляет, случайно шел за ними этот парень или следил и прислушивался к их разговору? Он и сейчас идет за ним, только немного приотстав. Михаил теряет его из виду лишь в вестибюле метро, переполненном пассажирами. Не видит он его и в электричке, хотя ощущение, что он где-то поблизости, не покидает его до самой Ландышевки.

15. Серьезный разговор

— Молодец, что приехал! — радостно приветствует Михаила Владимир. — А еще больше молодец, что ушел от этих подонков. Когда решился?

— Да уж больше недели, пожалуй, — отвечает Михаил, а сам все поглядывает на сошедших с поезда пассажиров. Один из них кажется ему похожим на того парня, который шел за ним, но он вскоре теряется в толпе.

«Говорить о своих подозрениях Володе или не говорить? — торопливо думает Михаил. — Не стоит тре-

вожить, пожалуй. Мне это могло только показаться... Да и что удивительного, если тот парень тоже сюда приехал? Может быть, он живет тут...»

— А ты не знаешь случайно, не напала еще милиция на их след? — доходит до сознания Михаила вопрос Володи. — Ведь если их возьмут, они на следствии все могут рассказать. Всплывут тогда и наши имена...

— А я этого не боюсь.

— Храбрый какой!

— Нет, я не храбрый. Благого, например, все еще до смерти боюсь.

— А милиции, значит, не боишься?

— Милиции не боюсь. Я ей во всем признался, как только с Джеймсом и Благим решил порвать. Но как я ни боюсь Благого — все готов сделать, чтобы помочь милиции его поймать...

— И откуда такая решимость! — усмехается Владимир. — Милиция и без тебя до них доберется. Выбрось ты это из головы — какой из тебя Шерлок Холмс! Поживи лучше со мной на даче. Мы неплохо проведем время. Смотри, какая вокруг благодать! А в Ландышевке еще лучше. До нее недалеко — она вон за той рощей.

Они идут теперь берегом извилистой речушки, попросим кустарником. По другую сторону ее колышутся хлеба. В самом деле здесь красиво, но Михаилу сейчас не до красоты. Его тревожит легкомысленное настроение Владимира. Нужно поговорить с ним серьезно, а он красотами природы предлагает любоваться. С чего же начать, однако?..

И вдруг Владимир сам задает ему вопрос:

— Ты ведь по какому-то делу ко мне приехал? Что ж молчишь — выкладывай.

— А ты, я вижу, сбежал из «колледжа» Джеймса и успокоился? Судьба оставшихся там тебя уже не касается? Наслаждаешься тут красотами природы.

— Такой вопрос я мог бы задать и тебе. Знаю даже, что ответишь. Тебя, конечно, все это касается, а что толку? Что мы можем сделать? Попробуй только против них хоть что-нибудь. Да они нас...

— Скажи лучше прямо, что у тебя поджилки трясутся.

— И у тебя тоже. Но разве можно так жить? Хо-

дишь озираясь, сам себе противен: все ждешь, когда они пырнут тебя ножом...

— Ну уж прямо так и ножом...

— Меня чуть было не пырнули недавно, чудом уцелел.

— И ты все-таки выходишь на улицу и даже за город решил поехать?

Михаил сокрушенно вздыхает:

— А что толку дома отсиживаться? Сидел я, правда, сначала, ничего со страхом своим поделать не мог, а потом прямо-таки презирал самого себя. Пусть лучше они меня убьют, чем трусом таким жить на свете!..

— Сам, значит, на их нож лезешь?

— Так-то просто я им, однако, не дамся.

— Попробуй не дайся, — мрачно усмехается Владимир. — Да Благой тебя... Это ж горилла, а не человек! Ну а милиция что-нибудь предпринимает?

— А как же! Но ведь и Благой хитер. Его так просто не возьмешь.

— По-моему, не Благого, Джеймса нужно брать в первую очередь. Благой что — исполнитель его воли, грубая физическая сила... А Джеймс, видно, не просто уголовник...

— Почему «не просто»? Потому что работает под флемминговского Джеймса Бонда?

— Ну это-то главным образом для нас... Ужасно ведь романтично! А вот деньги у него откуда? Все попойки в «колледже» за его ведь счет. И непохоже, чтобы они с Благом занимались грабежами.

— Вот и надо вывести их на чистую воду...

Владимир невесело смеется.

— «Вывести на чистую воду»? Как? Мы знаем разве, где их найти? Или настоящие их фамилии? Ты же помнишь, как они нас в свой «колледж» возили: поздним вечером и всякий раз иной дорогой.

— Между прочим, милиция ту их «хазу» уже обнаружила.

— И взяла кого-нибудь?

— Успели смотаться.

— Ну вот видишь! Но раз милиция эту их секретную «хазу» обнаружила, значит, разыщет их и в другом месте.

— Ведь это я ей помог, — не без самодовольства

сообщает Михаил. — И теперь хорошо бы снова прийти им на помощь. Надо же грех свой искупить. Да и не потому только...

— Какой, собственно, грех? — возмущается Владимир. — Что пьянствовали вместе с Джеймсом? Но не убили же никого и не ограбили.

— Но могли бы сделать и то и другое. К тому шло... Нет нужды говорить высоких слов, но ведь свой элементарный гражданский долг должны же мы сознавать? У нас с тобой паспорта в карманах, а где же ответственность?..

— Ну ладно, ладно! Хватит тебе проповедь мне читать о моральном кодексе. Конечно, если этот «колледж» накроют, бывшие коллеги наши на допросах могут и о нас вспомнить. Но ведь мы нашли в себе мужество...

— Какое мужество?! Это страх заставил нас сбежать от Джеймса, а не мужество. Тот же самый страх, который и сейчас мешает честно искупить вину. Ну, как знаешь... Отсиживайся тогда тут на даче, а я...

Михаил поворачивается кругом и торопливо идет в сторону станции, не оглядываясь на Владимира.

— Да ты что?! — испуганно восклицает Владимир. — Чего обиделся-то?

Но Михаил, не оборачиваясь, идет все дальше. Похоже, что разозлился не на шутку.

— Ты же просто псих! — догнав его, кричит Владимир. — Это тебе в «колледже» нервы так истрепали. Смотри каким стал!.. Даже выслушать спокойно не в состоянии. Я ведь не против. Давай только трезво...

— Спасибо, обойдусь как-нибудь и без твоей помощи, — не останавливаясь, бросает Михаил.

— Да ей-богу же я всерьез! — почти молит его Владимир. — Скажи только толком, что делать надо. Есть же у тебя какой-то план?

— Нет у меня никакого плана, — все еще сердито огрызается Михаил, но Владимир уже остановил его и силой повернул в обратную сторону.

— Ну ладно, успокойся! Чего разбушевался? Посидим у меня, подумаем... Все равно ведь нет сейчас ни одного поезда в сторону Москвы.

Михаил идет назад нехотя, насупясь и не отвечая на вопросы. А Владимир говорит не умолкая:

— Ты что думаешь, меня на самом деле не мучила

все это время совесть? Я, если хочешь знать... Э, да что тебе объяснять! И между прочим, Джеймс ко мне не только тебя подсылал. Был и еще один посланец. Обещал, если вернусь, отпущение всех грехов. Если же слушаюсь, грозил расправой. Однако я снова послал его вместе с Джеймсом к черту...

— И сам поскорее на дачу?

— Да если они только узнают, что я тут один...

А Михаил с тревогой думает: «Теперь, пожалуй, уже знают. Если тот парень действительно за мной следил, видел, значит, кто меня встретил...»

Ему очень хочется обернуться и посмотреть, не идет ли кто за ними, но, чтобы не настораживать Владимира, не делает этого. К тому же наблюдают за ними, конечно, скрытно, из-за кустов.

— Ну вот мы и дома, — произносит Владимир, останавливаясь перед дачей, обнесенной высоким забором.

Из калитки им навстречу выходит благообразная старушка.

— Вот познакомьтесь, тетя Поля, — говорит Владимир, подталкивая к старушке Михаила. — Это тот самый Миша, которого я ждал.

— А я уж беспокоиться начала, — укоризненно качает головой тетя Поля. — Обед давно готов, а вас все нет и нет. Идите скорее мыть руки — и сразу же к столу.

Обед проходит почти в безмолвии. Тетя Поля удивляется даже:

— Что это вы молчаливые такие? Уж не поссорились ли?

— Ну что вы, тетя Поля, какая там ссора! Просто Миша грустную весть привез. Школьный товарищ наш в речке утонул. Сами понимаете, это не поднимает настроения...

После обеда в дачном садике они продолжают разговор.

— Так ты считаешь, что мы обязательно должны помочь милиции? — спрашивает Михаила Владимир с едва уловимой иронией. — Без нашей помощи они, значит... Ты только не психуй, с тобой и пошутить нельзя. Я понимаю, они, конечно, обойдутся и без нас, но мы вроде бы ускорим это дело... Так я тебя понял?

— Нет, не так, — мрачно отвечает Михаил.

— Ну так я тогда просто дуб, и ты мне объясни, как я должен тебя понимать. Только спокойно, если можешь.

— Нет, спокойно не могу. Спокойно об этом нельзя... И потом, что же тут объяснять? Просто это наш долг, а если ты меня все еще не понимаешь, то нам и говорить больше не о чем...

— «Долг»! — морщится Владимир. — Не люблю я этих громких слов. Тем более что понятие долга — полнейшая противоположность тому, чему учил Джеймс. Помнишь его разглагольствование о «свободе воли» и «полном раскрепощении от всего»?..

— Оказалось, что и в «колледже» Джеймса не все было дозволено, — вставляет Михаил.

— Вот именно! И вообще, «свобода воли» — сплошной миф. В библиотеке отца полно философских книг, так я почитал кое-что на эту тему...

— А я и из собственного скудного опыта понял, — перебивает его Михаил, — что стоит хоть ненадолго от человеческих обязанностей откеститься, как сразу же становишься скотиной. Вот и давай докажем хотя бы самим себе, что мы все-таки люди.

— Но что мы сможем? Погибнем только геройски, а скорее дурачки. Разве нам справиться с таким бандитом, как Благой?

— Зачем нам Благой? Мы возьмем кого-нибудь еще из их банды. Сдадим милиции, а уж она потом с его помощью и без нас до Джеймса и Благого доберется. Но это будет и наш вклад, так сказать...

— Как же ты это себе представляешь? — недоумевает Владимир. — Как мы сможем кого-то взять? И кого же именно?

— А вот послушай. Я заметил, что они давно уже ведут за мной слежку. Какой-то парень буквально ходит за мной по пятам.

Хотя Михаил еще недавно не совсем был в этом уверен, теперь он уже не сомневался, что все обстоит именно так.

— Вот мы и возьмем этого парня, — предлагает он.

— Так просто? — не то удивляется, не то издевается над этим решением Владимир. — Скрутим его по рукам и ногам, да?

— Может быть, и это придется.

— А что, он не будет разве сопротивляться? У него ведь оружие может быть. Уж финка-то наверняка...

— Да, не исключено.

— Так не лучше ли тогда, чтобы взяла его милиция?.. Ну, что ты опять психуешь! Могу я высказать свою точку зрения? Она не такая уж нелепая, между прочим. Даже если тот парень и не пырнет нас финкой, то без особого труда может сбежать от нас. Разве исключено такое?

— Конечно, если у тебя уже сейчас трясутся поджилки.

— Ничего у меня не трясется, просто я трезво смотрю на это рискованное предприятие.

— Тогда ты, значит, не понимаешь...

— Нет, я все понимаю. Конечно, было бы чертовски эффектно, если бы мы с тобой привели в милицию этого парня...

— Да разве только в эффекте дело? А почувствовать себя смелым, испытать свое мужество? Выполнить свой долг, наконец!

— Чтобы потом в газетах о нас?..

— Да нет же! Для себя лично. Я уже испытал недавно что-то вроде этого и знаешь, как в собственных глазах вырос!

— Это пожалуй, — соглашается наконец Владимир. — В этом есть какой-то смысл, только я и не презирал себя никогда: я ведь ушел из банды Джеймса сам, не побоялся их угроз...

— Зато боишься другого: как бы эту банду не раскрыли. Тогда и тебе пришлось бы...

— Ну ладно, ладно — сдаюсь! Давай, однако, займемся этим завтра. Надеюсь, ты останешься у меня ночевать?

«Нужно, пожалуй, остаться, — торопливо размышляет Михаил. — Если этот тип выследил меня, значит, знает теперь, где живет Володя. А ночью мало ли что может произойти. Как же оставить его одного? Вдвоем же мы что-нибудь придумаем...»

— Мне сестре нужно позвонить, — говорит он вслух. — Она беспокоится, наверно...

— Ну пожалуйста. Ты ведь знаешь, что у нас тут телефон.

Валентине Михаил звонит в шестом часу, полагая, что она уже пришла с работы. Но ему никто не отве-

чает. А когда спустя полчаса он собирается звонить вторично, Владимир просит:

— Ты только не говори ей адреса нашей дачи и номера телефона. Мало ли что она надумает — возьмет да и обратится в милицию, а мне не хотелось бы...

— Ладно уж, не буду тебя рассекречивать, — обещает Михаил. — Валентина может, конечно, поднять переполох.

Она сразу же отзывается на второй его звонок.

— Откуда ты, Миша? Верочка мне сказала, что ты ушел давно. Она видела тебя, когда ты выходил из дому. Что-то плохо слышно... Ты откуда говоришь? С какой дачи?.. А как фамилия твоего приятеля? Иванов? Что-то я не слышала раньше о таком приятеле. Не сочиняй мне, Михаил! Говори прямо, где ты? Может быть, опять...

— Нет-нет! — почти кричит ей в ответ Михаил. — Как ты можешь подумать такое? Я действительно у моего школьного приятеля Володи Иванова. Ты за меня не беспокойся. Я у него только переночую и завтра приеду... Ну что ты волнуешься, честное слово! Что я, маленький, что ли? Да не могу я тебе ничего больше сказать! Вот вернусь завтра и все расскажу.

Он кладет трубку, очень недовольный своим разговором с сестрой. Лучше было бы совсем не звонить. А тут еще Владимир смотрит с осуждающим видом.

— Ну зачем ты ей мою фамилию назвал? Она теперь определенно в милицию заявит...

— Пусть заявляет, мало разве Ивановых?

— Ты же сказал ей, что в одной школе учились.

— А там скажут, что ты давно в другом городе живешь... Вообще-то, может, и не нужно было ей звонить, но теперь уж ничего не поделаешь...

Постепенно они успокаиваются, а за ужином начинают даже посмеиваться над своими страхами.

— Вам где постелить? — спрашивает их тетя Поля.

— На веранде, — отвечает Владимир. — Только мы еще не скоро ляжем.

— Может, погуляем немного вокруг дачи? — предлагает Михаил.

— Поздновато уже... — не очень охотно отзывается Владимир.

— У вас тут что, пошаливают?

— Да какое там пошаливают, — смеется тетя По-

ля. — Дай бог, чтобы всюду было так спокойно. Володя очень любил раньше погулять перед сном, а теперь его силком за ворота не вытащишь.

— Ну что вы, тетя Поля, сочиняете... — пытается оправдываться Владимир, но от Михаила не ускользает нотка смущения в его голосе.

Потом, когда они остаются вдвоем, Володя признается:

— Я и в самом деле стал побаиваться выходить за ворота вечерами. И знаешь почему?.. — Он делает паузу и, оглядевшись по сторонам, произносит шепотом: — Раньше я считал себя почти храбрым, но с тех пор, как сбежал от Джеймса, стал бояться темноты. Глупо, конечно, но ничего не могу с собой поделать...

— Ну вот, а ведь только что таким храбрецом прикидывался! — подшучивает Михаил. — Зато я не боюсь признаться, что не из очень храбрых. Однако всякий раз, когда мне удастся пересилить страх, начинаю ощущать себя человеком.

— И ты решишься выйти ночью за ворота дачи, зная, что там может быть Благой?

— Решусь, пожалуй, — не очень уверенно заявляет Михаил. — Хотя сегодня действительно кто-нибудь может поджидать нас за воротами...

16. Тревоги Валентины

Валентина просто не знает, что делать, где искать Михаила. А нужно срочно что-то предпринимать! Может быть, позвонить Черкесову?..

Она порывисто снимает трубку и набирает номер телефона райотдела милиции.

— Товарища Черкесова, пожалуйста, — просит Валентина дежурного по отделу. — Нет его?.. Не могли бы вы разыскать товарища капитана и сообщить ему, что звонила Валентина Ясенева по очень срочному делу?

— Хорошо, постараюсь, — обещает дежурный.

«А может быть, в уголовный розыск обратиться? — торопливо думает Валентина. — Конечно, лучше бы с Олегом Владимировичем поговорить, но сможет ли дежурный разыскать его?..»

На всякий случай она решает все-таки подождать немного. Но проходит почти целый час, а ей все еще никто не звонит.

«Нужно, значит, ехать на Петровку, — решает Валентина. — К тому полковнику, с которым разговаривала в прошлый раз...»

Но не успевает она собраться, как раздается наконец долгожданный звонок.

— Да, да, это я, Валентина! — радостно кричит она в трубку, узнав голос капитана Черкесова. — Мне очень нужно поговорить с вами, Олег Владимирович. Миша исчез...

— Не уходите никуда из дома, — прерывает ее Черкесов. — Я немедленно еду к вам.

А Валентину начинает мучить совесть:

«Зачем я сказала, что он исчез? И вообще, может быть, напрасна моя тревога, а у Олега Владимировича есть дела поважнее...»

...Уже сидя в машине, Черкесов тоже досадует на себя: «Зачем, собственно, я еду? Можно было бы и по телефону обо всем расспросить...»

Ему даже самому себе не хочется признаться, что он рад случаю повидаться с Валентиной. Чем бы он ни был занят все эти дни, ее образ не выходил у него из головы...

— Что случилось с Михаилом? — с нескрываемым беспокойством спрашивает он Валентину, как только она открывает ему дверь.

— Простите меня, ради бога, Олег Владимирович, может быть, я зря подняла тревогу...

И она рассказывает ему о телефонном звонке Михаила.

Сначала Черкесову кажется, что она и в самом деле напрасно так встревожилась. Но потом он начинает припоминать, что Михаил упоминал в одной из бесед с ним Володю Иванова, сбежавшего из «колледжа» Джеймса раньше его. Тогда Черкесову показалось, что Михаил назвал его фамилию случайно, проговорился, но Черкесова это насторожило, и он стал расспрашивать Ясенева об этом Володе. Выяснилось, что они учились в одной школе, но потом Иванов ушел из нее, так как отца перевели на работу в другой город.

Как же они встретились теперь, да еще на какой-то даче? Черкесову и тогда была не совсем ясна история с Ивановым, так как чувствовалось, что Михаил чего-то не договаривает. Капитан собирался даже принять розыск Иванова, но не успел. А теперь сообщение Валентины начинает все больше тревожить его, хотя он и старается успокоить девушку:

— Я думаю, Валентина Николаевна, что для серьезного беспокойства нет пока причин. Разрешите мне позвонить от вас?

И Черкесов торопливо набирает номера нескольких телефонов, пока наконец не дозванивается до старшего лейтенанта Глебова.

— Это я, Федор Васильевич. Вам, кажется, приходилось встречаться с Савостиным? Да, с директором школы, в которой учится Ясенев. Попробуйте разыскать его и узнать поподробнее о бывшем ученике этой школы Владимире Иванове и его родителях. Позвоните мне потом к Ясеновым.

— А теперь наберемся терпения и подождем, что удастся узнать Глебову, — обращается Черкесов к Валентине, внимательно всматриваясь в ее взволнованное лицо. Заметив, что она смущена, его пристальным взглядом, он поспешно объясняет: — Похудели вы за эти дни...

— Да, возможно...

— Все тревожитесь о брате?

— И не успокоюсь, пока вы Джеймса и Благого не поймаете.

— Поймаем, можете не сомневаться. А грехов у этих бандитов столько, что самого сурового наказания им не избежать...

Он сказал это и испугался, заметив, как побледнела вдруг Валентина.

— Да вы не пугайтесь только! Им никуда теперь от нас не уйти.

Черкесову очень хочется сообщить ей, что с помощью составного портрета Благой уже опознан в одной из исправительно-трудовых колоний, в которой он отбывал наказание за соучастие в убийстве. Известны уже и его фамилия, и место работы. Он оказался Дерябиным, шофером одной из московских автобаз. Сейчас он в загородном рейсе, наверно, к Подольску подъезжает. Его должны там взять работники местной ми-

лиции. Всего этого, однако, нельзя пока рассказывать Валентине...

Раздумья Черкесова прерывает звонок Глебова.

— Олег Владимирович, — торопливо сообщает старший лейтенант, — нас с вами срочно вызывают к полковнику Денисову. Заехать за вами?

— Не нужно, я доберусь и так.

— Очень хотелось о многом с вами поговорить, — вздыхает он, опуская трубку и поворачиваясь к Валентине, — но...

— Долг службы, — грустно улыбаясь, заканчивает за него Валентина. — Надеюсь, однако, что это не последняя наша встреча...

Конечно, по-всякому можно истолковать ее слова, но для Черкесова в них заключена надежда... Надежда на что-то большее, чем только встреча.

17. Вика Иванова сообщает координаты Михаила

Как только Черкесов входит, полковник Денисов отрывается от чтения каких-то документов и, невесело усмехаясь, произносит:

— Я мог бы начать наш разговор словами гоголевского городничего, но сейчас не до шуток, ибо мне предстоит сообщить вам действительно не очень приятное известие. Из Подольска нас уведомили, что машина Благого-Дерябина в пункт назначения не прибыла. Несколько минут назад пришло известие, что ее обнаружили брошенной неподалеку от кольцевой дороги, в районе Кузьминок. Похоже, что кто-то предупредил Благого.

— Это могли сделать те, кто принимал участие в составлении его портрета, — замечает Глебов.

— Но не Ясенов же и не Лиханов? — невольно вырывается у Черкесова.

— Я тоже думаю, что не они, — соглашается полковник. — Но ведь вы показывали варианты его портрета и тем, кого подозревали в убийстве Зиминой. Разве не могли они сообщить об этом Благому?

Полковник Денисов вопросительно смотрит на работников райотдела. Некоторое время все молчат. Потом просит слова Черкесов:

— Вы правы, товарищ полковник, кто-то из них

вполне мог это сделать. И ни у Благого, ни у Джемса нет, конечно, ни малейших сомнений, что портрет Благого изготовлен главным образом с помощью Ясенева. Они, конечно, опасаются, что с его помощью может быть создан и портрет Джеймса. И вне всяких сомнений, попытаются как можно скорее расправиться с Ясеньевым. А обстановка для этого очень благоприятна. Михаил ведь на даче у своего приятеля Володи Иванова, который, кстати, тоже сбежал в свое время от Джеймса.

— Вам известно, где эта дача? — спрашивает полковник.

— Что вам удалось узнать об Иванове, товарищ Глебов? — обращается Черкесов к старшему лейтенанту.

— Выяснилось, что родители Владимира Иванова никуда не уезжали из Москвы. Перебрались только в другой район.

— И у вас есть их новый адрес? — обращается к нему Денисов.

— Да, товарищ полковник.

— Тогда нужно немедленно разыскать этих ребят.

Отца Володи не оказывается дома, он все еще на каком-то заседании в министерстве. Черкесов представляется его супруге дядей школьного приятеля их сына.

— Вы извините, пожалуйста, что я вас беспокою, — объясняет он причину своего прихода. — Племянник мой Михаил, не спросив ни у кого разрешения, уехал, оказывается, на дачу к вашему Володе.

— Но я просто никакого понятия об этом не имею, — говорит Иванова. — Меня целый день дома не было. Вот, может быть, Вика в курсе... — поворачивается она к дочери.

— Да, мама, я в курсе, — солидно отзывается Вика. — Миша был тут. Ты его тоже знаешь, мама, он заходил к нам как-то. Мы еще думали, что он из той компании... Но он вообще у вас со странностями, — говорит она Черкесову. — Я ему рассказала, как на нашу дачу ехать, до метро даже проводила: мне как раз к подруге нужно было. Идем мы с ним, разговариваем, а он все озирается по сторонам. Показалось ему, будто бы разговор наш кто-то подслушивает...

— Может быть, и в самом деле?

— Вообще-то действительно шел за нами какой-то парень...

— Вы о чем-нибудь интересном говорили или слишком громко? — любопытствует Черкесов. — Громкий разговор обычно привлекает любопытных.

— Да о чем таком могли мы говорить, если я всего второй раз в жизни Мишу вашего видела? Попросила его только передать привет Володе. И разговаривали мы не очень громко. Обыкновенно. А вы что, очень рассердились на Мишу, что он без спросу в Ландышевку уехал? Если хотите, мы можем дать вам телефон нашей дачи.

— Что уж теперь с ним поделаешь! — вздыхает Черкесов. — А телефон на всякий случай дайте. Позвоню ему завтра, если не приедет.

18. Беспокойная ночь

— Ты уверен, что он тебя выследил? — дрогнувшим голосом спрашивает Михаила Владимир.

— Почти не сомневаюсь...

— Почти?

— До Ландышевки, во всяком случае, он меня проследил.

— Ну если до Ландышевки, значит, все...

— Это еще надо проверить.

— А как?

— Когда стемнеет, он непременно к даче подберется. И тогда уж мы его...

— Схватим?

— Ну да! Засядем в кустах у ворот и схватим, как только он...

— А если это будет сам Благой?

— Ну едва ли...

Как быть с Благим, Михаил просто не знает. С ним не справиться, конечно. Он, наверное, вооружен не одной только финкой...

— Слушай! — хватает вдруг Михаил Владимира за руку. — А у твоего отца нет ли охотничьего ружья?

— Есть двустволка.

— И патроны?

Владимир утвердительно кивает головой.

— Давай тогда тащи сюда, чтобы только тетя Поля не заметила. Да ты не бойся — я с двустволкой умею обращаться. Ходил когда-то с отцом на охоту.

Это уж он сочиняет. Отцу его некогда было ходить на охоту, но ружье у него действительно было, и Михаил несколько раз стрелял из него. Когда Владимир выносит из соседней комнаты отцовскую двустволку, Михаил берет ее с видом заправского охотника, нажимает рычаг затвора, откидывает стволы и заглядывает в патронник.

— Давай патроны! — решительно протягивает он руку в сторону Володи.

— Уже сейчас?

— А чего еще ждать? Смеркается ведь. Надо идти в засаду. Давай по очереди. Иди первым ты, а я позже.

— А если все-таки Благой?..

— Да нам с этим дробовиком сам черт не страшен! — храбрится Михаил. — Но, если тебе так уж боязно, давай тогда вместе.

Они устраиваются в кустах возле забора. Сквозь широкие щели в досках даже в сумеречном свете хорошо видна тропинка, ведущая к калитке дачи. Первое время они сидят молча, опасаясь разговаривать даже шепотом.

— А не хватит нас тетя Поля? — шепчет на ухо Владимиру Михаил. — Может ведь такой шум поднять.

— Да, это она может, — соглашается Владимир.

— Когда она спать ложится? В десять? А сейчас уже половина десятого. Пойди уговори ее лечь пораньше.

— А как же ты тут один?..

— Я тебя позову в случае чего.

Едва Владимир поднимается на террасу, как тетя Поля набрасывается на него:

— Куда это вы пропали? Обошла всю дачу, а вас нет нигде. Мне ведь спать пора...

— Ну так и ложились бы. Мы с Мишей погулять вышли, тоже скоро ляжем.

— То его силком за ворота не вытолкаешь, то вдруг сам гулять вздумал на ночь глядя. Ложились бы лучше, весь день завтра в вашем распоряжении.

— Мы еще немножко — вечер уж очень хорош.

— Не уходите только никуда, да двери не забудьте как следует закрыть, когда спать пойдете.

— Не забудем, тетя Поля! И об окнах не беспокойтесь, я их сам сейчас проверю. Да, да, и на кухне тоже. Вы только не забудьте радио выключить.

Большая любительница музыки, тетя Поля выключает радио только тогда, когда ложится в постель. А так как слышит она неважно, приемник в ее комнате грохочет чуть ли не на всю свою мощность.

«В таком грохоте и не услышишь, как Миша на помощь станет звать», — озабоченно думает Владимир, щелкая оконными шпингалетами.

За окнами уже непроглядная тьма. Володя гасит свет. Нужно теперь поскорее к Михаилу. Он торопливо сбегает по скрипучим ступенькам веранды на тропинку, ведущую к калитке.

— Миша, — негромко окликает он Ясенева.

Ему никто не отвечает, да в кустах на том месте, где они сидели недавно, никого нет.

«Неужели он вышел за калитку?..»

Да, весьма возможно — калитка слегка приоткрыта, а до этого, он хорошо помнит, была на задвижке.

— Миша! — уже погромче зовет Владимир.

И опять безответно. Может быть, там, за калиткой, они уже схватили его? Но ведь не было слышно шума борьбы, к тому же Михаил мог бы выстрелить из ружья.

Переборов страх, Владимир еще немного приоткрывает калитку и осторожно высовывает голову в жуткую тьму...

И сразу же его шея оказывается в тисках чьих-то сильных рук.

— Только пикни, — будто в кошмарном сне, слышит он приглушенный, но очень знакомый голос. — Мигом будешь на том свете.

Ну да, конечно же, это голос Благого! Теперь и без его просьбы язык Владимира перестал бы ему повиноваться. Напряженное тело Владимира сразу же обмякает и начинает оседать.

— Ты что же это, дуралей? — непонятно тревожится вдруг Благой. — Никак, со страху концы собираешься отдать! Учись храбрости у Мишки. Я, брат, еле-еле с ним справился. Пришлось даже связать. Я во-

обще всегда его уважал, а сейчас особенно. Все остальные Джеймсовы суперы — просто дерьмо собачье! А ты хоть и сбежал от него, но тоже... Однако время дорого, об этом после. Понимаете надеюсь, что вы в полной моей власти?

Владимир сидит на траве у забора и, привыкнув к темноте, начинает различать неясные очертания лежащего тут же связанного Михаила.

— Можешь его потрогать, — милостиво разрешил Благой. — Он у меня не только связан, у него еще и кляп во рту. А теперь слушайте меня внимательно, ребята.

Благой звучно сморкается и продолжает:

— Оказывается, милиционеры портретик мой нарисовали. А это, сами понимаете, что для меня значит. Это значит капут Благому. Но я не буду ждать, когда меня возьмут! Я явлюсь сам! С повинной! И не с пустыми руками. Я приведу им Джеймса. А эта птица поважнее меня. Это вам не какой-нибудь уголовник, как я. У него дела посерьезнее моих. Контрой попахивают!.. Но мне нужна помощь, ребята. Согласны вы мне помочь?

Пленники Благого растерянно молчат.

— Ах да! — спохватывается Благой и, вынув финку, поспешно разрезает веревки, которыми связан Михаил.

— Вот вам и дробовик, — бросает он к ногам Михаила отобранное у него охотничье ружье. — Ну чего молчите? Или все еще не доверяете?

— Ладно, — сердито отзывается Михаил. — Говори, чем помочь можем, чтобы Джеймса взять?

— А может, лучше об этом милиции сообщить? — робко предлагает Владимир. — Рассказать им, где и как его можно...

— Прямо вам скажу — не хотелось бы мне этого, ребята, — сокрушенно вздыхает Благой. — Речь ведь идет, может, даже о жизни моей, поймите вы это. И одно дело — я им все про Джеймса расскажу, а другое — самого его с рук на руки передам. Да и вам, ребята, тоже нелишне свою вину искупить...

— А ты, значит, надеешься, что тебе за Джеймса скостят часть вины? — спрашивает Михаил.

— Я же с повинной явлюсь. Ну а если еще и Джеймса приведу, сами понимаете, какое это впечат-

ление произведет. Убеждают вас мои соображения, ребята?

— Убеждают, — отвечает за обоих Михаил. — Говори, что нужно делать.

— Там кто у вас, одна тетя Поля? — спрашивает Благой, кивая на дачу.

— А ты откуда знаешь? — удивляется Владимир.

— Я, брат, все знаю, — самодовольно усмехается Благой. — У меня нюх. Можем мы туда зайти и спокойно обсудить план наших действий?

— Она уже спит, наверно, — не очень уверенно произносит Владимир. — Как бы ее не разбудить...

— Не волнуйся, не разбудим, — обещает Благой.

И они идут к даче, стараясь не шуметь, но едва заходят в комнату Владимира, как раздается телефонный звонок.

— Что делать? — испуганно спрашивает Владимир.

— Бери трубку, — советует Михаил. — Это твои родители, наверно.

— Да, я слушаю, — каким-то не своим голосом говорит Владимир в трубку. — Да, Володя Иванов. Миша Яснев тоже тут. А кто это?.. Хорошо, сейчас передам... — И он протягивает трубку Михаилу: — Это тебя...

— А, Олег Владимирович! — восклицает Михаил, узнав голос капитана Черкесова. — Как я себя чувствую? У меня все в порядке, вы за меня не беспокойтесь. Вы скоро приедете за мною? Так ведь я завтра утром сам... Ну так что ж, что Валентина беспокоится — я не маленький. Ах вы выехали уже?.. Нет, мы еще не ложились. Ладно, подождем вашего приезда.

— Кто это? — встревоженно спрашивает Благой, едва Михаил кладет трубку.

— Мой знакомый, капитан милиции.

— Тогда мне нужно немедленно мотать отсюда, — решает Благой.

— А ведь ты с повинной хотел...

— Этого для меня маловато. Я им и Джеймса еще...

— Вот и поможешь капитану Черкесову его взять. Он очень толковый и сердечный человек. Ручаюсь — поверит тебе, если ты всерьез...

— Нет уж, лучше, пожалуй, смотаться, пока есть время.

— Не советую, — хватает его за руку Михаил. — Ты своим бегством нас только подведешь...

— А вы что, задержать, что ли, меня собираетесь? Да разве ж под силу вам одолеть такого, как я? Это же просто смех! К тому же у меня сейчас не о вас забота, сами должны понимать... Портретик-то мой во всех отделениях милиции теперь. Значит, меня любой мильтон...

— В том-то и дело, — все еще не теряет надежды уговорить Благого Михаил. — Сам рассуди: одно дело — ты будешь по собственной воле сидеть тут и спокойно ждать капитана Черкесова, с которым я лично знаком, а другое — они тебя где-нибудь сами. Ведь кто знает, может быть, весь этот дачный поселок уже оцеплен...

— Скажешь тоже, весь поселок! Для этого знать надо, что я тут.

— А чего же тогда капитан Черкесов сюда едет? — спрашивает Михаил. — Мог бы и до утра подождать. Значит, у него есть какие-то сведения. Могла ведь и милиция выследить того парня, что за мной шпионил. На допросе он им и рассказал, наверно, по чьему поручению это делал.

— Не должен вроде. Парень надежный...

— А разве Джеймс не считает тебя надежным? Ведь и ты собираешься его...

— Ну ладно, черт с вами, останусь! — решается наконец Благой. — В конце концов на моей совести не так уж много преступлений. Сам я лично никого не убил, хотя все вы меня, наверно, форменным убийцей считаете. Я все лишь по указке Джеймса делал. В общем, ладно — рискну, останусь тут с вами. Только честно ему расскажите, кто у кого в плену был. А теперь дайте-ка мне пожрать — с утра ни крошки во рту. Совсем было аппетита лишился на нервной почве.

Выслушав Благого, капитан Черкесов долго испытующе смотрит ему в глаза.

— Ну ладно, Дерябин, попробую вам поверить. А теперь о Джеймсе поподробнее. Вы считаете, что он, по чьему-то заданию внушал вам свои идеи?

— Не мне, а им, — уточняет Благой, кивая на Михаила и Владимира. — И еще другим таким же бал-

бесам. А у меня и своих идей хватало. Главным же образом меня деньги интересовали, и потому бесплатно я для него ничего не делал. Да и сам он тоже не по идейным соображениям всем этим занимался. Ему тоже за это платили, и, видать, немало.

— А кто?

— Вот этого не знаю. Догадываюсь, однако, что кто-то из иностранцев. Но в это Джеймс меня не посвящал.

— А кто он, Джеймс этот, на самом-то деле? Есть же у него настоящее имя?

— Должно быть. Когда мы наедине с ним разговаривали, я его Дмитрием называл по его просьбе. На самом же деле он, может быть, Алексей или Анатолий. Фамилии своей он мне не докладывал. Да и встречаемся мы с ним лишь после того, как он мне по телефону назначит место встречи.

— Выходит, не очень доверяет?

— Он вообще никому не доверяет.

— Ну а кем все-таки может он быть? Говорил он когда-нибудь о своей специальности или образовании?

— Это вы у них спросите, — снова кивает Благой на Михаила и Владимира. — Он с ними беседовал, а мне анкеты своей не показывал. Но, видать, из образованных. Слышал однажды, как он с кем-то не по-нашенски по телефону разговаривал. По-американски, должно...

— По-английски, — поправляет его Михаил. — Он вообще любил вставлять в свою речь английские фразы и слова.

— Всячески убеждал в необходимости освобождения каждой личности от обязанностей перед обществом, — усмехается Владимир.

— И ведь вы все это слушали, болваны, разинув рты... — вставляет Благой.

— Ладно, Дерябин, — останавливает его капитан Черкесов. — Расскажите лучше, что вам еще известно о взаимоотношениях Джеймса с его хозяевами.

— Да почти ничего. Это он тайком от меня. Похоже, однако, что словам его там не очень доверяют. Требуют магнитной записи его сборищ, потому как сами посещать их, видно, опасаются.

— А как это практически осуществляется?

— Все, что в «колледже» его творится, мы на маг-

нитофончик. А потом он им эту пленку в виде бтчета. Да еще и с приписочкой, так сказать.

— Каким же образом?

— А это уж с моей помощью. Я еще один магнитофон включаю с уже записанным шумом многих голосов. Понимаете, для чего? Чтобы создать впечатление, будто в «колледже» вдвое больше народу. Ну чем не приписка? А все потому, что с кадрами у нас худо. А когда эти парни, Владимир с Михаилом, от нас сбежали, Джеймс прямо-таки запсиховал. «Верни, — говорит, — их любимым путем».

— А расправиться со мной он тебе не велел? — удивляется Михаил.

— Ивану Дыркину ничего не поручалось разве? — уточняет Черкесов.

— Велено было припугнуть только, — не смутившись, признается Дерябин. — Я ведь говорил уже, что кадры его «колледжа» стали в последнее время прямо-таки на вес золота. Вот и теперь обещана мне за этих парней большая награда. Я бросил на слежку за ними всех своих людей. А когда узнал, что милиция на след мой напала, решил, что пора мне с Джеймсом кончать...

— Он знает уже, что мы напали на ваш след? — спрашивает капитан.

— Пока нет. Потому и надо торопиться. А то как узнает, сразу порвет со мной все связи. Тогда его сам черт не сыщет. Сегодня он мне в половине двенадцатого ночи или завтра в восемь утра звонить должен. Я ему уже доложил, что один из моих парней выследил беглецов.

19. Неужели снова уйдет?

В неопрятной комнате Благого-Дерябина горит яркий свет. С улицы хорошо видно, что он один, но на самом деле там еще и капитан Черкесов. Благой с аппетитом что-то жует за столом, а капитан из-за своего укрытия не сводит глаз с телефонного аппарата. Ровно в половине двенадцатого раздается звонок.

Благой не торопясь встает из-за стола и вразвалочку идет к телефону.

— Аллё! — небрежно роняет он в трубку, ковыряя в зубах спичкой. — А, это ты, Митя!.. Ага, сделано! Как обещал, так и сделал. Не привык зря трепаться. Когда? Да хоть завтра утром. Вечером лучше? Ну да, понимаю, понимаю. Не забыл, конечно, извини, пожалуйста. А когда? Еще позвонишь... Ну ладно, буду ждать до полдесятого. Спокойной ночи. — И он кладет трубку, ругаясь: — Осторожный дьявол! И звонил наверняка из автомата.

— Ну что ж, — вздыхает капитан. — Наберемся терпения и подождем до завтра.

На следующий день в девять тридцать Благой-Дерябин снова «аллёкает» в трубку.

— Так-так, — кивает он головой. — Понятно. Они уже ждут. Через полчаса будем в такси. И на Кумачевскую к дому номер семнадцать? Понятно. Остановиться там и не выходить? Так-так... К нам сядешь, и мы поедem дальше?.. Как чего повторяю? Чтобы лучше запомнить. Ну, чего ругаешься — выпил самую малость в надежде на твое угощение. Ладно, ни глотка больше. Честное пионерское! Ну бувай здоров!

— Насторожило его что-то? — с тревогой спрашивает Черкесов.

— Очень уж пугливым стал в последнее время. Чутье, значит, меня не подвело — вовремя я от него... Ну, что теперь делать будем, гражданин капитан?

— Идите на улицу к стоянке такси. Садитесь там в машину номер двадцать два — тридцать три, и к Ясеновым.

— Понятно, гражданин капитан.

Как только Дерябин гасит свет и выходит из комнаты в сопровождении лейтенанта Егошина, капитан Черкесов звонит старшему лейтенанту Глебову:

— Срочно в машину, Федор Васильевич, и с оперативной группой на Кумачевскую улицу. Рассредоточьтесь там поближе к дому номер семнадцать. Встретимся с вами возле дома номер двадцать пять.

Потом он набирает номер одного из отделов Комитета госбезопасности и просит майора Климова.

— Это Черкесов, товарищ майор. Едем брать. Нет, помощь пока не требуется. Ну вам виднее. Встретимся тогда на улице Кумачевской у дома номер двадцать пять.

Михаил и Владимир сидят на квартире Ясеновых, ждут Благого, он вот-вот должен заехать за ними, капитан Черкесов предупредил. Валентины нет дома, они одни. Михаил внешне спокоен и замкнут, Владимир возбужден. Ни минуты не сидит на месте. Только присядет на стул или диван, тотчас же вскакивает и начинает шагать по комнате.

— Ты что, совсем не можешь собой владеть? — еле сдерживая раздражение, спрашивает Михаил. — Иди тогда домой, я и один поеду с Благим.

— А у тебя железобетонные нервы, да? — усмешается Владимир. — Спокоен как робот! Ну тогда помалкивай и дай мне немного побегать — это разряжает нервное напряжение. Говорят еще, что хороший эффект дает швыряние на пол керамических изделий...

— Уж лучше бегай. Второе лекарство нам не по средствам.

— Ну ты только подумай, Миша, не шарлатан разве этот Джеймс? Обещал освободить наши личности от зависимости, а мы только и знаем, что попадаем в зависимость то к одному, то к другому... Совсем недавно Джеймс с Благим держали нас в страхе и повинновении, а теперь вот капитан Черкесов...

— Для тебя это одно и то же?

— Почти, ибо мне, как личности, более всего хочется сейчас домой.

— Так иди. Капитан ведь не заставляет тебя, а просит...

— Пожалуй, и не просит даже. Не слышал я его просьбы. Мы же сами... Это тоже не свобода, если даже сами. Не такое это дело, чтобы для собственного удовольствия. Не так разве?

— Да, так, и я лично просто рад, что заставил себя пойти на это. И вообще ценю теперь себя лишь за то, что делаю что-либо не потому, что хочется, а потому, что так надо.

— А всегда разве знаешь, как надо?

— Но тут-то уж...

— Да, тут точно, а в других случаях?

— И в других тоже можно разобраться, нужно только выработать в себе чувство долга, и уж оно подскажет... А ну, глядь в окно — вроде машина остановилась. Не Благой ли?

Владимир прилипает к окну, вглядываясь в темноту. У подъезда действительно стоит какое-то такси, но кто вышел из него, не рассмотреть. Видно только, что два человека.

Вот и стук в дверь. Да, это Благой, второго Владимир не знает. Вроде таксист. Но Михаил сразу же узнает в нем лейтенанта Егошина.

— Привет, Миша, — кивает лейтенант Ясеневу.

— Ну, ребята, по коням! — командует Благой. — Едем к боссу. Соизволил наконец встретиться с нами.

Михаил вопросительно смотрит на Егошина.

— Да, действительно, едем к Джеймсу, — подтверждает лейтенант.

Когда все садятся в машину и Егошин включает скорость, Владимир спрашивает Благого:

— А ты выпил, что ли, веселый уж больно?

— Разве ж граждане начальнички дадут? — хмыкает Благой. — А веселый я потому, что Джеймса скоро возьмем.

— Видно, он много крови твоей...

— Да какой там крови! — хохочет Благой. — За те деньги, что он мне платил, я бы от него и не то терпел. Скостят мне за него часть моей вины, вот это меня и радует. Как вы полагаете, гражданин лейтенант?

— Решать будет суд! — обернувшись в его сторону, строго произносит Егошин. — Кончайте на этом дискуссию.

Дальше они едут молча, хотя Благому очень хочется пофилософствовать. Но вот и Кумачевская улица. Егошин сбавляет скорость, всматривается в номера домов. Вон тринадцатый, значит, где-то неподалеку и семнадцатый. Но что такое? Семнадцатый, ведь это кинотеатр! Да и народу полно — видно, сеанс только что кончился.

Егошин останавливает машину и хмуро поворачивается к Благому:

— Что же это получается, Дерябин? Снова, значит, надул вас Джеймс? Ничего себе, укромное местечко для встречи подобрал...

— Погодите, гражданин лейтенант, — успокаивает его Благой. — Тут что-то другое... Он ведь чертовски осторожен. Бойтся, видно, что в темноте ему могут вместо Иванова и Ясенева подsunуть двух оперов из

МУРа. Хочет, наверно, при свете на них посмотреть. Это вполне в его духе. Вот что, ребята: надо, пожалуй, выйти, может, он подаст какой сигнал.

— Как быть, товарищ лейтенант? — спрашивает Михаил Егошина.

Зная, что тут уже должна быть оперативная группа Глебова, лейтенант утвердительно кивает головой.

Они выходят из машины в полосу яркого света кинорекламы. Благой бережно, как лучших друзей, поддерживает их под руки, балагурит:

— А не махнуть ли нам, хлопцы, в киношку? Мирная, говорят, фильма.

Михаил с Владимиром настороженно смотрят по сторонам, вглядываясь в лица прохожих и кинозрителей, выходящих из кинотеатра. Лейтенант Егошин отъезжает чуть подальше и останавливает машину у обочины тротуара, не включая зеленого огонька на лобовом стекле.

— Похоже, что кореш подвел нас, — постояв немного у рекламного плаката, замечает Благой. — Не явился на свидание. Тогда и мы по домам. Хорошо, что я попросил таксиста подождать нас немного. Пошли, ребята!

20. Ну вот и все...

И снова капитан Черкесов сидит в комнате Дерябина, уже не очень веря, что Джеймс позвонит, хотя Благой почти не сомневается в этом.

— Это нам проверочка была, гражданин капитан, — уверяет он Черкесова. — Знаю я его повадки.

— Он что, всегда только из автомата звонит?

— Может быть, и не всегда, этого я точно не знаю. Но чаще всего из автомата.

Капитан на всякий случай договорился с Глебовым выслать несколько машин с радиотелефоном в тот район, из которого звонил уже сегодня Джеймс. Как только станет известно, из какого автомата он говорит, они немедленно получают команду подъехать к телефонной будке и взять того, кто будет в ней находиться.

Ровно в половине двенадцатого раздается наконец звонок.

— Ты же просто зараза! — яростно ругается Бла-

гой, не давая Джеймсу произнести ни слова. Ему дано задание продержаться того у автомата как можно дольше. — Я этих сопляков с таким трудом уговорил, а он... Меня-то ты в какое положение перед ними поставил? Разве их теперь уломаешь еще раз... Они меня и так трепачом обозвали. Считают, что я их разыгрывал. Да ты хоть видел нас? Ах видел! Ну так ты тогда знаешь кто?.. И хватит, иди к черту! Ищи себе другого холуя... Сколько уж мы с тобой работаем, а ты все еще мне не доверяешь. Ну что за человек! Не понимаешь разве, что мы с тобой одной веревочкой, как говорится... Эх, Дмитрий, Дмитрий, за кого же ты меня принимаешь? За шкуру продажную, да? Плохо ты меня знаешь...

Некоторое время Благой молчит, слушая что-то, потом снова как из пулемета:

— Он еще удивляется, что я так разозлился! Да если бы только я не уважал тебя, знаешь что из тебя бы сделал? Ни перед чем бы не остановился! Ну что погоди? Что ты мне еще можешь сказать?.. Ах завтра будешь ждать нас в новом помещении «колледжа»? Нет уж, черта с два я тебе теперь поверю. Да и ребята не пойдут. Они сегодня так распахивались, что и не представляю, как к ним подступиться... Не знаю, не знаю. Ничего не могу тебе обещать... Да на черта мне адрес, если я не смогу их к тебе привести! Значит, ты уже в Яровом переулке обосновался? А там надежно? Ну смотри, тебе виднее. Еще кто там по соседству? Весь дом, значит, в твоём распоряжении. Ну это подходяще. Безопаснее. Хорошо, что снова на окраине. Обещать, однако, ничего не могу. Не уверен, что удастся. А к какому часу? В десять вечера? Ладно, если только уговорю. Ну будь здоров!

— Ну и артист! — усмехается капитан Черкесов. — Таковую интермедию разыграл...

— Так ведь я вообще способный мужик, гражданин капитан, — усмехается Благой. — Я при моих способностях далеко бы пошел, кабы черт меня не путал...

— Ну ладно, Дерябин, это вы на суде заявите, а сейчас гасите свет.

Как только свет гаснет, в комнату входит Егошин.

— На этот раз он из квартиры звонил, товарищ капитан, — докладывает лейтенант. — Она на улице

Мартовской, дом восемнадцать, квартира сорок один.

— Кому принадлежит?

— Пенсионеру Карпухину.

Несмотря на поздний час, капитан Черкесов едет к майору Климову в Комитет госбезопасности — так был уговор. Пропуск ему уже заказан, и они встречаются в кабинете майора.

— Так-так, — с интересом слушает его Климов. — Решился, значит, позвонить из квартиры? Интересно, из какой же? Улица Мартовская, дом восемнадцать? Ясно. А хотите, я назову вам номер его квартиры? Сорок один! Правильно? И принадлежит она пенсионеру Карпухину Геннадию Венедиктовичу. Так? А ваш таинственный Джеймс — племянник Карпухина, которым мы тоже с некоторых пор стали интересоваться. Между прочим, его видели сегодня в толпе, выходящей из кинотеатра. Значит, он действительно проверял Дерябина. Бойтся подвоха с его стороны. Сейчас я покажу вам фотографию этого субъекта.

Он открывает шкаф и роется в какой-то папке. Достает из нее конверт и высыпает на стол десятка два фотографий лысатого человека лет тридцати — тридцати пяти. Одет модно. То в сером, то в черном костюме. И всякий раз не один, а с какими-то людьми.

— Снимали скрытой камерой? — спрашивает Черкесов.

— Нечто вроде того. Возьмите-ка несколько снимков и покажите их вашим ребятам.

— А Дерябину?

— Не обязательно. И ничего больше пока не принимайте.

— Потерпит это до утра? — кивает Черкесов на фотографии.

— Да, конечно. Но желательно пораньше.

— Конечно же, это Джеймс! — без колебаний подтверждает Михаил, перебирая фотографии, привезенные капитаном Черкесовым. — Они что, тоже по методу составного портрета сделаны?

— Нет, это подлинные. В том, что на них Джеймс,

нет, значит, никаких сомнений? Не нужно их еще Володе и Благому показывать?

— Если только вы мне доверяете...

— Да если бы я тебе не доверял, стал бы разве с тобой советоваться?

— Ну тогда можете не сомневаться.

— Спасибо, Миша!

Сообщив майору Климову о своем разговоре с Ясеныным, Черкесов спрашивает:

— Может быть, все-таки нужно было показать эти снимки еще и Владимиру Иванову?

— А вы не уверены разве, что Ясенын точно опознал Джеймса?

— Вне всяких сомнений.

— Зачем же тогда обижать парня. Он ведь может узнать, что вы его как бы перепроверяли. Иванов, наверно, сообщил бы ему это при встрече. Предупреждать же Иванова, чтобы он... Да вы и сами понимаете, что это, так сказать, непедagogично. Ну вот и все. Будем считать, что операция по ликвидации «колледжа суперменов» проведена вами успешно. Остальное завершим мы. А ребятам вашим, Ясеныну и Иванову, рекомендую объявить благодарность.

— Может быть, еще и какие-нибудь подарки?

— А вы сами-то как думаете?

— Я думаю, что этим только все дело можно испортить. Но у начальства есть такое намерение.

— Согласен с вами. Сознание выполненного долга должно быть для них высшей наградой. К тому же они не только выполнили свой долг, но и искупили свою вину. И это тоже нужно как-то дать им почувствовать.

— Спасибо за дельный совет, товарищ майор. Желаю удачно завершить эту операцию.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСЛИ ДАЖЕ ПРИДЕТСЯ ПОГИБНУТЬ... <i>Повесть</i>	5
СИЛЬНЕЕ СТРАХА. <i>Повесть</i>	151

Томан Николай Владимирович

ЕСЛИ ДАЖЕ ПРИДЕТСЯ ПОГИБНУТЬ... Повести.

Редактор *А. Строев*

Художник *А. Семенов*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Е. Брауде*

Корректоры *А. Долидзе, К. Пипикова*

Сдано в набор 16/1 1973 г. Подписано к печати 3/V 1973 г. А00383.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 2. Печ. л. 7,5 (усл. 12,6). Уч.-изд.
л. 12,7. Тираж 6 000 экз. Цена 52 коп. Т. П. 1973 г., № 192.
Заказ 2138.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: Москва, А-30, Сушневская, 21.

52707

2

NOTHING TO SAY